

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

3(76)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Свобода и демократия в российской истории
Freedom and Democracy in Russian History

Двадцать лет российских реформ
Two Decades of the Russian Reform

Модернизация в современной России
Modernization in Present Day Russia

Россия и постсоветское пространство
Russia and the Post-Soviet Space

Разведка перед Великой Отечественной войной
Intelligence before the Great Patriotic War

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2012**

УДК 009

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

Р 75

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченков* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шанишева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*

Редактор-консультант *И.Л. Бельский*

Старший редактор *Д.А. Семенова*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2012. – ISSN 1726–5223. – № 3 (76). – 252 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2012

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

М. В. Ильин
Как растут свобода и демократия на российской почве? 6

Р. Х. Симонян
Два десятилетия реформ глазами социолога 29

**ГРАНИ РОССИЙСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ**

О. М. Михайленок
Политическая модернизация и политическая стабильность: Российский дискурс 47

Ю. Г. Павленко
Социальные факторы модернизации российской экономики 62

А. В. Алексеев
Сколько стоит модернизация? 72

В. В. Пациорковский
Модернизация домохозяйств как императив развития России 85

В. Г. Холодков
Возможно ли использовать опыт Китая в модернизации России? 97

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

M. V. Ilyin
How Freedom and Democracy Grow on the Russian Soil?

R. Kh. Simonyan
Two Decades of the Reform in the Eyes of a Sociologist

**FACES OF THE RUSSIAN
MODERNIZATION**

O. M. Mikhaylenok
Political Modernization and Stability: The Russian Discourse

Yu. G. Pavlenko
Social Factors of the Russian Economy Modernization

A. V. Alexeev
How Costly is Modernization?

V. V. Patsiorkovsky
Household Modernization as an Imperative for Russia's Development

V. G. Kholodkov
Is it Possible to Use China's Experience in the Russian Modernization?

РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ

В.Л. Иноземцев
Национальные интересы
России на постсоветском
пространстве: В чем они со-
стоят и какими должны быть? 108

В.С. Мартьянов
Ремодернизация постсовет-
ского пространства: Универ-
сализм принципов и целей 122

Т.Е. Кузнецова
О некоторых аспектах
диаспорного уклада
в мире и России 137

Н.В. Сорокина
Русские и немцы в зеркале
представлений российских
и немецких студентов 151

Л.С. Лыкошина
Дональд Туск – либерал
во власти 167

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

С.С. Секиринский
«Доживем ли мы
до 18 брюмера?»
Дневник ровесницы Сталина 180

С.В. Сергутин
Разведка в преддверии Великой
Отечественной войны:
К вопросу о достоверности
информации 197

RUSSIA AND THE WORLD
IN THE 21ST CENTURY

V. L. Inozemtsev
Russian National Interests
in the Post-Soviet Space:
What They Are and What They
Should Be?

V. S. Martyanov
Re-Modernization of the Post-
Soviet Space: Universalism
of Principles and Goals

T. Ye. Kuznetsova
Some Aspects
of the Diaspora Life
in the World and Russia

N. V. Sorokina
Russian and Germans
in the Mirror of Russian
and German Student Perceptions

L. S. Lykoshina
Donald Tusk – A Liberal
in Power

PHENOMENOLOGY
OF THE SOVIET SOCIETY

S. S. Sekirinsky
«Shall We Live Till Brumere, 18?»
The Diary of the Lady
of Stalin's Age

S. V. Sergutin
Intelligence on the Eve
of the Great Patriotic War:
On the Problem of Information
Reliability

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

*И. В. Обухова-
Зелинская
Потерянные и обретенные
портреты Юрия Анненкова* 210

*В. В. Леонидов
Князь Н. Д. Лобанов-
Ростовский и его коллекции
изобразительного искусства* 220

**НАУЧНАЯ
И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

*Т. М. Кочегарова
Ученые и предприниматели:
Впервые лицом к лицу* 223

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

*Ху Юн
Творцы «китайского чуда»:
Развитие крестьянской
рациональности* 231

*Барфилд Т.
Афганская этническая
головоломка.
Децентрализация власти
перед выводом войск США* 237

**АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА** 241**FACTS, EVENTS, PEOPLE**

*I. V. Obukhova-
Zielinska
Lost and Regained Portraits
by Yuri Annenkov*

*V. V. Leonidov
Prince N. D. Lobanov-Rostovsky
and His Collection
of Arts*

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

*T. M. Kochegarova
Scholars and Businessmen:
First Meeting Face to Face*

ESSAYS, DIGESTS

*Hu Yong
The expansion of peasant
rationality: An analysis of the
creators of the «China Miracle»*

*Barfield Th.
Afghanistan's Ethnic
puzzle.
Decentralizing Power
before the U.S. Withdrawal*

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

М.В. Ильин

КАК РАСТУТ СВОБОДА И ДЕМОКРАТИЯ НА РОССИЙСКОЙ ПОЧВЕ?

Ильин Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН.

Как это по-русски?

В конце апреля 2011 г. по средствам массовой информации прошелестела новость. Спикер российского парламента, он же председатель Государственной думы Б.В. Грызлов перевел-таки на русский язык выражение *суверенная демократия*. Выступая 27 апреля 2011 г. на международной конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 105-летию парламентаризма в России, он сказал: «Именно самодержавное народовластие или, если перевести это с русского языка на иностранный, суверенная демократия есть самая исторически свойственная вещь для России» [<http://tyumen.er.ru/?news=3574>]. Сами эти слова, да и большая часть всего приветственного слова Грызлова буквально воспроизводят – без какой-либо ссылки – основные положения выступления депутата Государственной думы нынешнего министра культуры В.П. Мединского на парламентском заседании 22 апреля [<http://transcript.duma.gov.ru/node/3427/>], т.е. за пять дней до выступления Грызлова. Впрочем, выражение *самодержавное народовластие* сам Мединский ввел куда раньше. Можно сослаться, например, на его слова во время дискуссии в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы» 27 ноября 2006 г. Рассуждая о термине *суверенная демократия*, он обнаружил в нем исторический смысл: «Слишком мало мы вдумываемся в содержание. Если перевести это на русский язык, то это самодержавное народовластие» [<http://www.sps.ru/?id=217458>].

Оставим, однако, вопросы первенства и наличие признаков плагиата в выступлении Грызлова. Куда интересней смысл согласованного, надеюсь, мнения представителей «Единой России» в Государственной думе. При беглом упоминании вечевой практики фактическое начало отечественной демократии относится к эпохе Ивана Грозного и к последующему столетию

сословно-представительной монархии. При этом Грызлов сослался на то, что «иностранные послы и путешественники сравнивали тогда российские Собы с английской палатой общин, а Боярские Думы, с которых впоследствии и было взято название для российского парламента, – с Палатой лордов» [<http://tyumen.er.ru/?news=3574>].

Замечание странное, ибо в мировой политической науке сословное представительство отнюдь не считается современной демократией или даже несовременной ее формой. Сошлось на яркое суждение классика обществоведения и политологии Чарльза Тилли. В своей книге о соперничестве и демократии с 1650 по 2000 г. он предлагает вооружиться «поисковиком демократии XXI века» и отправиться в век XVII. Что мы обнаружим, высадившись в 1650 г.? «Обилие революций и войн, но считанные признаки демократии», – отвечает Тилли [27, с. 42]. Демократий как политических систем не было видно вообще. При самых мягких критериях полиархии только положение, связанное с выборами 1848 г. в США, можно оценить как демократическое, а фактически об американской полиархии, да и то с оговорками, можно говорить только после Гражданской войны.

За немногими исключениями история демократий начинается только в XX в. Даже старые демократии фактически очень молоды. Как отмечает Роберт Даль, в Западной Европе «до 1900 г. только во Франции, Италии и Швейцарии были кабинеты или премьеры, полностью подотчетные избираемому законодательному органу» [3, с. 360–361]. Еще поразительней молодость устоявшихся демократий в Нидерландах и Скандинавии. Даль пишет: «В Нидерландах подотчетность была достигнута в первой декаде века, в то время как в Скандинавских странах парламент получил от монарха контроль над правительством лишь после острых и продолжительных конституционных кризисов: Норвегия в 1884 г., хотя она не обрела независимости от Швеции и шведской короны вплоть до 1905 г., Дания – в 1901 г., а Швеция – только в 1918 г.» [3, с. 361].

На этом фоне датировать начало отечественной демократии XVI в. (!), т.е. за три столетия до того, как современная демократия или полиархия вообще возникла в мире, по меньшей мере удивительно. Данное утверждение звучит просто абсурдно для специалиста-политолога. На чем же основаны подобные опрометчивые оценки? На прямом отождествлении типа правления, где присутствовали Земские соборы, и типа правления, где функционирует нынешняя Государственная дума. Раз можно найти какой-то признак демократии, например выборы или публичные дебаты, то это демократия и есть без оглядки на то, куда этот признак встроен, в каких условиях, в какую историческую эпоху обнаруживается.

Впрочем, подобные отождествления отнюдь не последовательны и систематичны. С одной стороны, благожелательно принимаются весьма сомни-

тельные мнения западных путешественников о сходстве наших соборов с парламентом, а боярской думы с палатой лордов, а с другой – через пару строк отвергаются. Руководящие представители всенародно избираемой палаты противопоставляют выделяемую ими схему самодержавного народовластия действительной традиции формирования и консолидации самостоятельных представительных органов власти: «Наши Соборы не противостояли царской власти, как сеймы и ландтаги на Западе, а дополняли ее своими властными полномочиями» [<http://tyumen.er.ru/?news=3574>; <http://transcript.duma.gov.ru/node/3427/>; 13]. Не вполне ясно, откуда эти полномочия в логике Грызлова и Мединского возникали. Если всего лишь октроировались монархической властью для разыгрывания ритуалов ее поддержки, то совершенно неясно, как могли дополнять. Если формировались на основе диалога власти с представителями подданных и возникавших в результате договоренностей двух партнеров, двух субъектов политики – хотя бы только по вопросу о сборе налогов – то это как раз то, что характеризуется лидерами «Единой России» в Государственной думе как противостояние. Фактически как у нас, так и в Европе можно найти множество конкретных вариантов, которые в ходе истории постепенно закрепляли поворот либо к одной, либо к другой крайности. Либо к соправлению короля и парламента (юридическая формула английской конституции *King in Parliament* – суверен полномочен лишь «в парламенте», в согласии с ним, а парламент только тогда, когда суверен «входит в его состав») в результате Славной Революции 1688 г., либо к чисто ритуальной роли всеодобрителя последних Земских Соборов при ранних Романовых.

При всей конъюнктурности и выборочности исторических сопоставлений одно принципиально и неизменно. Это полное отождествление Грызловым нынешнего политического строя и порядков 400-летней давности: «Я уже говорил о системе конструктивного взаимодействия между органами законодательной и исполнительной власти, которую удалось выстроить в сегодняшней Государственной думе. Наши предки нашли и освоили этот путь еще 400 лет назад, и в этом – уникальность русской демократии, русская придумка» [<http://tyumen.er.ru/?news=3574>; 13]. Фактически нынешнее положение с разделением властей, не только декларируемое конституцией, но и в известной мере подкрепляемое политической практикой (пусть даже противоречиво и непоследовательно), отождествляется с неразделенностью или симфонией законодательных и исполнительных полномочий интегральной власти русского царства или самодержавия (об этом чуть ниже) 400-летней давности. Не странно ли слышать такое в отношении нынешнего режима от руководителей «Единой России» в Государственной думе? Если все это принять как осознанную позицию, то Борис Грызлов и Владимир Мединский оказываются не просто критиками, а крайне радикальными критиками нашей

отечественной демократии, способными дать сто очков любым «злопыхателям России».

Означает ли это, что предложенный В.Р. Мединским еще в 2006 г. перевод выражения *суверенная демократия* как *самодержавное народовластие* неверен? Отнюдь нет. Напротив, это очень суггестивная (подсказывающая) находка, во многих отношениях удачная и точная. Если оставить в стороне прямолинейные и анахронистские отождествления, этот перевод позволяет акцентировать важные связи между современными институтами демократии и различными историческими обычаями и практиками, которые внесли вклад в формирование отечественной традиции. Не только у нас, но и повсюду демократия как «свободное правление» (так нередко характеризовали демократию политические мыслители на Западе) в основном строится из «сора» недемократических институтов. Выборы, конституции, признание верховенства законов, иммунитета народных представителей и т.п. возникли задолго до того, как в конце XIX и в начале XX столетий в некоторых странах начали формироваться современные демократические системы. Эти многочисленные нововведения, возникшие еще в недемократические времена, после своего оформления в демократический ансамбль институтов приобретают ясные демократические функции и начинают трактоваться как демократические (выборы, конституции, институты, организации).

Это общее правило наследования справедливо и для отечественной демократии. Без знания и понимания превратностей и исторических превращений свободы и участия народа в отпавлении власти трудно, если вообще возможно, строить институты современной демократии на русской почве.

Истоки

Разумеется, невозможно понять переплетение противоречащих друг другу тенденций и осуществлять выбор политических альтернатив, если игнорировать влияние исторического наследия на современную российскую политику. Нельзя оценить нынешнее состояние отечественной политики, нынешние возможности нашей демократии без учета трагической истории борьбы за свободу. Чтобы понять ее, нужно принять во внимание то, как участники этой борьбы воспринимали и обозначали свои попытки и институты, которые они создали. А начать необходимо с того, как наши предки называли и понимали народовластие, свободное участие людей в решении политических вопросов.

Самое слово *демократия* до середины XIX столетия редко употреблялось в России. Его первое упоминание можно обнаружить в переводе работы Самюэля Пуфендорфа «Введение в историю Европы» (1718). Несмотря на довольно позднее появление, слово *демократия* к середине XIX в. быстро при-

обрело особенный русский смысл. Демократия объявлялась характерной чертой быта русской крестьянской общины. В этом отношении она казалась уникальной и не имела ничего общего с демократией на Западе. Такое представление получило «научное» подкрепление благодаря немецкому ученому Августу фон Гакстгаузену (1792–1866), который в 1843–1844 гг. по приглашению российского правительства предпринял поездку в Россию. По ее результатам он издал трехтомное сочинение [22]. В третьем томе этого исследования он уделил внимание русской крестьянской общине и осветил некоторые принципы ее самоуправления, напоминающие прямую демократию. Книга была доступна в России, но переводить ее было запрещено. Только в 1857 г. «Современник» напечатал отрывки из работы Гакстгаузена, посвященные крестьянству. Это был поворотный период времени, отмеченный глубоким социальным кризисом и текущей подготовкой отмены крепостного права и последующих модернизационных реформ. На данном этапе умы интеллектуалов в России занимали разговоры о демократическом инстинкте русских крестьян и исконной предрасположенности русской крестьянской общины к безупречной и неискаженной (прямой) демократии. Есть ли существенные аргументы в поддержку подобных заявлений? В контексте разнообразных политических событий, произошедших с тех пор во многих частях мира, включая территории на периферии Европы, в этом нет ничего особенного. По всему миру можно обнаружить следы архаичных и даже первобытных обычаев. Россия в этом не исключение. Более необычным предметом исследования представляются формы сосуществования в политической жизни глубоко укорененных демократических принципов¹ с другими властными установками, включающими некоторые чрезвычайно недемократические и откровенно авторитарные². Племенная демократия восточных славян взаимодействовала с установками в равной степени рудиментарными, а именно с военной демократией варяжской дружины Рюрика, который был призван для установления общей военно-торговой инфраструктуры.

Консолидация механизма наследственной передачи власти в Киевской Руси имела легитимную основу в виде особых взаимоотношений между князем и народом. Существует довольно ограниченный объем информации относительно того, как эта система работала на самом деле. Систематический анализ древнерусских летописей доказал, что практически во всех описаниях «народной» активности внимание летописца было сконцентрировано на кня-

1. В данном случае демократические принципы предполагают наличие обратной связи путем подотчетности, т.е. соединение прямого участия общинников или дружинников со столь же прямой подотчетностью им вождей.

2. Авторитарные принципы также понимаются предельно обобщенно как отсутствие обратной связи и какой-либо подотчетности.

зе как центральном элементе повествования. Тем не менее довольно значимы были такие полисные структуры, обладающие демократическим потенциалом, как древнерусское *вече*, *весь град* (общее собрание горожан), *старцы градские*, *сбор*. В равной степени важны были такие структуры, как *дружина* (ранний княжеский совет) и *дума* (поздний княжеский совет) и т.д.

Полисная демократия сосуществовала с аристократическим и монархическим порядком, образуя зачастую их причудливые сочетания друг с другом. Во многих частях страны княжеское правление существенно преобладало. В других городах периоды аристократического правления бояр или демократический контроль населения сменяли друг друга на протяжении различных периодов времени.

После завоевания Руси Золотой ордой в 1236–1242 гг. князья стали единственной властью, способной контролировать политический порядок на русских территориях, подчиненных Орде в восточных и южных частях бывшей Киевской Руси. Их правление гарантировал ханский ярлык. В мирском отношении хан был верховным источником всей власти, хотя и считался с рюриковскими традициями отечества и единства. Власть делегировалась лишь в одном направлении – сверху вниз. Однако было одно, но довольно существенное исключение. Князья должны были также сохранять христианскую державу (буквально, что-то, что держит вместе), что объединяло их с народом, а внутри страны было альтернативным источником власти и княжеского авторитета.

С начала XIV в. литовские правители установили режим военного завоевания в западных краях бывшей Киевской Руси. Возможно, этот режим был менее жестким, чем на востоке и юге, но по характеру сходен. На севере верховенство хана было формально признано, однако на деле двум республикам – Новгородской (1136–1478) и Псковской (1266–1510) удалось де-факто сохранить свою независимость. Эти республики были почти идеальными смешанными, полибиевскими политиями, обладающими сильной аристократической компонентой, довольно похожими на свои современные аналоги в Европе. Как и следовало ожидать, важные демократические практики и традиции сохранились здесь на долгое время. Намного более существенным был факт выживания первобытной демократии на периферии – географической и социальной, там, где она была обнаружена Августом фон Гакстгаузеном спустя века.

В Древней и Средневековой Руси, как и повсюду вплоть до недавнего времени, принципы демократии и автократии не различались и не противопоставлялись друг другу, а на самом деле были тесно переплетены. И действительно, в средневековых русских текстах такие вышеупомянутые слова, как *самодержавие*, *самовластие* и *самоволие* использовались для обозначения как правления с обратной связью и с подотчетностью власти, так и пря-

мого господства неподотчетной власти. Различение демократии и автократии, если современный исследователь попытается «вычитать» его, можно обнаружить только в контекстах, а не собственно в тексте. Оно зависело бы от того, что за субъект рассматривается: все общество или правящая верхушка, или, что более часто, оба этих субъекта, образующие одно политическое целое. Данный взгляд фокусирует концептуальную суть – консолидацию власти, тогда как формы этой консолидации (моноцентричная, полицентричная или рассредоточенная) оттесняются на периферию анализа.

Русское слово *самодержавие* часто переводится как автократия. Его неточно воспринимают как славянскую кальку греческого оригинала. Однако в греческом языке слова автократия не было, а словом *автократор* именовался император Западной Римской империи, свой же восточный – базилевсом. Так что автократия – это калька латинского оригинала. Что касается соответствия славянских корней греческим, то первые компоненты (авто- и само-) можно считать в некоторой степени эквивалентным обозначением «себя», вторые же части отличны друг от друга. В обоих случаях речь идет о власти, но о власти разного рода. Греческое слово *кратос* обозначало принудительную и инструментальную власть, сочетающую идеи военного и физического превосходства и выносливости [1]. Славянское слово *держав* подразумевает объединяющую власть, держащую людей вместе (основа – *дер-* от и.е. **dher-* «держатъ вместе»). Таким образом, в то время как автократия предполагала принуждающую неограниченную силу субъекта над его подданными, самодержавие означало самобъединяющую власть, включающую как правителя, так и управляемых.

С этой точки зрения самодержавие не является только автократией в узком европейском смысле простого и прямого доминирования. К этому смыслу добавлено еще и понимание самодержавия как интегрирующей скрепы, как всеобщей мирской инстанции, наделенной властью свыше и обеспечивающей целостность мира. Концептуально самодержавие предполагает, что как власти, так и народ образуют одно политическое целое. Эта концептуальная схема была настолько сильной, что легла в основу, пожалуй, самого распространенного советского лозунга «Народ и Партия – едины». В действительности любая власть в России постоянно была бы одержима этим заветом достижения единства с народом. Доминирующая в Государственной думе партия имеет характерное название *Единая Россия*. Это название некорректно переводят на английский язык как *United Russia*, что соответствовало бы названиям *Объединенная Россия* или *Соединенная Россия*. Для русского уха разница между словами *объединенный* (соединенный из разрозненных частей) и *единый* (целостный, исключающий внутренние разделения) бесспорна.

Суверенный, свободный и равноправный в отношениях с равными себе – это ключевое значение прилагательного *самодержавный*. Вплоть до самого

XIX в. прилагательное *суверенный* использовалось в российских дипломатических документах как стандартный термин для обозначения суверенной власти царя [15; 16]. И даже позже изначальный термин *самодержавный* и транслитерированное слово *суверенный* продолжали использоваться как синонимы до тех пор, пока в советские времена предпочтение не было отдано последнему. Концептуальная память автократической составляющей суверенитета продолжает оказывать влияние на дискурс последних лет – от идеи провозглашения своего суверенитета бывшими союзными республиками, автором которой был Борис Ельцин, до суверенной демократии Владислава Суркова.

Власть vs народ

Появление в конце XV в. Великого княжества Московского было решающим шагом на пути к освобождению от 300-летнего иностранного господства, получившего колкое название татаро-монгольского ига. В этот период Иван Третий Великий и его зять Стефан Великий Молдавский использовали концептуальное новшество. Провозгласив независимость от Золотой Орды и Османской империи соответственно, они назвали себя *государем* и *господарем* (две альтернативные формы одно и того же слова), а подконтрольные им политические образования – своими «владениями» или «хозяйствами», т.е. *государством*³ и *господарством* соответственно.

Первобытное господство после череды превращений дало на исходе Средневековья не только в Восточной, но в Западной Европе сходные политические формы централизованной организации власти на определенных территориях. Названиями этих форм были лат. *dominium*, нем. *Herrschaft*, нид. *heerlijkheid*, фр. *seigneurie* и, наконец, ит. *signoria*. Так что объявлять *государство* или *господарство* уникальной придумкой русских или молдаван безосновательно. Этими разными словами обозначался примерно один структурный тип правления при всем различии стилистики или масштабов владения: от огромного московского государства до крохотной нидерландской сеньории Турне – она же херляйкхейт Доорник.

Чтобы подчеркнуть свой особенный статус, Иван III стал называть себя не просто государем, а великим или самодержавным (независимым) государем. Характерно, что другое русское политическое образование – Новгород-

3. Хотя в современной России слово *государство* является стандартным русским эквивалентом европейским терминам *the state*, *der Staat*, *l'État* etc., его смысловое содержание во многом отлично [Хархордин 2002] или даже контрастно [Пивоваров 2001].

скую республику – часто называли «господин Великий Новгород», что в современных терминах можно понять как «Великий суверен Новгород».

Несмотря на автократический контроль со стороны правителей на протяжении двух поколений, появились новые важные элементы, обладающие демократической природой, в частности система представительных органов. Было три основных вида этих органов. Имеющей наиболее длинную историю была Дума периода Древней Киевской Руси. Ее аналогами были совет старейшин у англосаксов (*witena gemōt*) или английский королевский совет (*curia regis*). В основном Дума состояла из бояр, или феодалов на английский манер. Помимо них в Думу входили несколько княжеских судей. В Московском государстве Боярская дума стала чрезвычайно важным органом, настоящим партнером Великого князя. Именно в этот период времени появилась формула двойного решения: царь указал, и бояре приговорили. Как раз после трагических событий Московского восстания в июне 1547 г. юный царь Иван, который был коронован в январе того же года как Великий Государь Всея Руси, Царь и Великий Князь Владимирский и Московский и т.д., создал параллельно функционирующий неформальный совет для управления страной. Однако этот шаг был всего лишь временной мерой. В 1549 г. царь созвал так называемый Собор Примирия. Он состоял из трех органов: Боярской думы, Освященного Собора и Земского Собора. Была сделана попытка, хотя и не долговечная, создать структуру четырех сословий: царя, знати, духовенства и общин, причем у последних трех сословий были бы свои ассамблеи. Эта попытка провалилась. Сословия как таковые не смогли развиться и, в конце концов, были сформированы сверху уже в Имперской России. К сожалению, предложенная схема была обречена. В скором времени Иван Грозный начал прибегать к систематическим физическим расправам и даже разделил страну на Земщину и Опричнину, чтобы подавить любые зачатки неповиновения.

С середины XVI в. все виды ассамблей созывались более или менее регулярно. Земский Собор при Иване Грозном был важным, но подчиненным органом. По существу, он использовался для уравнивания Боярской думы. Соборы конца XVI – начала XVII в. служили инструментами политической манипуляции для различных центров власти, зачастую иностранных. В условиях распыления власти в 1610–1613 гг. Земский Собор стал фактически самостоятельным органом законодательной и даже исполнительной власти. Он провел ряд региональных соборов и специальное совместное заседание для избрания нового царя и основания новой династии. При Михаиле соборы собирались регулярно до 1622 г. и внесли существенный вклад в консолидацию нового политического порядка. Этот порядок предполагал централизацию власти, выстраивание ее вертикали. В своем прежнем виде соборы стали не нужны и не собирались вплоть до 1632 г. Затем они вновь начали созываться.

Однако теперь их функции состояли лишь в том, чтобы узаконивать и легитимизировать основные решения крепнущей царской администрации. Последний полноценный собор собирався в 1653 г. для утверждения присоединения Украины к Российскому царству. Последующие соборы, несмотря на политическую важность актов, которые они ратифицировали, были ограничены в полномочиях и прекратили созываться после 1684 г.

В середине XVII в. длинный и не лишенный драматизма процесс смены понятий и институтов Российского государства, царства, державы, отечества достиг своей кульминации. В Европе это время было связано с окончанием эпохи конфессионализма, увенчавшимся Вестфальским миром. Европейские суверенные правители освободились от обязательного подчинения божественной власти и теперь зависели только от государственного интереса. Им предстояло рационализировать взаимодействие со своими субъектами путем создания бюрократических сетей и представительных органов. В России в это время протекали не менее важные процессы. В результате репрессий, проводимых Иваном Грозным во второй половине XVI в., а также эпохи Смуты в начале XVII в. и последовавшей за этим перекройки царских владений, существенно сократилось число бояр, городов, церковных институтов и других политических образований. К середине XVII в., преодолев состояние, близкое к развалу, в котором страна находилась в начале века, Россия воссоединилась. В результате второго коренного перелома, коим стало самообъединение, Россия вновь стала суверенным и самодержавным государством. Этот период получил название Великой Русской Самодержавной Революции [10]. Радикальное освобождение вновь обернулось полным подчинением.

Очевидно, что в этот период вновь установилось единство народа и власти, характерное для примитивного общества. Так называемая Русская Система, как ее схематически представляют Пивоваров и Фурсов, полностью сосредоточена вокруг власти. Она основана на единственном политическом институте и единственном источнике власти, абсолютном Авторитете или непосредственно власти, воплощенной в Царе-Государе. Он в свою очередь объединен с полностью обезличенным Населением, а не народом, поскольку народ и представляющие его прежние политические органы, города, местные наследственные владения или вотчины, протосословия и их представительные органы, совместные органы разного рода и т.д. в действительности потеряли свою мощь.

Модель Русской Системы обнаруживает важные и неизменные характеристики властных отношений в России со времен Великой Русской Самодержавной Революции. Эвристичность достигается за счет высокой обобщенности. Подобный панорамный взгляд фокусирует концептуальную суть – консолидацию Власти и ее единение с Населением, тогда как многие другие важные аспекты российской политики и обычной жизни оттесняются на пе-

риферию рассмотрения. В то же время, как неоднократно подчеркивали сами создатели модели Русской Системы, такая обширная с длительной историей страна как Россия просто не может не дополнять предельно обобщенный принцип единения Власти и Населения множеством более мелких ухищрений. Многие другие модели правления, управления и принятия решений применялись в особенности на географических и социальных перифериях, а также в специфических сферах деятельности. Именно там выжили недоразвитые и даже примитивные образцы демократического управления в виде деревенских общин.

Прошло почти два столетия и около века европеизации. Самодержавное государство разрослось до такой степени, что из практических соображений пришлось создавать широкую сеть институтов для регулирования отношений между индивидами, группами индивидов и имперской суперструктурой. Однако куда важнее было то, что за это время возникли два важных политических понятия: Отечество (государство, обладающее длинной концептуальной историей благодаря общему наследию, передающемуся из поколения в поколение и концентрирующемуся на территории вотчины) и Сын Отечества (член этого государства). Эти два понятия были чрезвычайно важными альтернативами как концепту Власти, так и концепту Населения. В высшей степени персонализированная Власть стала деперсонализированной, а обезличенное Население превратилось в сообщество сынов государства – каждый со своим лицом и личной связью со страной и народом.

Провозглашение направляющей идеологической формулы было важным отражением произошедших перемен и нового сочетания основ российской политики. Православие, Самодержавие, Народность (национальность, способность людей мыслить как единый русский народ). Эта формула, придуманная министром образования России Сергеем Уваровым в 1833 г., была созвучна с формулой Французской революции: Свобода, Равенство, Братство и потому была «русской версией основной европейской идеологии реставрации и реакции» [24, с. 133]. Однако в равной мере верно, что эта формула переопределила властную структуру внутри Русской Системы. Православие подтвердило старый принцип сакральной державы, в которой власть государства дается свыше. Самодержавие предполагало прагматическое функционирование державы автократа и его полицейской государственной администрации, а также суверенитет и целостность России. Народность указывала на то, что русский народ был ядром, на которое была направлена концептуализация и осуществление политики. Концептуально это означало, что русский народ стал еще одним источником власти наряду с государем и автократом. Был открыто признан современный принцип организации политики снизу-вверх. Сейчас кажется очевидным, что это признание было главнейшим условием

для приближающейся модернизации и демократизации, будущее которой тем не менее было туманным.

Тройственная формула была шагом вперед на пути к рационализации политической целостности не только концептуально, но и функционально и структурно. Она подвергалась решительным нападкам со стороны славянофилов Ивана Киреевского и Алексея Хомякова, которые попытались разработать новую интегрирующую идею для России, идею Соборности. Она содержала в себе коннотации с Соборами патриархального прошлого Московии и романтизированного духовного единства народа и царя.

Суверенитет самодержавного народа

В сочинениях А.И. Герцена, а затем и Н.Г. Чернышевского и его сподвижников самодержавие царей было противопоставлено самодержавию народа (еще одна «русская придумка»?). Произошел качественный сдвиг в мышлении о политике, подготовленный появлением в отечественном политическом дискурсе понятий «Отечество» и «Сын Отечества». Свою роль сыграли, конечно, возникновение идеи суверенитета народа в Европе, попытки ее реализации и в Европе, и в обеих Америках. Как бы то ни было, к середине XIX в. в образованных кругах русского общества народ уже мыслится как самостоятельный деятель, способный взять на себя основную традиционную функцию политики: «держание всех вместе», обретение всеми единой свободы. В национальную традицию вносится новый взгляд на вещи. Единство и целостность в свободе оставались непререкаемым приоритетом, однако они могли быть обеспечены именно народом как истинным сувереном или самодержцем.

Первые русские демократы, если демократами называть тех, кто отдавал приоритет народному участию и народной перспективе в политике, чрезвычайно оптимистически смотрели на будущее крестьянской демократии в России. Как мы знаем, в 1862 г. радикальными демократами была создана революционная организация «Земля и воля», а в конце 60–70-х годов возникло более широкое движение народников. Если угодно, это был перевод слова *демократ* с иностранного на русский, следующая «русская придумка». Однако попытки «хождения в народ», установления связи с крестьянством, осуществления моральной и социальной революции ради единства во всеобщей свободе не получили почти никакой поддержки и провалились.

Трудная работа освобождения в основном продвигалась в рамках земского движения. Земство стало одним из самых главных достижений Великих реформ. В 1864 г. Александр II создал органы самоуправления в ряде провинций и областей. Их число и полномочия поэтапно увеличивались. К концу 70-х годов они были созданы в 34 наиболее населенных губерниях европей-

ской части империи. К 1914 г. их число достигло 42-х, где проживали почти 90% населения. За пределами европейской части была еще одна земская губерния, а во всем населении империи доля земств составляла почти 65%. При этом в Финляндии было свое самоуправление – фактически она была демократией внутри Российской империи. Свое самоуправление было в областях казачьих войск, а также среди ряда этнических общностей.

Земства руководили работой образовательных и медицинских учреждений, разрабатывали разного рода проекты, связанные с инфраструктурой и т.д. Особенно важным было то, что они проводили выборы в представительные органы, земские собрания, и определяли состав исполнительных органов, земских управ. Для России это был бесценный демократический опыт.

Тем не менее и в сознании общества, и в политической мысли по-прежнему преобладал миф «всеобщей воли», воли всего народа. Несмотря на растущее разнообразие политического и интеллектуального ландшафта постреформенной России, мысли и чувства образованного и необразованных классов были сосредоточены на идеях политического единства. Одним из самых ярких тому примеров следует считать понятие самодержавной республики, предложенное отцом-основателем русского либерализма К.Д. Кавелиным (1818–1885). Его отправной точкой было органическое единство власти и народа. Исходя из этого, он придумал следующую формулу: «Так как народ, без сомнения, по самому существу своему самодержавен, то и единая с ним власть, eo ipso должна быть самодержавной» [Кавелин: 439]. Далее Кавелин продолжает: «Царь есть единственный и самый верный оплот крестьянства против аристократических или мещанских конституций; он и в будущем лучшая гарантия против возникновения всяких привилегированных правящих классов. И нет сомнения, что всею массой своей, дружно и уверенно Россия может идти только за самодержавным, т.е. свободным царем, не зависящим ни от бояр, ни от плутократов. Сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – самодержавной республики» [Кавелин 1989: 436].

Если попытаться найти в современной политической практике альтернативные словесные выражения *самодержавной республики* Кавелина, то это были бы *суверенная демократия* Суркова и *самодержавное народовластие* Грызлова–Мединского. Как это ни покажется странным, именно русское революционное движение, а не монархия, двинуло вперед кавелинский проект по объединению народных масс снизу и популистской власти сверху против плутократической буржуазии. Для этого потребовалась победа Октябрьской революции 1917 г. Однако словесно проект был оформлен иначе. Задолго до этого еще в 1905 г. Ленин начал говорить о *советской власти* как о новой форме политической организации или прямой демократии масс. Так что

советская власть Ленина – также «русская придумка», еще один синоним все того же самодержавного народовластия.

Демократия советов

В результате очередной освободительной революции в нашей стране вновь воссоздалась самодержавная власть. Вновь великий акт всеобщего освобождения обернулся открытой диктатурой. Советская власть была крайне противоречивой. С одной стороны, она опиралась на массовое участие, что придавало ей демократические черты особенно в сочетании с институциональной формой прямой демократии советов. С другой стороны, управлять формирующейся системой смогла только в высшей степени интегрированная и дисциплинированная авангардная партия нового типа. Ленин в своей основополагающей книге «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», написанной в 1920 г., фиксирует иерархию власти: лидеры, партия, (рабочий) класс, массы. Это была та структура-луковица, о которой впоследствии писала Ханна Арендт в своем «Происхождении тоталитаризма».

Демократический централизм был ответом на практический вопрос, касавшийся управления страной. Первоначально он представлял собой набор внутренних организационных принципов нарождающейся в России социал-демократической партии, предложенных большевиками и непосредственно Лениным. Хотя книга Ленина «Что делать?» (1902) считается основополагающей для концепции демократического централизма, эта концепция не была чисто русским нововведением. На самом деле еще в 1868 г. социал-демократ Жан Батиста фон Швейцер придумал термин «демократическая централизация» (*demokratische Zentralisation*) для описания структуры Объединения немецких профсоюзов (*Allgemeiner Deutscher Arbeiter – verein*, ADAV), президентом которого он был. В 1906 г. Ленин предложил знаменитую формулу: «свобода обсуждения, единство действий».

Когда Советская Россия достаточно окрепла, изложенные Лениным принципы демократического централизма, с изменениями, носившими чисто технический характер, легли в основу внутренней структуры советской системы правления. Однако как конституционный принцип, на основе которого организовано государство, демократический централизм был официально закреплен только в ст. 3 Конституции СССР 1977 г.: «Организация и деятельность Советского государства строятся в соответствии с принципом демократического централизма: выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу, обязательностью решений вышестоящих органов для нижестоящих. Демократический централизм сочетает единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах,

с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело».

Считается, что советская Конституция 1936 г. стала, благодаря закреплённым в ней демократическим принципам, одним из самых передовых правовых документов того времени. Она сняла ограничения на возможность голосовать и закрепила прямое всеобщее избирательное право. Конституция также предусматривала прямые выборы всех органов власти и их реорганизацию в единую и единообразную систему. Советский период политического развития весьма последователен в своей концептуальной целостности. Тем не менее существует большая разница между довоенным и послевоенным состояниями (стадиями) одного и того же советского проекта как в структурном (конституционном), так и в институциональном (режимном) измерениях. В то время как первое состояние заключалось в вырождении прямой демократии Советов в открытый тоталитаризм, второе – обозначило демонтаж тоталитаризма и движение к гораздо более универсальным и гетерогенным формам автократического правления. Можно утверждать, что сталинский режим претерпел трансформацию в результате кризиса 1941 г. Пример Отечественной войны 1812 г. был воспроизведен во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Общее название – *отечественная война* – отражает их существенное сходство. Результаты этих войн также были сопоставимы. Участие во всеобщей антифашистской освободительной борьбе и твердая решимость советских патриотов бороться против иностранных захватчиков привели к господству сверхдержав на мировой арене и новому виду самодержавного режима внутри страны.

При всей инерции личной власти Сталина и ее стилистики отличие второго (послевоенного и посттоталитарного) советского режима от предыдущего намечается уже в годы войны (признание роли православной церкви, замена народных комиссариатов министерствами, административные и военные реформы) и ко времени проведения XIX съезда КПСС. Особенно ярко эти перемены проявилось во время «хрущёвской оттепели» и XX съезда КПСС.

Годы и десятилетия после смерти Сталина можно рассматривать как постепенный процесс десталинизации или как ряд структурных и существенных изменений, влияние которых оказалось весьма значительным. Во время правления Хрущёва была выдвинута идея «всенародного государства». Заявлялось о восстановлении ленинских норм демократического централизма в партии и государстве. Партия стремилась сохранить единство народа и власти. Распространённым лозунгом в то время был «Народ и партия едины».

Институциональная система правления и действующая конституция оказались вполне способными к адаптации и трансформации. И действительно, система расширилась за счет существенного увеличения груза ее функциональных обязанностей и задач как внутри страны, так и за ее пределами. Сис-

тема усложнялась и диверсифицировалась, несмотря на ее традиционную предрасположенность к единству и доктринальные требования коммунистической однородности порядка. Типичным структурным решением было появление зон исключения из такого порядка. Постепенно «дырок в сыре» становилось все больше. Под конец дырок, а с ними и потенциальных пространств освобождения, даже стало больше, чем сыра, хотя режим этого как будто не замечал. Результатом этого процесса стало постепенное ослабление и институциональной системы, и режима.

От «демократизации» – к «ущербной демократии»

К началу 80-х годов в советском обществе сформировался запрос на реформы. Здесь не место обсуждать, каковы были альтернативы и как они могли быть использованы. Признание Ю.В. Андропова, что мы не знаем общества, в котором живем, могло указывать, что подготовка к серьезному реформированию была возможна и даже началась. Фактические сдвиги наметились после того, как в марте 1985 г. Генеральным секретарем КПСС стал Михаил Горбачёв. Вновь как и во времена Великих реформ в публичный дискурс были внесены понятия перестройки и гласности. Соответствующие идеи были сформулированы и обнародованы на XXVII съезде КПСС в феврале 1986 г. Распространенные в то время лозунги «Больше демократии – больше социализма», «назад к Ленину» подразумевали встраивание демократической реформы в советскую традицию. Хотя перестройка ознаменовала радикальные перемены в политическом облике страны, конституционные положения, принятые Верховным Советом в ноябре 1988 г., не ликвидировали традиционные структуры. Предполагалось, что граждане должны были прямым голосованием избирать народных депутатов, из которых бы состоял Совет народных депутатов и который в свою очередь избирал бы двухпалатный Верховный Совет. Одна треть депутатов избиралась не по территориальному признаку, а от общественных организаций, включая КПСС, комсомол и профсоюзы. После беспокойной кампании в марте 1989 г. прошли первые соревновательные выборы, в которых потерпели поражение более трех десятков высших партийных чиновников. Вероятно, эти выборы были наиболее успешными с точки зрения соревновательности за последние 20 с лишним лет.

После распада СССР (это проблема, требующая отдельного анализа) Б.Н. Ельцин и его сподвижники заявили о радикальном разрыве с прошлым, однако новая властная структура оказалась довольно традиционной. Демократическая Конституция 1993 г. во многом воспроизвела конфигурацию власти, намеченную в самодержавной конституции 1906 г. Вместе с тем в стране ширилось понимание неэффективности и низкого качества новопровозгла-

шенной демократии. Объяснения этому, однако, давались разные. Нельзя было отрицать наличие большого разрыва между ожидаемым и действительным. Некоторые связывали существующие проблемы с утратой независимой и консолидированной властной основы режима, другие – с неспособностью режима соответствовать нормативным идеалам и лучшим международным практикам. Первая точка зрения казалась лучше соответствующей действительности и более созвучной отечественной традиции, тогда как вторая была абсолютно непрактичной, умозрительной и чужеродной. Первая позиция постепенно возобладали как в умах власти, так и населения в целом. Второй же придерживались догматичные демократы и ревностные критики ельцинского, а затем и путинского режимов. Несмотря на все достижения конца 80-х и начала 90-х годов, как их сторонники, так и их противники отмечали существенные недостатки *ущербной демократии*⁴ – этот термин использовал даже убежденный приверженец демократизации Егор Гайдар. Подобное согласие было естественным только потому, что сторонники обеих точек зрения придерживались нормативных интерпретаций. И когда реальность оказалась далекой от воображаемого идеала, они назвали эту реальность плохой.

Другой и, вероятно, более существенной причиной безрезультатности демократических попыток в 90-х годах был быстрый авторитарный поворот. Двадцать месяцев, прошедших после распада СССР были своего рода периодом двоевластия президента-реформатора и «популистского» Верховного Совета. Обе власти действовали в очень неясно очерченных демократических институциональных рамках. Фактически никаких обязательств придерживаться провозглашенных правил демократического поведения не было. Эти правила никаким образом не были привязаны к текущей практике принятия решений и разрешения вопросов.

В то время как некоторые члены Верховного Совета могли искренне верить, что их законодательство обладает практическим инструментальным значением, именно Ельцин первым делом озабочен был обеспечением минимального уровня управляемости в стране. Его победа была открытым реваншем самодержавия, сопровождавшимся восстановлением послевоенной системы правления, хотя и в новой нормативно-конституционной оболочке, системы, характеризующейся также отсутствием идеологического наполнения псевдодемократического дискурса. Тенденция к ослаблению режима и проведению реактивной политики и стратегии принятия решений получила

4. Это выражение я встретил в американских средствах массовой информации во время стажировки в Питтсбургском университете осенью 1995 г. По-английски замечательная формула Гайдара звучала: «*We have crippled democracy, but it is a democracy at the end of the day*», т.е. – у нас ущербная демократия, но это демократия в конце концов. Русской версии данной формулы мне найти не удалось.

второе рождение. Слабость режима можно было с легкостью интерпретировать как его либерализм. Его неспособность эффективно консолидировать личную власть Ельцина считалась признаком демократии. Кризис 1998 г., последовавший за ним финансовый дефолт и обрушение рубля четко показали, что тенденция к ослаблению режима достигла своего предела. Возможности реактивной политики были исчерпаны до дна. Этого дна Россия достигла осенью 1998 г.

В преддверье выборов 2000 г. президент-самодержец избрал своего премьера. Тот с легкостью победил на выборах, однако задачи, которые Владимиру Путину предстояло решить, были не из легких. Самая непосредственная задача Путина состояла в том, чтобы консолидировать свою власть, а в перспективе президентскую и самодержавную. Одним из его первых шагов стала отмена прямого участия губернаторов в работе Совета Федерации. Эта инициатива была направлена на предотвращение появления альтернативного, по типу боярской думы, источника власти в стране и в полной мере соответствовала логике самодержавно-автократического поворота. Однако этот поворот отнюдь не предполагал невозможности поиска альтернатив развития и осмысленной дискуссии по этому поводу и внутри режима, и в обществе. Так, одновременное с удалением губернаторов из Совета Федерации создание Государственного совета, в состав которого вошли ключевые губернаторы, также могло способствовать проведению характерных для демократических режимов дискуссий по стратегическим альтернативам развития страны.

Неопределенность была недолгой. Выбор вскоре был сделан – и не в пользу формирования базы проактивной политики. Уже к 2003 г. президентская администрация работала над ограничением и сужением повестки дня дискуссий об альтернативах развития России. Осенью того же года один из наиболее эффективных инициаторов этих дискуссий Михаил Ходорковский был арестован. После захвата террористами заложников в школе Беслана в сентябре 2004 г. Путин провозгласил политику укрепления вертикали власти. В результате открытого самодержавного поворота восстановление советских режимных характеристик стало неминуемым. Возникший порядок по многим важным аспектам напоминал вторую или послевоенную советскую систему.

Наиболее важным, пожалуй, аспектом поворота стало идеологическое конструирование политической повестки дня. На информационных каналах доминирующее положение заняла официальная позиция, тогда как все альтернативные точки зрения отодвигались за пределы информационного поля. Для того чтобы отчетливо отделить официальный идеологический домен самодержавной власти от фрагментированных и маргинализуемых неофициальных пространств общения и был введен термин «суверенная демократия», впервые расшифрованный заместителем руководителя администрации прези-

дента Владиславом Сурковым на выступлении перед стажерами Центра подготовки партийных кадров партии «Единая Россия» 7 февраля 2006 г.

Что в имени твоём?

Большинство читателей с детства помнит железное правило капитана Врунгеля: «Как вы лодку назовёте, так она и поплывёт!» Из уст различных людей у нас и за рубежом можно услышать самые различные квалификации России. Однако за точку отсчёта следует, вероятно, взять то, как она называет себя сама. В соответствии с собственной конституцией Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1). В ст. 7 и 14 уточняется, что Россия также социальное и светское государство. То, что Россия также и суверенное государство вытекает из ст. 3, а то, что конституционное, из самого факта существования конституции и из ее основных положений.

В совокупности получаются следующие квалификации в порядке базовости-дополнительности. Сначала идет суверенное, затем светское, далее конституционное, федеративное, правовое, демократическое, социальное государство с республиканской и, добавим, смешанной президентско-парламентской формой правления⁵. В этом ряду демократическое устройство примерно в середине. Демократия основана на суверенности, светскости, конституционности, федеративности и верховенстве права. Это предпосылки и основания демократии. В свою очередь сама демократия становится основой и предпосылкой для социального государства, республиканизма и президентско-парламентской формой правления. Впрочем, и социальное государство, и республика, и ее строй могут быть и не демократиями, а олигархиями (по устройству) или даже автократиями (по стилю властвования). Тогда со-

5. Эта смешанная форма также зафиксирована, хотя и не названа, в конституции. Она именуется президентско-парламентской в терминах современной политической науки [21; 25; 26] и суперпрезидентской в терминах отечественной журналистской «политологии», поскольку данный тип смешения позволяет президенту в большей степени, чем где бы то ни было еще, манипулировать зависящими друг от друга, а главное от него правительством и парламентом. Звучащие из уст российских политиков, включая В.В. Путина и Д.А. Медведева, квалификации отечественной формы правления как президентской, вероятно, результат некомпетентных подсказок непрофессиональных помощников. Президентская форма предполагает максимальное «совместное выживание» и правительства, и парламента, т.е. их независимость друг от друга, но при этом высокую степень зависимости правительства от президента. Парламентская форма предполагает «сбалансированную» взаимозависимость правительства и парламента при избираемом последним президентом или избираемом, но «входящим в парламента» монархе.

циальность и республиканский строй приобретут олигархическую или авторитарную окраску.

Добавлю, соглашаясь с Грызловым и Мединским, что демократия любой страны, а значит и России основана на своей исторической традиции с различными «придумками» в ее наследии. Однако это наследие требуется последовательно насытить всеми предпосылками. Суверенность предполагает, как минимум⁶, фактическое включение в сообщество современных⁷ государств и признание соответствующего статуса. Светскость предполагает, как минимум, разделение религиозных и светских порядков одновременно с признанием свободы и автономности религиозных культов. Конституционность предполагает, как минимум, создание общей рамки, ограничивающей как государство, так и гражданское общество, но одновременно и гарантирующей автономность каждого относительно друг друга. Наконец, верховенство права, как минимум, предполагает не только уважение законов, закрепляющих суверенность, светскость и конституционность, а также автономность судебной власти. В этом смысле оно предшествует им. Куда важнее то, что принятые народом («предприятием поколений» по Э. Берку) и тем самым ставшие неотъемлемой частью национальной традиции стандарты права и прав человека как квинтэссенция суверенности, светскости и конституционности превращаются в источник и самого суверенитета, и конституции, и любых действий законодателя и судьи. Никакой царь или герой и даже никакой плебисцит не могут посягать на стандарты права и прав человека, на то, что для всех бесспорно, справедливо и честно. В этом, кстати, неправомерный характер нацистского присвоения немецкого государства, совершенный, казалось бы по избирательному закону и правилам президентско-парламентской формы⁸. Только поколения, постепенно меняя традицию, могут изменить и стандарты права и прав человека, но сначала они должны ее создать, либо воссоздать. Одного провозглашения прав и свобод человека высшей ценностью (ст. 2) мало. Нужна их укорененность в традиции.

Выходит, что одной исторической «придумки» недостаточно. Ее следует дополнять и насыщать путем очень трудной и интенсивной работы, многократной доделки и переделки «дополнений» одного за другим. Только после

6. Каждый раз уточнение «как минимум» подразумевает, что наращивание новых предпосылок и собственное развитие ведет к качественным усложнениям суверенности, конституционности и т.д.

7. Имплицировано предполагается, что присоединение к сообществу современных государств делает новичков современными, хотя на деле это по существу не так. Однако международно-правовые обязательства требуют от них современного («западного») поведения, например, уважения прав человека и т.п.

8. Веймарская республика вместе с нынешней Россией и некоторыми постсоветскими государствами – классические примеры президентско-парламентской формы.

этого на исторической развилке можно приступать к выбору: сохранять ли олигархию (пусть даже соревновательную с честными и справедливыми выборами), или выходить на новый уровень организации власти со все более сложными и совершенными способами ее подотчетности, т.е. к современной демократии.

Еще раз хочу вспомнить слова Егора Гайдара, что у нас убогая демократия, но это в конце концов демократия. И – подразумевалось – мы можем сделать ее лучше. Гайдар, конечно, не мой герой. Им сделано немало просчетов и ошибок. Разглядеть наше наследие и традиции ему не очень-то удавалось. Да и понимание им демократии было, мягко говоря, поверхностным и односторонним. Однако в готовности признавать ошибки и работать над их исправлением он был прав.

Совсем иное дело, когда политики полагают, что у нас уже есть ровно та демократия, которая нам нужна и которой мы достойны. Когда они уверены, что она уже была придумана четыре столетия тому назад. Когда они полагают, что самое надежное – двигаться к чистому идеалу, когда народ и партия, сиречь начальство, едины.

Пора понять, что словом «демократия» называются разные явления, что «прилагательные» при нем существенны, даже когда опускаются из-за самоочевидности. Пожалуй, первое и самое важное «прилагательное» или принципиальная характеристика – это современность демократии. Только в современных условиях возникает запрос на систематическое и последовательное согласование решений и на всеобщую подотчетность соответствующих действий уже не в рамках отдельных сегментов общества, а в масштабах формирующихся наций и территориальных государств. Этот запрос определяется необходимостью формировать и осуществлять приемлемые для больших масс людей политические курсы, связанные существованием в условиях развития. Современная политика – это не воспроизведение раз и навсегда заданных образцов или одной 400-летней давности «придумки», а принятие решений в непрерывном потоке изменений. Как раз для этого и нужны институты и практики, которые условно можно объединить под общим рабочим названием современной демократии.

Подобное понимание демократии предполагает отсутствие одного единого «сущностного» набора нормативов и принципов, а уж тем более следование одной единственной «придумке».

Как интерпретировать в этом контексте грызловскую идею следования «придумке» 400-летней давности (см. начало статьи)? Надеюсь, это не слишком удачное упражнение в политической риторике. Если его понимать буквально, а тем более превращать в практические действия, то это чревато не просто выхолащиванием важных положений нынешней российской конституции, но демодернизацией нашего государства и общества. Отвечающее ми-

ровым императивам развитие связано не с редукцией современных форм правления к их средневековым прототипам, а с насыщением традиций современным содержанием, их развитием и приумножением. При таком подходе мы, граждане новой демократической России, сможем не только найти движущие вперед имена сегодняшнего и завтрашнего политического порядка, но и предложить миру действительно привлекательные способы организации власти со все более сложными и совершенными способами ее подотчетности, т.е. демократию по-русски.

Литература

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс-Универс, 1995.
2. Грызлов Б.В. Приветственное выступление на Международной конференции, посвященной 105-летию парламентаризма в России [<http://tyumen.er.ru/?news=3574>].
3. Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003.
4. Запись программы (вед. К. Ларина) радиостанции «Эхо Москвы» от 27.11.2006 [<http://www.sps.ru/?id=217458>].
5. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997.
6. Ильин М.В. Фундаментальная идея человечности и ее понятийные и контрпонятийные выражения в индоевропейской культурной традиции. – Концептуализация политики / Ред. М.В. Ильин. – М.: МОНФ, 2001.
7. Ильин М.В. Суверенитет: Вызревание понятийной категории в условиях глобализации. – «Политическая наука». – 2005. – № 4.
8. Ильин М.В. Суверенитет: Развитие понятийной категории. – Суверенитет. Трансформация понятий и практик / Ред. Ильин М.В., Кудряшова И.В. – М.: МГИМО, 2007.
9. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М.: Правда, 1989.
10. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система. – Полис. – 1997. – № 3.
11. Пивоваров Ю.С. Русская история как «Русская идея». – Национальная идея: История, идеология, миф / ИСП РАН; отв. ред. Г.Ю. Семигин. – М.: Современная экономика и право, 2004.
12. Пивоваров Ю.С. Русская власть и исторические типы ее осмысления. – Российская полития на рубеже веков / Отв. ред. С.В. Михайлов. – М.: Полития, 2001.
13. Родин И. Суверенную демократию придумал Иван Грозный. – Независимая газета, 28.04.2011. – С. 3.
14. Россия сегодня: Политический портрет в документах, 1985–1991. – М., 1991. – С. 449.
15. Рошин Е. История понятия суверенитет в России. – Копосов Н., Кром М., Потапова Н. (ред.) Исторические понятия и политические идеи в России. – СПб.: ЕУСПб, Алетея, 2006.
16. Рошин Е. Суверенитет: Особенности формирования понятия в России. – Ильин М., Кудряшова И. Суверенитет. Трансформация понятий и практик. – М.: МГИМО, 2008.
17. Стенограмма заседания Государственной думы 22 апреля 2011 г. [<http://transcript.duma.gov.ru/node/3427/>].
18. Цымбурский В.Л. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // Полис. – М., 1993. – № 1.
19. Цымбурский В.Л. Scripta minor. – М.: Европа, 2010.

20. Benveniste E. Le Vocabulaire des institutions indo-européennes 1 et 2. – Paris, Minuit. 1969.
21. Elgie R. & Moestrup S. Semi-presidentialism outside Europe. A Comparative Study. – L., N.Y.: Routledge, 2007.
22. Haxthausen, August von. Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Bd. 1. Hannover, 1847; Bd. 2. Berlin, 1847, Bd. 3. Berlin, 1852.
23. Lincoln, W. Bruce. The Problem of Glasnost' in Mid-Nineteenth Century Russian Politics. – European Studies Review, 1981. – V. 11, N 2. – P. 171–188.
24. Riasanovsky Nicholas V. Russian Identities: A Historical Survey. – New York: Oxford University Press, 2005.
25. Shugart M. Semi-Presidential Sytems. Dual Executive and Mixed Authority Patterns. MSS. 2005 (<http://dss.ucsd.edu/~mshugart/semi-presidentialism.pdf>).
26. Shugart M.S. & Carey J.M. Presidents and Assemblies. Constitutional Design and Electoral Dynamics. – Camb.: Cambridge univ. press, 1992.
27. Tilly Ch. Contention and Democracy in Europe, 1650–2000. – Camb.: Cambridge univ. press, 2003.

Р.Х. Симонян

ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ РЕФОРМ ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГА

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Крушение коммунистических режимов ознаменовало начало трансформационных процессов перехода от планово-распределительной экономики к открытой и свободной рыночной, перехода от тоталитарных и авторитарных режимов к демократическим. В Европе этот путь проделали все страны социалистического лагеря. Это был естественный и ожидаемый результат общественной трансформации. Руководители новой России, как и руководители всех постсоциалистических стран Европы, в начале 1990-х годов так же провозгласили в качестве цели общественных преобразований построение демократического государства со свободной рыночной экономикой, что соответствовало и надеждам населения России, и ожиданиям населения передовых государств. Возникшая и ставшая доминирующей в народном хозяйстве частная собственность и высвобожденная из жестких тоталитарных оков частная инициатива во всех постсоциалистических странах Европы послужили мощным импульсом для политического и социально-экономического развития этих стран. К сожалению, в России этого не произошло.

Почему же в России итоги экономических реформ 1990-х годов оказались, по словам академика О. Богомолова, «столь драматическими, прямо противоположными, чем в других странах, и больших, и малых, как европейских, в том числе и постсоциалистических, так и азиатских»? [3, с. 9]. В контексте нашего исследования этот ключевой не только в политическом и социально-экономическом, но и нравственно-этическом плане вопрос следует рассмотреть подробнее. Особенно важен именно последний аспект. Следует согласиться с академиком Л. Абалкиным, что **если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском «черном вторник» 1994 г., и о дефолте**

1998 г., да и вообще об экономической реформации России 1990-х годов [1, с. 173].

2 января 1992 г. правительством Е. Гайдара были отпущены розничные цены на товары массового спроса. С этой даты начинается отсчет российских экономических преобразований. Экономические реформы 1990-х годов и, прежде всего, способ проведения приватизации, оказали огромное влияние на внутреннюю жизнь российского государства, кардинально затронув все ее стороны и определив перспективы ее развития на долгий период. Нынешняя Россия во многом – результат деятельности реформаторов 1990-х годов¹. Сегодня, спустя 20-летие после ее начала следует ответить на вопрос: что принесли постсоветской России экономические преобразования младореформаторов?

В российской периодике часто смешивают общее и особенное: процесс перехода нашей страны от планово-директивной экономики к рынку и экономические реформы 90-х годов, которые составляют лишь часть этого процесса, существенную, но часть. Большинство читателей помнят: к 1992 г. – началу гайдаровских реформ – уже была преодолена изоляция страны от внешнего мира, уничтожена цензура, отвергнута идеология уравнильности, раскрепощена личная инициатива, ликвидирована советская административно-командная система с неизбежным возникновением в обществе естественных рыночных регуляторов, свыше 8 млн. человек были вовлечены в индивидуальную или кооперативную коммерческую деятельность, а 6 марта 1990 г. был принят новый закон о собственности, и в стране был восстановлен институт частной собственности. Тогда же появились частные банки, возникли многочисленные частные предприятия, в том числе и с участием иностранного капитала. С апреля того же года советские люди свободно могли выезжать за рубеж, и был разрешен свободный валютный обмен. Страна уже входила в рынок, и в этом смысле россиянам жить стало лучше, что отмечали тогда многочисленные социологические опросы. **Все это произошло еще до гайдаровских реформ.**

23 декабря 2007 г., выступая в прениях на заседании Президиума Российской академии наук, посвященном 15-летию экономических реформ, академик Л. Абалкин, решил прервать общий критический тон выступающих. «Нельзя же, уважаемые коллеги, видеть только плохое, – сказал он, – у российских реформ есть и достижения. Посмотрите вокруг – почти каждый

1. В редакционной статье, посвященной памяти Е. Гайдара, журнал Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, издаваемый при поддержке Всемирного Банка, – «Экономическая политика», подчеркнуто, что «Егор Гайдар – это человек, который создал современную Россию» (Экономическая политика. – № 6. – 2009. – С. 5).

москвич имеет сегодня мобильный телефон. Разве это не положительный результат?» Действительно, в 1991 г., до начала реформ, сотовых телефонов у россиян не было (их и не могло быть, они появились в России несколько лет спустя). За 15 лет Россия обогатилась многими техническими новшествами, в том числе и сотовыми телефонами. Что совсем неудивительно, так как Россия, как и все остальные страны, пользуется достижениями мирового научно-технического прогресса. Сарказм Л. Абалкина был направлен на тех, кто стремится представить все положительное в нынешней России как результат гайдаровских реформ.

Представители старшего поколения, вероятно, еще помнят высказанную по поводу такого рода «заслуг» ироническую благодарность советского народа своим руководителям: «После зимы приходит лето, спасибо партии за это!» Да, жизнь стала другой, чем она была в 1991 г. Сегодня – это сотовые телефоны, ноутбуки, мониторы на жидких кристаллах, цифровые фотоаппараты, скайпы, широкополосные компьютеры, электронные планшеты, смартфоны, айфоны, а завтра какое-нибудь еще новое техническое новшество, которое если не сами реформаторы, то их почитатели будут (неважно, прямо или косвенно) выдавать за следствие реформ 1990-х годов. Кроме того, в обыденном сознании всегда присутствует обезоруживающая логическая фигура – «после, следовательно, поэтому». Однако время стремительно мчится, а население живет сегодняшними, насущными проблемами, и через какое-то время многие вообще забудут о том, что в 1990-х годах были проведены реформы. Человеку не свойственно долго рефлексировать о бедствиях, к которым он сумел приспособиться и преодолеть.

Социальная рефлексия – задача общественной науки. Выполнение этой задачи повысит шансы общества избежать будущих кризисов и катастроф, или по меньшей мере ослабить их разрушительное воздействие. Нынешний глубокий системный кризис страны диктует необходимость лишний раз задуматься о произошедшем, провести анализ случившегося, извлечь уроки. Неправда, что История ничему не учит. В этом популярном афоризме отражается лишь естественная человеческая горечь, что учеба достается слишком дорого, а процесс обучения идет слишком медленно. К тому же одни страны быстрее усваивают исторические уроки, другие медленнее.

Что же было сделано российскими реформаторами, начиная с 1992 года? После перестроечных реформ на долю тех, кого Б. Ельцин назначил продолжать переход к рынку, остались два дела: либерализация цен и приватизация. То есть то, что уже было сделано или осуществлялось во всех без исключения постсоциалистических странах Восточной Европы. Завершая процесс создания рыночной инфраструктуры, российские реформаторы всего лишь реализовали общеизвестную экономическую аксиоматику, общую закономерность ликвидации планово-распределительной экономики. Они сделали

то, чего нельзя было не сделать, что было продиктовано не чьей-то персональной идеей, а предусмотрено последовательностью действий, независимо от того, кому было поручено их осуществлять. Этот естественный процесс ликвидации директивного управления экономикой должен был произойти и произошел независимо от того, как звучала фамилия главы государства – Ельцин или Гавел, Мечьяр или Бразаускас, Тер-Петросян или Валенса. Процесс перехода к рынку диктовал свою логику, свой алгоритм, поэтому вопрос «что делать?» не стоял, ответ на него был задан процедурой. А вот «как делать?» – здесь был выбор, здесь все зависело от тех, кто этот выбор осуществлял. Российские реформаторы предпочли не только самый радикальный и самый болезненный для населения, но и самый неэффективный для страны вариант проведения реформ.

Реформы начались с либерализации цен. В постсоциалистических странах Европы отпуск цен происходил постепенно (например, в Польше это происходило практически на протяжении всех 1980-х годов), смягчая соответствующими компенсаторными механизмами денежные потери населения, в первую очередь его малообеспеченных слоев. В России ожидания давно назревших кардинальных перемен были настолько велики, что даже изъятие денежных сбережений населения без каких-либо компенсаций², произошедшее в результате отпуска цен в январе 1992 г., не вызвало в обществе серьезного протеста. Хотя начинать либеральные реформы с грабежа собственного народа (а ведь вклады – это важный элемент частной собственности) – действие очень далекое от либеральных ценностей. Люди, пришедшие к власти в ноябре 1991 г. и заявившие о «священной и неприкосновенной частной собственности», начали с того, что отобрали у граждан эту самую собственность. Российские реформаторы XX в. от большевистского лозунга в 1917 г. «Грабь награбленное» продвинулись в 1992 г. к еще более большевистскому «Грабь заработанное». В этой связи академик Н. Петраков ставит вопрос: «Можно ли считать прочной правовую основу вновь возникшей частной собственности, если она приобреталась одновременно с экспроприацией частной собственности, находившейся в распоряжении миллионов граждан России?» [16, с. 565].

После отпуска цен реформаторы перешли к приватизации. Российские реформаторы поставили своей целью провести приватизацию в максимально короткие сроки. Сами они не без кокетства называли свои реформы «пожарными», а себя сочувственно «командой смертников», «камикадзе», определив

2. Даже советские руководители, проводя денежные реформы 1947 и 1956 гг., обеспечили компенсацию потерь для наименее состоятельных вкладчиков. Российские младореформаторы превзошли в большевизме и Хрущёва, и Сталина, отняв у стариков последние крохи, отложенные на «черный день».

таким образом в массовом сознании россиян свою роль как жертв, осуществляющих высокую, на грани подвига, функцию «спасения нации». Н. Щербинина справедливо замечает по этому поводу, что «советская политическая культура продемонстрировала в этом эпизоде свой традиционный фарисейский ритуал “подмены статуса”, когда декларируемые “лишения” верхов воплощаются в символических “жизнях страдальцев за народное дело”» [28, с. 135]. В Польше приватизация продолжалась более 12 лет. Даже в крошечной Эстонии она длилась свыше пяти лет, а в России ее провели за два с половиной года. Теперь уже все знают, что это была криминальная приватизация.

Поставив в начале 1990-х годов перед собой цель построить демократическое государство, гражданское общество, эффективную, конкурентоспособную экономику, российские реформаторы не добились ни первого, ни второго, ни третьего. Если оценивать не переход к рынку в целом, а только реформы Гайдара, то нет ни одной сферы общества, где бы они не привели к провалу.

Экономика. Вместо модернизации произошла деиндустриализация. Если в 1990 г. доля товаров с высокой добавленной стоимостью в структуре российского экспорта составляла 38,8%, то в 2010 г. – 4,7%³. И даже эта унизи-тельная для России цифра в реальности еще меньше. «Весьма вероятно, – пишет С. Бобылёв, – что реальные объемы сырьевого экспорта гораздо больше, что связано с нелегальным вывозом природных ресурсов. В Сибири и Дальнем Востоке нелегальный экспорт леса, рыбы и других природных ресурсов доходит до 40–50% их использования» [2, с. 12]. До реформ наша страна среди 27 стран, производящих станки, занимала второе–третье место; сегодня – предпоследнее.

Рассмотрим более конкретно ситуацию в ключевой стратегической и инфраструктурной сфере – авиастроительной и авиатранспортной. Введем сравнительный угол зрения. Кто-нибудь слышал о бразильских пассажирских самолетах в 1991 г.? Сегодня авиалайнеры из Бразилии занимают 12% мирового парка гражданской авиации, а их «Эмбраеры» успешно конкурируют с «Боингами». А что у нас? В 1991 г. наши самолеты составляли около 40% мирового парка гражданской авиации; в 2011 г. – менее 2%⁴. То есть если страны третьего мира за 20 лет превращаются в технически передовые, то Россия после реформ 1990-х годов движется в противоположном направлении. 20 лет назад наши гражданские самолеты вполне отвечали техническим требованиям того времени, а многочисленные конструкторские бюро постоянно разрабатывали новые модели. Но авиационная промышленность в ре-

3. *Ведомости*, 24.01.2011. – С. 3.

4. *Партнер*, № 9 (168), 2011. – С. 54.

зультате реформ понесла огромные потери, причем ликвидация предприятий нередко носила варварский характер. Так, когда разрушали Саратовский авиационный завод, выпускающий Як-42 – передовой по многим параметрам авиалайнер для того времени, то станки, приборы и прочее оборудование, которое можно было использовать или хотя бы продать, лихорадочно и безжалостно уничтожались. Новая власть как будто опасалась: а вдруг люди опомнятся?

Впрочем, какие там самолеты! Не произошло никакой модернизации даже в сырьевых отраслях. Для тех, кому принадлежит российская экономика, нет необходимости создавать у себя новые технологии и новые производства, проще купить за рубежом. Для того чтобы из нефти получать высокооктановый бензин, который можно продавать за рубеж и иметь гораздо большую прибыль, чем продавая сырую нефть, необходимы определенные усилия – создавать соответствующие производства, формировать кооперационные связи по поставкам, готовить кадры, организовывать труд, осуществлять контроль, словом, управлять, т.е. иметь, как теперь говорят, «лишнюю головную боль». То же и с необработанной древесиной – продают пиловочник, кругляк, да и просто делянку, т.е. лес на гектары. Таким образом, из производственного процесса исключается даже самая минимальная добавленная стоимость, происходит продажа сырья в самом, что ни на есть чистом, первоначальном виде. По существу, никакого производства нет. Есть хорошо организованное расхищение национальных богатств. Следует при этом подчеркнуть, что российская внешняя торговля во многом осуществляется через офшоры, где цены экспорта, как правило, занижаются, а импорта завышаются. Прибыль от природной ренты уходит в карманы, на обновление основных фондов производства денег не остается, и отсюда стремительный рост техногенных катастроф. Близится грань, за которой производство рисков начинает превосходить производство продуктов, управление превращается в тушение пожаров, в деятельность по ликвидации аварий и катастроф.

После реформ наша страна превратилась в сырьевой придаток не только Запада, но и Востока. Китай, которому наша страна в 1950–1960 гг. создавала индустрию, сегодня значительно опережает нас в технологическом развитии. И не только в производстве хайтеков. В Китае за последнее 20-летие построено 88 тыс. шоссе, из них 50 тыс. – автобаны («highways»). В России за 20 лет реформ построено всего 156 км дорог с твердым покрытием и до сих пор нет никаких автобанов [11]. Даже дорога между двумя столицами весьма низкого качества.

Производства нет потому, что целесообразней вкладывать деньги в финансовые схемы, так как с возникновением опасной ситуации эти деньги легче и быстрее изъять из оборота. Специфика промышленного производства не позволяет быстро изъять деньги, вложенные в создание предприятия. Сего-

дня инвестиции в российскую промышленность – это большой риск. Проще купить все необходимое, продавая энергоносители и сырье. Из России вывозится более 90% алюминия, меди, олова, 2/3 цинка. После экономических реформ Россия перестала себя кормить, одевать и обувать. Из-за рубежа поступает половина реализуемого через торговую сеть продовольствия (а в таких городах как Москва и Санкт-Петербург более 75%), 80% промтоваров, 80% медицинских препаратов⁵. Исключительно сильный удар реформы нанесли по отечественной медицинской и фармацевтической промышленности. Многие производства прекратили существование, выпуск даже самых необходимых лекарств сократился во много раз, появилось огромное количество поддельных медицинских препаратов. По данным экспертов, до 30% реализуемых через аптечную сеть лекарств таковыми не являются.

Производить продукцию в нынешней России гораздо менее выгодно, чем ее привозить. Экспортер оплачивает криминальные издержки (взятки, откаты и т.п.) единожды – при ввозе товаров. Производитель же выплачивает «административную ренту» постоянно. Как при таких условиях производимая продукция может быть конкурентоспособной?

То, что из 1,5 трлн. долл., полученных страной в «тучное десятилетие» (1999–2008), не нашлось средств, для создания в стране хотя бы одного крупного высокотехнологичного предприятия, является закономерным результатом реформ. Созданная в 1990-е годы экономическая модель не содержит в себе инновационного потенциала.

Спустя 20 лет многие рынки для сбыта наукоемкой продукции перед нами закрылись. Даже если предположить, что в ближайшие годы российской промышленности удастся наладить выпуск высокотехнологичной продукции, то продать ее будет крайне сложно. Взяв на себя функцию сырьевого и энергетического обслуживания стран, осуществивших технологическую модернизацию, Россия после 1990-х годов быстро утрачивает перспективы занять место в их ряду. Сферы мирового производства практически уже поделены. Никто в современном мире не ждет новых конкурентов, никто не заинтересован в том, чтобы Россия, спустя 20 лет, вдруг изменила философию своей экономической политики. Наши потенциальные конкуренты чрезвычайно довольны тем, что произошло в России в результате реформ.

Социальная сфера. Реформы сделали значительную часть населения России бедными. Даже по официальным данным Росстата, в 2011 г. с денежными доходами ниже прожиточного минимума в России было 18,5 млн. человек [14] – это население средней европейской страны. В реальности бедных гораздо больше. Экономический анализ показывает, что ни структура, ни в

5. Аргументы и факты, № 23, 2010. – С. 9.

еще большей степени сама величина прожиточного минимума не соответствуют стоимости набора средств, необходимых для осуществления воспроизводственной и социальной функций доходов. Это подтверждают и опросы социологов. По данным Левада-Центра, в России прожиточный минимум населения оценивает в 2 раза выше его официального уровня, при этом 21,3% населения едва сводят концы с концами и их доходов не хватает даже на еду, еще 40,5% – балансируют на грани абсолютной бедности, им хватает средств на еду, но не хватает на одежду [19, с. 4]. За годы реформ, подчеркивает А. Вдовин, реальная заработная плата в России снизилась почти в 2,5 раза, среднедушевой доход – в 2 раза [5, с. 24].

При среднестатистическом росте доходов в стране углубляется ужасающая социальная поляризация, которая возникла уже в 1992–1995 гг. Расслоение население по уровню доходов у нас как в странах третьего мира. На его усиление направлено и государственное распределение доходов: и тот, кто получает 1 млн. долл. в месяц, и тот, кто 200 долл. в месяц, платят одинаковый налог – 13%. По расчетам, проведенным в 2007 г. в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, на каждые 100 руб. прироста ВВП в расчете на душу населения у бедных доход увеличивается на 5 руб., а у богатых на 200 руб.⁶ То есть в нынешней России возникшее в 1990-х глубокое социальное расслоение усиливается: богатые становятся богаче, а бедные – беднее. Российские нувориши вышли на лидирующие позиции в мире по скупке недвижимости в европейских столицах и самых богатых курортах, по престижным приобретениям на международных аукционах. Так, доля россиян среди покупателей элитного жилья на Лазурном берегу Франции составляет 12% [8, с. 107]. Опросы ВЦИОМ свидетельствуют, что большинство россиян или стыдятся того, что Россия занимает второе место в мире по количеству миллиардеров, или испытывают растерянность перед этим феноменом (гордятся только 7%) [21, с. 78].

Сложившаяся вследствие экономических реформ социальная политика лишает российское общество каких-либо реальных перспектив на улучшение жизни в своей стране. В мае 2008 г., а это период наивысшего притока нефтедолларов в государственный бюджет, ВЦИОМ провел репрезентативный опрос взрослого населения России. Оказалось, что 38% опрошенных предпочитали, чтобы их дети уехали из России на постоянное место жительства в другие страны [22, с. 37]. Разумеется, это не утрата патриотизма нашим народом. Это оценка россиян проведенных реформ.

Демографическая сфера. В 1990-х годах на улицах российских городов практически невозможно было увидеть беременных женщин. А в 2003 г. Рос-

6. *Российская газета*, 28.11.2007. – С. 4.

сия вышла на первое место в мире по количеству абортотв на 100 тыс. населения и с тех пор удерживает это первенство⁷. Обращение к данным о динамике численности населения России позволяет сделать вывод, что в 90-е годы в ходе реформ происходила демографическая катастрофа и она еще не преодолена.

В российских СМИ происходящие в России демографические процессы постоянно ставятся в один ряд со снижением рождаемости в западных странах. Действительно, если в одних государствах Европы (Великобритания, Франция, Швеция, Финляндия) рождаемость возрастает, в других (Германия, Греция) снижается (так же как и в России – в отдельных республиках, например на Северном Кавказе, в двух республиках Поволжья, в Туве, в Алтайской Республике, в некоторых районах Москвы идет прирост) [24, с. 3], что дает повод реформаторам депопуляцию населения России объяснять общеευропейскими тенденциями. Но в Европе дети (до 16 лет) составляют 25% населения, а в России – 18%⁸. Да и вообще проведение подобных аналогий некорректно: на Западе не наблюдаются ни повышение смертности, ни сокращение продолжительности жизни. В нынешней России – смертность самая высокая в Европе, а продолжительность жизни – самая низкая. Продолжительность жизни россиян в среднем на 17 лет меньше, чем в странах остальной Европы.

Резко ухудшилось здоровье населения, вернулись давно забытые болезни. После реформ наша страна вышла на первые места в мире по суициду: за 20 лет мы потеряли более 800 тыс. человек по детскому алкоголизму, психическим заболеваниям, потреблению героина и по многим другим подобным показателям. То, что произошло с потреблением наркотиков за последние 20 лет в нынешней России, – это статистический взрыв. Коррумпированная правоохранительная система не только не осуществляет борьбу с наркодельцами, но часто является одним из партнеров российской наркомафии. В 90-е годы широко распространились такие явления как бомжатничество, беспризорничество, детская проституция.

На здоровье детей и подростков реформы сказались особенно губительно. В 1995 г. уровень детской инвалидности составил 116,3 на 10 тыс. детей в возрасте до 16 лет, в 2005 г. – 209,1, в 2010 г. – 225,2. В дореформенном 1990 г. в РСФСР на 10 тыс. детей было 38,5 инвалида, т.е. произошел шестикратный рост детской инвалидности. При населении в 143 млн. человек в России сегодня 13,8 млн. инвалидов⁹. По данным Государственного научного центра им. Сербского, число здоровых дошкольников за пореформенные годы уменьшилось в 6,5 раз, и при поступлении в школу их количество не пре-

7. *Аргументы и факты*, № 27, 2010. – С. 14.

8. *Аргументы и факты*, №15, 2009. – С. 8.

9. *Аргументы и факты*, № 14, 2011. – С. 9.

вышает 10%. Уровень психических расстройств в РФ с начала 90-х годов увеличился в 12,5 раза, а доля освобожденных от призыва по соответствующим показателям составляет 22,8% от общего числа призывников¹⁰.

«Осуществленная в 1992–1994 гг. так называемая “шоковая терапия” с наибольшей силой ударила по здоровью населения, резко увеличив его смертность, – констатирует известный российский демограф Л. Рыбаковский. – Число умерших в стране в 1994 году превысило уровень 1991 года на 670 тыс. человек» [18, с. 169–170]. Известный кардиолог, академик Е. Чазов свидетельствует: «В “лихие 1990-е” я не раз предупреждал власти о грядущем всплеске смертности “от сердца” после шоковой терапии. В том числе из-за истощения жизненных сил народа. Не вняли! Такого огромного количества людей мы не теряли со времен войны»¹¹.

Демография – один из наиболее объективных показателей благополучия или неблагополучия общества. Все отмеченные явления – прямой результат реформ. Ведь за 20 лет биологическая природа человека измениться не может, а на территории Российской Федерации за это время не произошло никаких крупных экологических катастроф, которые могли бы столь кардинально повлиять на численность и здоровье нации.

Политическая сфера. В результате реформ отчуждение населения от власти, характерное для советского периода, было не только не преодолено, но стало гораздо глубже. Не надо обвинять в этом В. Путина – реформы начались за восемь лет до его прихода. А уничтожение честных выборов как основного элемента демократии произошло за четыре года до его прихода – в 1996 г. Грязные технологии и подтасовки ввели в практику российские реформаторы. А. Чубайс – главный организатор президентских выборов 1996 г. – тогда объяснил необходимость нечестных выборов тем, что «российскому народу нельзя доверять выборы, так как они обязательно выберут коммунистов». 20 февраля 2012 г. на встрече с лидерами незарегистрированных партий президент РФ Д. Медведев признал, что в 1996 г. вовсе не Б. Ельцин был победителем на президентских выборах [29]. Беспрецедентные манипуляции массовым сознанием и подтасовки результатов голосования, осуществленные тогда правящей номенклатурой, круто изменили вектор политического развития страны. Во всех постсоциалистических странах Восточной Европы перегибы монетаристов удалось исправить в середине 1990-х годов, когда партии левого политического спектра пришли на смену крайним либеральным. Именно благодаря голосам тех, кто не был готов к кардинальным социальным переменам, победу одержали партии левого политического спектра

10. Аргументы и факты, № 33, 2010. – С. 12.

11. Аргументы и факты, № 18, 2008. – С. 4.

(бывшие коммунистические, а также социалистические, социал-демократические), что позволило этим государствам сбалансировать экономику, ослабить социальное напряжение, учесть интересы не сумевших адаптироваться к свободному рынку слоев населения. Приход во власть левых и левоцентристских политиков во многих постсоциалистических странах избавил экономические реформы от чрезмерной либерализации, от монетаристских излишеств, что оказалось очень полезным и для самой экономики, и для гражданского мира, и общей политической атмосферы в этих странах. К сожалению, в России этого не произошло. А произошло перерождение государства в криминальную корпорацию, вызвавшее запредельный уровень недоверия населения к государственным институтам и взаимное отторжение правящей верхушки и народа.

Политэкономическая модель, созданная в 1990-х годах проста и удобна, она состоит из трех элементов, точнее трех рент: природной ренты (неистощимые природные ресурсы), административной ренты (коррупция), социальной ренты (и народу выделяют что-то, но ровно столько, чтобы исключить его выход на улицы). То есть модель, сконструированная реформаторами, соединила власть и богатство, поэтому бюрократия неизменно и последовательно увеличивала свой политический и экономический потенциал. Симбиоз власти и капитала, произошедший в результате реформ 1990-х годов, сохраняется и сейчас. К 2000 г. окончательно сформировалась сплоченная мафиозно-клановая система, в которой циркулировали гигантские по масштабам капиталы. К приходу Путина эта модель уже набрала мощный ход, ее невозможно было остановить. За восемь лет сформировалась сплоченная мафиозно-клановая система, обладающая мощными ресурсами. Здесь даже Иосиф Виссарионович с Феликсом Эдмундовичем ничего не могли бы сделать. И Путин не мог, а возможно, даже и не помышлял об этом. На рубеже веков оказался востребованным не тот, кто мог поменять экономическую модель, а тот, кто мог остановить расползание страны. Не в последнюю очередь потому, что распад не соответствовал интересам самой бюрократии.

Можно выделять те или иные хронологические отрезки в развитии процессов, порожденных либеральной моделью, но ничего принципиально нового это не выявит. Никаких качественных этапов за прошедшие 20 лет выделить нельзя, даже не было сколько-нибудь существенной модификации созданной модели, ее функционирование и развитие происходило очень последовательно и органично. «Президенту Путину как наследнику Ельцина осталось лишь внести завершающие штрихи в государственное строительство, — справедливо замечает А. Панкин, — в результате которого сложилась конструкция безальтернативной власти, вполне самодостаточная система, не имеющая внутренних стимулов для эволюции» [15, с. 5]. При Ельцине партия бюрократии организационно и политически еще не успела окончательно

оформиться, но именно в результате реформ высшая бюрократия получила в свои руки и власть, и национальную собственность. И можно не сомневаться, эту модель нынешняя правящая российская номенклатура будет стремиться использовать для себя с максимальным эффектом столь долго, сколько позволят запасы российских недр. В порядке информации: стоимость разведанных полезных ископаемых на территории нашей страны оценивается в 35 трлн. долл., а прогнозируемых запасов – в 140 трлн. долл. [17, с. 14].

Разумеется, любой процесс развивается во времени. И в советский период менялись руководители – Хрущёв, Брежнев, Андропов, Черненко как личности во многом противоположны друг другу (никак не меньше, чем Ельцин и Путин). Поэтому в СССР менялись стиль управления, кадры бюрократии, общественная атмосфера, идеологические акценты, партийная этика, тональность отношений с внешней средой и прочие элементы надстройки. Но это были частные проявления родовой основы – «социалистической системы». Воспроизводящий ее политэкономический механизм, созданный отцами-основателями СССР, оставался неизменным. Устойчивость его можно оценить объективным критерием: ростом власти государственного аппарата над населением. С первых дней советской власти бюрократический слой в обществе постоянно увеличивался. Только так можно смягчать противоречие между созидательным ресурсом общества и антисозидательной деятельностью власти и гарантировать неизбежность власти. На это еще в 1964 г. обратил внимание Герберт Маркузе, который подчеркнул, что «конфликт между производственным потенциалом общества и его деструктивным использованием неизбежно ведет к усилению власти государственного аппарата над населением» [12, с. 45–46]. Сейчас Россия движется по траектории, начертанной российскими реформаторами в 1990-х годах.

Идеологическая задача представителей нынешней власти – противопоставить себя реформаторам, показать, что они ничего общего не имеют с тем, что творилось в 1990-х. Поэтому нынешняя официальная российская пропаганда никогда не акцентирует внимание на причинно-следственной связи 1990-х и 2000-х годов, а наоборот, старательно избегает темы преемственности. Недавно в связи с 80-летним юбилеем Б. Ельцина на стремление противопоставить «криминальные 90-е» и «гламурные нулевые» отметили многие аналитики. Показательно, что преемственность между нулевыми и 90-ми годами еще раз подчеркнул даже один из лидеров правой оппозиции В. Рыжков: «Капитализм, с большими элементами госкапитализма, огромной концентрацией собственности в очень немногих руках, появился именно в девяностых и благополучно дожил до наших дней. Фридман, Потанин, Лисин, Абрамович, Дерипаска, Авен, Вексельберг, Алекперов – эти люди по-

прежнему остаются. В тех же девяностых обозначилась и подчиненная роль парламента и судов в России»¹². За 20 пореформенных лет перемен ни в принятой модели, ни в кадровом аппарате, ее использующем, не произошло. «Перед нами вся та же команда, – справедливо отмечает А. Минкин. – В 1996 г. они сделали Ельцину второй срок. В 2000-м сделали Путина» [13, с. 164].

Со своей стороны, в результате этого противопоставления реформаторы и их клеветы имеют «праведную» возможность гневно осуждать нынешнюю власть за жестокость, авторитаризм, всеислие бюрократии, ликвидацию гражданских институтов, свертывание демократии, которая была тогда, в «славных 1990-х»¹³. Кто-то из них апеллирует к мировому сообществу, участвует в митингах в защиту прав человека, за свободу СМИ, за свободу собраний, против произвола власти, против всеобщей коррупции, за независимый суд, за честные выборы, за демократию и т.п. А была ли демократия в 1990-х годов? Если и была, то весьма своеобразная. Специфику той «демократии» наиболее точно охарактеризовал Б. Кагарлицкий: «В России в 1992–1999 годах была демократия. Но она не распространялась на Кремль. Оппозиция могла говорить, пресса – критиковать, граждане – голосовать, и все было великолепно при одном условии: *все это не имело никакого отношения к вопросу о власти*» [10, с. 6]. Образно говоря, в 1990-е годы население упивалось демократией, а власть упивалась разделом собственности. Этот естественный при разделе собственности социально-правовой хаос – своего рода законодательную и законоприменительную вольницу («правовую махновщину») – можно называть демократией только в весьма извращенном смысле. «Пора понять, что в правящем слое России демократов не только нет, но и не было, – обобщила в конце 2002 года дискуссию на эту тему академик Т. Заславская. – Деятельность этого слоя подчинена, в первую очередь, его собственным интересам, ко всему остальному он абсолютно глух» [9, с. 145].

Точно так же, со своей стороны, высшие чиновники имеют прямо противоположную по смыслу, но столь же выгодную политическую возможность не только все неизлечимые системные болезни, но и все личные провалы и преступления списывать на «лихие 90-е», из которых, кстати, все они вышли, благодаря которым и получили власть, и, главное, возможность ее сохранять.

12. Известия. 07.02.2011. – С. 11.

13. Этот эпитет радиостанция «Эхо Москвы» впервые применила к названию цикла передач, посвященных 15-летию реформ. Это был ответ официальному «лихие 90-е». Но уже после второй передачи название «славные 90-е» даже таким апологетам реформаторов как руководство «Эха Москвы», видимо, показалось уж чересчур явным перебором, и название цикла поменяли на более нейтральное – «90-е: Время надежд».

Ставленники и наследники Б. Ельцина теперь всячески открещиваются от него. А обращение к 1990-м дает им возможность бороться с политическими оппонентами самым простым и эффективным способом: объявлять их демократами и либералами, кивая при этом на национальный позор 1990-х.

Поиском ответа на вопрос о классификации политических итогов реформ заняты многочисленные отечественные и зарубежные обществоведы. С тем, что они привели страну к авторитарному режиму, практически все согласны. А вот как определить нынешнее государственное устройство – здесь мнения расходятся. Общепризнанно только то, что «современный капитализм и новый российский строй, не просто далеки друг от друга: они антиподы» [27, с. 13]. Целый ряд авторов не без основания считают, что «новый русский» капитализм, как и латиноамериканский, с одинаковым основанием могут быть подведены под рубрику «компрадорского капитализма», т.е. живущего – и экономически, и политически – за счет распродажи иностранному капиталу национальных богатств и предоставления в его распоряжение дешевой рабочей силы. «Однако главное и принципиальное отличие российского капитализма от латиноамериканского связано с **происхождением** “новых русских” капиталов, – справедливо отмечает Ю. Давыдов. – Оно, это происхождение, окружено покровом некой таинственности, хотя совершенно очевидно, что речь идет о государственной кормушке, к которой “новые русские” ухитрились намертво прососаться, опередив остальных конкурентов благодаря своей “социальной близости” к тем, кто фактически распоряжался общенародной собственностью. Ответ на вопрос, как же все-таки “новые русские” смогли высосать из вышеупомянутой кормушки столь астрономические суммы, стремительно превратившись в мультимиллионеров, характеризуется не такой уж невинной банальностью: “воруют-с!” Воровство в новой России предстало в виде казнокрадства общегосударственного масштаба» [7, с. 21]. То есть общественный феномен, рожденный в 1990-х годах, «не дотягивает» даже до латиноамериканского капитализма.

Сюда же можно отнести и воздействие реформ на обороноспособность страны. По общему мнению, в настоящее время она находится на критическом уровне. Ее состояние с началом реформ быстро ухудшалось. За прошедшее 20-летие армия как государственный политический институт во многом оказалась разрушенной. Это наглядно продемонстрировали и обе чеченские войны, и российско-грузинский военный конфликт. Разъедаемая коррупцией в верхах, и неуставными отношениями в нижних чинах, армия утратила боеспособность. Возросли и военно-технические потери. Возрастает рискоспособность в хранении боеприпасов, арсеналы оружия не отвечают современным требованиям безопасности. Уже через десять лет после начала реформ Россия вынуждена была ориентировать свою военно-техническую политику на импорт вооружений и техники. В течение 80 лет Россия не по-

звояла себе покупать боевые корабли за границей. Продавала – многим. Сегодня Россия покупает за рубежом не только корабли, но и многие другие виды вооружения.

Правовая сфера. За 20 лет правовая защищенность граждан резко ухудшилась. При полном сохранении традиций советского «телефонного права» произошел всплеск коррупционной волны в судебной системе. Более того, исчезла возможность и внесудебной защиты. Если раньше гражданин мог апеллировать в партийные органы (от райкома до ЦК), обратиться за помощью в печать (в газету «Правда, например), и знал, что на его обращение обязательно последует какая-то реакция, а иногда и помощь, то сегодня ничего этого нет. В 1990-х годах судебно-правовая система окончательно деградировала. Она не только не сохранила советскую декоративную независимость суда, и столь же декоративный официальный авторитет, но приобрела ярлык продажности, что признают и сами руководители страны. Сегодня рядовой россиянин гораздо менее огражден от полицейского беспредела и судебного произвола, чем в советское время. Возникли многие тысячи организованных преступных группировок. Правоохранительная система за 20 лет стремительно разлагалась и сама частично превратилась в преступную группировку. В 1990-е годы произошло сращивание правоохранительной системы и криминального мира. О том беспределе, который ныне творится в правоохранительных органах, со всей откровенностью сообщают даже самые политически ангажированные массмедиа.

Правственная сфера. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности. Уголовные сообщества начали расти как грибы. Уже к середине 1990-х годов некоторые преступные группировки были известны в стране не меньше, чем новые банки и корпорации. В январе 1995 г. на территории России действовали более 15 000 криминальных групп (в 1990 г. их было менее 50) [6, с. 77]. В марте 2002 г., выступая на коллегии Генпрокуратуры, Президент Российской Федерации В. Путин констатировал, что «значительная часть российской экономики находится под контролем организованных преступных группировок»¹⁴. Криминалитет захватил промышленные предприятия и фирмы практически во всех регионах России. По данным бывшего тогда министром внутренних дел Р. Нургалиева, к 2006 г. преступные группировки контролировали такие важные отрасли как топливная, металлургическая, лесная, рыбная, фармацевтическая¹⁵.

Реформы привели и к взрыву преступности, и к падению общественной морали. «Предполагалось, что молодые демократы наведут в России порядок, разработают соответствующую правовую систему и дадут зеленый свет ры-

14. Комсомольская правда, 28.03.2002. – С. 3.

15. Аргументы и факты, № 18, 2006. – С. 5.

ночной экономике, – пишет автор документальной книги о реформах в России Пол Хлебников. – Вместо этого они возглавили режим, который оказался одним из самых коррумпированных в истории человечества»¹⁶ [25, с. 14]. По-вальная коррупция, возникшая в 1990-х годах, поразила, прежде всего, нервные центры общественного организма, она неизбежно ведет к массовому неисполнению чиновниками своих обязанностей и, соответственно, к параличу государственного управления, признаки которого в нынешней России все более явственно проявляются. Коррупция стала органическим элементом государственного устройства и одним из основных показателей деморализации общества. Генеральный прокурор РФ Ю. Чайка вынужден был признать, что «коррупция пронизывает все уровни власти и наносит удар по всей социальной системе» [26, с. 4]. По данным департамента экономической безопасности МВД РФ, средний размер взятки в России в 2009 г. составил 927 тыс. руб. (т.е. 34 тыс. долл.)¹⁷.

Нынешняя всеобщая коррупция – это сигнал о неблагополучии в государстве. Сигнал о неэффективности экономики, системы общественных отношений, всей системы управления в нем. Начавшееся в 1990-х годах моральное разложение правящей верхушки постепенно инфильтрировало все слои общества. Прав писатель Владимир Максимов: «Нынешнюю российскую реальность можно определить одним словом – растрление» [4, с. 263].

Резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения России еще одним, пожалуй, наиболее тяжелым нравственно-психологическим потрясением, источником, как личных трагедий, так и различного рода общественных патологий. Фактическое государственное разрешение на отмену моральных ограничений – это цивилизационный упадок. Общество мирится с небывало большим числом беспризорных детей в больших городах, во многих случаях при наличии живых родителей [20, с. 137]. Если в 1980-е годы случаи отказа от детей в роддомах Российской Федерации составляли в среднем около 1200 в год, то в 1990-е статистика фиксировала количество матерей-отказниц в среднем более 20 тыс. ежегодно. Наблюдается бурный рост лишения родительских прав. В Москве в 2003 г. было 1019 таких семей, в 2006 г. – 1710, а в 2009 г. – 2971 [23, с. 68].

В массовом сознании 1990-е годы стали периодом, когда в России был совершен коррупционный прорыв, и не был совершен прорыв модернизационный. Невроз идентичности, вызванный примитивизацией экономики, отсутствием за все пореформенные годы каких-либо попыток модернизации

16. *Аргументы и факты*, № 42, 2009. – С. 17.

17. *Новая газета*, № 18, 2010. – С. 14.

производства, не мог не привести к определенной ущербности общественной психологии.

Как и всякая социальная травма, модернизационная несостоятельность нашей страны породила множество внутренних коллективных мифов, закрепивших нерешенные проблемы и комплексы ущемленности, социально-культурной неполноценности, фатальной отсталости. Невозможность «вхождения в Европу», продемонстрированная постсоветским периодом, создает ложное самопредставление этноса о роковой его неспособности к модернизации, вечном отставании. Если 1920-е и 1950-е годы дали российскому этносу увидеть реальный технический прорыв и показали способность нации к нему, то 1990-е годы показали и доказали обратное. И, к сожалению, многих даже убедили в этом. Поразившее общество нынешнее неверие в способность страны к модернизации – это еще одна травма, нанесенная реформами 1990-х годов.

Разумеется, реформы не погубили Россию, как не погубили ее и все прошлые катаклизмы в ее истории. Да вряд ли вообще какие-либо реформы могут погубить государство. Но нанести значительный урон, отбросить страну назад в общественном развитии могут. Как и всякий живой организм, любое сообщество, а тем более мощное государство, способно к регенерации. Наша страна после национальных трагедий вновь становилась сильной: и после ордынского ига, и после Гражданской войны, и после коллективизации, и после Великой Отечественной войны. Но цена потерь была огромна. Результат реформаторской вакханалии 1990-х годов может оказаться более болезненным, чем результаты прошлых катастроф в российской истории. В то время как многие современные страны успешно развивались, шли вперед, мы не только остановились в развитии, но на целом ряде направлений откатились назад. Очередной раз России придется догонять передовых, а теперь это уже не только Запад, но и многие страны за его пределами.

Литература

1. Абалкин Л. Выбор за Россией. – М., 1999.
2. Бобылёв С.Н. Модернизация и экспортно-сырьевая модель экономики / В кн. «По ту сторону кризиса». Материалы конференции 19–20 апреля 2010 г. – М., 2010.
3. Богомолов О. Постсоциалистические страны в условиях глобализации. – М., 2001.
4. Валовой Д. «От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша». – М., 2007.
5. Вдовин А.И. Россия после августа 1991 г.: Проблемы и подходы к изучению истории // Мир и политика. – № 12. – 2009.
6. Гилинский Я. Организованная преступность в России: Теория и реальность. – СПб, 1996.
7. Давыдов Ю.Н. Россия в свете различия Вебером двух типов капитализма // Социологические исследования. – № 9. – 2001.
8. Забелин В.С. Россияне в странах Евросоюза // Европа. – № 4. – 2010.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

9. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. – М., 2002.
10. Кагарлицкий Б. Несколько замечаний по поводу нашей демократии // Новая газета. – № 3. – 2001.
11. Калабеков И.Г. Российские реформы в цифрах и фактах. Раздел «Дороги и транспорт». – <http://kaivg.narod.ru>
12. Маркузе Г. Одномерный человек. – М., 1994.
13. Минкин А. Письма президенту. – М., 2010.
14. Официальный сайт Росстата: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/>
15. Панкин А. О «ельцинизме» и «путинизме» / Московские новости. 06.09.2011.
16. Петраков Н.Я. Отношения собственности: Анализ трансформации в переходный период / Россия в глобализующемся мире: Политико-экономические очерки / Отв. ред. академик Д.С. Львов. – М., 2004.
17. Россия и Западная Европа. – М., 2007.
18. Рыбаковский Л. Демография (статьи XXI века) / Сб. Демографическое развитие России в конце XX – начале XXI в. – М., 2009.
19. Седов Л. Кошелек и взгляды на жизнь // Независимая газета, 11.07.2008.
20. Сироткин В. Анатолий Чубайс: Великий инквизитор. – М., 2006.
21. Согрин В.В. Противоречивые итоги президентства В. Путина // Общественные науки и современность. – 2009. – № 2.
22. Соколова Ю.Н. Миграционные установки россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – № 6. – 2008.
23. Социология девиантного поведения. – М., 2010.
24. Фокин Д.А. Людей не хватит // РБК daily. 23.01.2012.
25. Хлебников П. Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. – М., 2001.
26. Чайка Ю. Прокуратура усиливает борьбу с коррупцией // Новая газета, 29.11.2006.
27. Шкаратан О. Становление постсоветского неозакратизма // Общественные науки и современность. – № 1. – 2009.
28. Щербинина Н.И. Архаика в российской политической культуре // Политические исследования. – № 5. – 1997.
29. www.kommersant.ru/doc/1877707

ГРАНИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

О.М. Михайленок

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: РОССИЙСКИЙ ДИСКУРС

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук,
Институт социологии РАН.

В последние годы в российском политологическом сообществе актуализировалась идея о необходимости в нашей стране модернизации, ведутся оживленные обсуждения различных аспектов этой проблемы, в частности соотношения модернизации и стабильности. Сложность при этом заключается в том, что в слово «модернизация», как и в его, связанный с конкретной политической ситуацией, антоним «стабильность», вкладываются различные, зачастую далеко расходящиеся значения, что затрудняет дискуссию о путях российской модернизации.

В общем смысле под модернизацией принято понимать макропроцесс перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерна.

Понятию модернизации могут соответствовать три основных значения:

1) это развитие стран Западной Европы и Северной Америки в Новое время;

2) страны, прошедшие модернизацию, стали образцом для остальных стран, где позднее осуществлялась так называемая догоняющая модернизация;

3) дальнейшее эволюционное развитие ранее модернизированных обществ Западной Европы и Северной Америки, т.е. модернизация как некий непрерывный процесс, путем инноваций позволяющий достичь стадий постиндустриального и постпостиндустриального общества [2].

В общем, объективной движущей силой и стимулом модернизации выступает стремление оптимизировать сложную систему взаимодействия различных составляющих человеческой цивилизации, в том числе исключить препятствия в развитии модернизированных общественных организмов, создаваемые отсталыми социумами.

Согласно определению, которое принадлежит известному английскому специалисту по исследованию модернизационных трансформаций Б. Муру, модернизация является «тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для “продвинутых”, экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада» [цит. по: 7, с. 16–17].

В этом смысле модернизация характеризует процесс перехода определенного общественного образования (государства) к обществу модерна, которое наряду со специфическими чертами, обусловленными историческими обстоятельствами, обладает рядом необходимых типологических характеристик¹.

Целями модернизации, воплощенными в широком спектре социальных ценностей, является достижение экономического роста, равенства, демократии, порядка и стабильности, благосостояния, справедливости и т.д. и тем самым освобождение от таких характеристик социума, как бедность, неравенство, репрессии, насилие, зависимость, коррупция и т.п.

Таким образом, смысл модернизации – в приближении различных фрагментов и целых политических и социальных систем к уровню их наиболее развитых состояний.

Под политической модернизацией понимается часть более общего процесса социальной модернизации, который включает в себя существенные изменения всех основных компонентов социальной системы: экономики, социальных отношений, культуры, образования и т.д. Достаточно распространена точка зрения, согласно которой определение момента начала и основных направлений модернизации происходит именно в сфере политики, начинаясь с проявления политической воли к изменениям. Активная и последовательная политическая модернизация обеспечивает возможности широкого и последовательного преобразования других сфер общественной жизни.

Политическую модернизацию можно определить как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также построение современной политической структуры.

Однако в мировой политологии до сих пор отсутствует единство мнений относительно содержания и движущей силы процесса политической модернизации.

Важным моментом является то обстоятельство, что в 70–80-е годы были скорректированы теоретические представления о связи модернизации и развития: был сделан вывод, что последнее как более общее явление предпола-

1. Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства. Независимый экспертный доклад. – М., 2009. – <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm>

гает модернизацию в качестве своей функции, а не условия. Было признано, что социальные, экономические и политические изменения могут осуществляться не только по стандартам западной модели демократического развития. Укорененность традиционных институтов и ценностей в соответствии с новыми воззрениями не рассматривалась в качестве негативного фактора на пути к обществу модерна. Признавая приоритет универсальных целей, ценностей и критериев, определяющих тенденции развития общества, необходимо стремиться к национальной форме их реализации.

Весьма популярным в теоретических воззрениях на модернизацию является тезис об определяющем воздействии на процесс преобразования общества в сторону модерна социокультурного фактора, в частности типа личности, черт национального характера, которые обуславливают особенности восприятия и ассимиляции универсальных норм и целей политического развития. Среди теоретиков общепризнанным считается положение о необходимости в процессе модернизации изменения ценностных ориентаций широких масс, что связано с глубокими изменениями в сфере политической культуры общества.

В общем виде выбор направлений модернизации стал предметом острых теоретических дискуссий, главными оппонентами в которых выступали представители таких общественно-политических течений, как либерализм и консерватизм.

Либерально ориентированные теоретики (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай) указывали на то обстоятельство, что природа и организация общественного управления существенно изменяются в условиях появления среднего класса и роста образованности населения. Эти изменения весьма ограничивают возможности идеологического вмешательства в регулирование социальных процессов и позволяют увидеть неэффективность централизованной системы принятия и реализации управленческих решений и возможности альтернативных подходов, поскольку политическая активизация населения ведет к определенной диверсификации центров властных решений. Таким образом, направленность, характер и динамика модернизационных процессов существенно определяется открытой конкуренцией свободных элит и степенью политической вовлеченности рядовых граждан. От соотношения этих факторов, которые необходимы для полноценной политической жизни, и зависят варианты развития общества и системы власти в переходный период.

С точки зрения консервативной теоретической традиции главный стимул модернизации заключается в конфликте между мобилизованностью населения, т.е. степенью его включенности в политическую жизнь, и институализацией, наличием необходимых и достаточно эффективных структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. Консервативная концепция содержит положение о возможности дестабилизации правящего

режима и его подверженности влиянию коррупционных групп в результате неподготовленности масс к управлению, неумения граждан эффективно использовать институты власти, что приводит их к сомнению в осуществимости их ожиданий от активного участия в политической жизни. Таким образом, из-за того, что участие масс в политике опережает созревание институциональной структуры, модернизация может способствовать не политическому развитию, а политическому упадку. Иначе говоря, в тех странах, где промышленный, индустриальный скачок не ложится на почву демократических традиций, на приверженность населения праву и идее компромисса, любые попытки реформирования системы власти будут иметь негативные для общества последствия.

По мнению С. Хантингтона, важнейший парадокс модернизации заключается в том, что само экономическое развитие представляет собой в высокой степени дестабилизирующий процесс, и преобразования, необходимые, как представляется, для соответствующего удовлетворения осознанных стремлений, неизбежно порождают новые потребности [12, с. 66, 70]. Это значит, что хотя экономическое развитие способствует повышению материального благосостояния, но на деле рост социальной неудовлетворенности происходит более быстрыми темпами.

Таким образом, полагают консерваторы, если в сфере экономики рост является основным индикатором эффективности реформ, то в политической сфере главным показателем выступает уровень стабильности. Поэтому для стран, которые находятся в процессе трансформации, для успешности модернизационных мер важно иметь устойчивый политический режим, легитимную правящую партию, способную нейтрализовать дестабилизацию. Альтернативой укрепления интеграции общества на основе культуры, образования, религии, философии, искусства С. Хантингтон считает повышение организованности, порядка, авторитарные методы правления. По его мнению, политический режим, приспосабливаясь этими средствами к меняющимся условиям, вынужден стремиться к компетентности политического руководства, формированию сильной государственной бюрократии, реализации возможностей поэтапной структурализации реформ, своевременности начала преобразований и прибегать к другим необходимым средствам и действиям, обеспечивающим эффективность процесса модернизации.

В общем плане обеспечение политической стабильности, несомненно, является важнейшей функцией политических институтов. Для достижения этих целей прибегают к различным политическим механизмам².

2. См., напр.: Бойко С.И. *Механизмы обеспечения политической стабильности (Международный и национальный аспекты): Автореф. дис. ...канд. полит. наук.* – М., 2006.

В соответствии с теорией стабильность политической структуры проявляется в высоком уровне «поддержки» большей частью общества институтов управления обществом (режима) и тех, кто находится у власти.

Обеспечение политической стабильности связано прежде всего со снижением уровня социальной напряженности в обществе и достижением на основе компромиссов между интересами различных социальных групп общенационального согласия относительно определения путей дальнейшего развития России и, в частности, по вопросам реформирования экономической и политической систем.

Что касается модернизации, то, опираясь на мировой опыт, сегодня можно более определенно говорить о (вместо некогда интуитивно представлявшемся образе «современного государства») ряде стандартов в организации экономической, политической жизни, социальных отношений, в которых находят свое выражение необходимые цели преобразований перехода к обществу «модерна». Например, в экономической области эти универсальные стандарты предполагают наличие товарно-денежных регуляторов производства, обеспечение роста затрат на образование, культуру, повышение роли научно-рационального компонента в регулировании экономических отношений и т.д. Стандарты социальной сферы заключаются в достижении состояния открытой социальной структуры, предполагающей неограниченную мобильность населения. Область политических отношений в качестве обязательных условий модернизации требует плюралистической организации власти, соблюдения прав человека, всемерного роста политических коммуникаций, реализации консенсусной технологии управленческих решений и т.д.

Однако средства, темпы, характер осуществления преобразований с целью достижения этих стандартов целиком и полностью зависят от внутренних факторов, национальных и исторических особенностей того или иного государства.

В этом смысле можно сказать, что главным противоречием модернизации является конфликт между ее универсальными целями (или нормами «мировой политической культуры». – *Л. Пай*) и укоренившимися национальными ценностями и традициями развивающегося государства.

Цели и ценности модернизации, проникая в сложившийся менталитет того или иного государства, порождают мощные социальные дисфункции, перенапряжение структур и механизмов управления. Поэтому правящие структуры, заинтересованные в реализации реформаторской политики, должны максимально снижать взрывную реакцию политического поведения граждан, искать способы встраивания социокультурной архаики в логику общественных преобразований. Только последовательность и постепенность использования национальных культурных стереотипов могут способствовать позитивному решению стоящих перед обществом проблем.

Что касается российского общества, то стабилизировать его можно лишь при условии реализации комплекса политических, законодательных и административных шагов, имеющих в основе осмысленную систему целеполагания и практических действий. Как уже говорилось, социально-политическим императивом стратегической политики реформирования является максимальный учет интересов всех социальных слоев и групп населения, создание ядра солидарности вокруг идей реформ в обществе. На практике должна быть реализована идея гражданского, социального и национального согласия.

А это возможно только при условии, что цели и средства преобразований не противоречат фундаментальным традициям российской цивилизации, отличной от западноевропейской с ее культом этики индивидуализма, и от азиатской с доминированием в ней этики кастовости. Исторически основой трудовой этики российского общества было и остается сочетание государственного патернализма и свободы личности, частного, группового и общественного интересов.

Если принять тезис М. Горшкова, что российское общество в последние 20 лет находится в процессе социальных изменений и термин «модернизация» просто пришел на смену слова «реформа», то следует согласиться и с тезисом о существенной зависимости успешного решения сложных задач реформирования российского общества от его политической стабильности.

В то же время следует иметь в виду дифференциацию содержания понятия «политическая стабильность». В частности, ряд политологов выделяют несколько уровней политической стабильности.

Для высокого уровня политической стабильности характерны такие черты, как: выраженная сплоченность всех групп населения вокруг выбранной стратегии социально-политического развития и деятельности руководства государства по проведению соответствующего внутриполитического и внешнеполитического курсов; активная поддержка глубоких демократических преобразований во всех сферах и на всех уровнях политической системы общества; успешная деятельность руководства страны по разрешению возникающих противоречий в политической жизни общества на ранней стадии их возникновения; преобладание в массовом сознании убеждения в том, что исполнительная власть служит интересам народных масс и направляет свои усилия на удовлетворение их потребностей.

Для среднего уровня политической стабильности характерно превалирование демократизации политической сферы общества; доминирование гуманистической тенденции реализации реформ в интересах народа; соответствие между поддержанным основными слоями населения стратегическим социально-экономическим курсом, а также и представлениями о перспективах развития страны и наличными средствами (в законодательном, экономиче-

ском, социальном аспектах) продвижения по этому пути, которыми обладают органы исполнительной власти государства.

Низким уровнем политической стабильности отмечены периоды резкого обострения социальных противоречий, когда они охватывают целый ряд регионов страны, когда усиливается поляризация жизненного уровня различных групп населения, наблюдается обнищание большей части трудового населения и в то же время происходит обогащение узкого круга мафиозно-коррупцированных групп. Последствия низкого уровня политической стабильности могут проявиться в дестабилизации политической обстановки в стране, активных массовых выступлениях в различных регионах России с требованиями преобразований в экономической и политической сферах, вплоть до требований смены верховной исполнительной власти.

Такая ситуация возникает, когда политическое руководство демонстрирует неспособность проводить эффективные экономические и политические реформы в народных интересах; когда ввиду очевидной несостоятельности существующего политического режима в выполнении функций управления ширятся выступления различных слоев и социальных групп населения против него; когда в средствах массовой информации разворачивается резкая критика внутреннего и внешнеполитического курсов исполнительной власти; когда активизируется политическая оппозиция, путем критики господствующих структур власти убеждая народные массы в ошибочности и бесперспективности осуществляемого социально-политического курса; когда в массовом сознании (большинства различных групп населения) растет недоверие ко всем ветвям власти.

Низкий уровень стабильности проявляется особенно остро в ходе проведения реформ, когда и общество в целом, и его политическая система переходят от одного состояния к другому. В этой ситуации возникает разрыв между социальными нормами и ценностями, утверждаемыми (насаждаемыми) властными структурами, и социальными нормами и ценностями, доминирующими в массовом сознании.

Не останавливаясь подробнее на особенностях электоральных коллизий последних лет, отметим в связи с интересующей нас темой, что сегодняшняя партия власти – «Единая Россия» – связывает поиски путей сопряжения политической стабилизации и необходимости модернизации российского общества с идеологией российского консерватизма. Идеология партии – российский консерватизм, заявил Б. Грызлов [3]. В унисон ему Т. Воронина, лидер региональной организации партии, заявила, что «российский консерватизм – это идеология стабильности и развития, постоянного творческого обновления общества без застоев и революций.

Мы выступаем за укрепление общественного согласия. Партия руководствуется принципом: «Сохранить и приумножить». Это – основа российского консерватизма» [5].

С точки зрения идеологов «Единой России», модернизация может осуществляться по двум основополагающим сценариям. Первый – радикальный (сторонниками которого, по мнению «единороссов», выступают их оппоненты как слева, так и справа, как либералы, так и социалисты). Но, считают они, модернизация может быть осуществлена и на основе консервативного сценария – сценария демократического, ненасильственного, требующего участия большинства народа в проведении такой модернизации. Если консерватизм готов воспринимать новые идеи, значит, он способен обеспечить модернизацию страны.

Другой представитель руководства «Единой России» – А.К. Исаев осуждает «навязываемый определенными кругами» выбор между стабильностью (Путин) и модернизацией (Медведев), как выбор между застоем, остановкой в развитии и радикальными изменениями, которые немедленно приведут к существенному ухудшению жизненного уровня населения. Он считает, что попытка противопоставить путинской стабильности и социальной ответственности медведевскую модернизацию абсолютно несостоятельна. По мнению А. Исаева, большинство людей не противопоставляют друг другу понятия «модернизация» и «стабильность». «Люди хотят и того, и другого. Они хотят стабильности, ощущения безопасности, ощущения защищенности и предсказуемости того, что будет с ними происходить. И с другой стороны, они хотят изменений. Нам нужен устойчивый рост»³, – считает он.

По его мнению, для большинства tandem неразделим ни лично, ни идеологически. «Невозможно движение страны вперед без модернизации всех сфер жизни. Модернизация обернется государственной катастрофой, если не будет опираться на поддержку большинства, на общественные традиции, на социальный консенсус. Социальный консенсус и стабильность не могут быть ценны без их нацеленности на дальнейшее развитие общества»⁴.

Как бы то ни было происходящее сегодня в нашем политическом поле вполне можно описывать, пользуясь двумя ключевыми словосочетаниями – «политическая стабильность» и «модернизационные успехи». В них – политическое наследие последних двух президентов России. Если «стабильность» представляет собой концентрат политики Владимира Путина, то «модерниза-

3. Пятилетка устойчивого развития (<http://rusconservator.livejournal.com/21962.html>).

4. Крикливое меньшинство. Предстоящая победа Народного фронта вызвала истерику либералов // Независимая газета. – М., 2011. – 1 августа (http://www.ng.ru/politics/2011-08-01/3_kartblansh.html).

ционные успехи» являются выражением основного вектора политики Дмитрия Медведева.

Однако зададимся вопросом, реальна ли сегодня возможность осуществить программу модернизации на основе стабильности и общественного согласия.

По оценкам С. Магарила, инновационно-демократическая модернизация, предлагаемая Д. Медведевым, несет в себе неустранимые стратегические риски для доминирующих групп сформировавшегося режима. Эти риски обусловлены принципиальной неопределенностью хода и результатов процесса модернизации. Поэтому даже риторика на темы модернизации в выступлениях первого лица государства являлась источником риска и крайне нежелательной для групп господства. С точки зрения сторонников «развитого консерватизма», необходимо устранить саму возможность даже минимального политического риска и, следовательно, гарантированно не допустить инновационно-демократической модернизации общества. В силу этого и обосновывался возврат В. Путина на пост президента в 2012 г. в качестве гаранта консервативно-охранительного режима [8].

Анализ С. Магарилом отношения различных бюрократических страт к модернизации показывает, что политику национального развития высшая бюрократия проводить не намерена, поскольку именно сырьевая модель экономики обеспечивает российским верхам баснословное обогащение.

Российской бюрократии среднего уровня политическая монополия удобна тем, что, контролируя суд, позволяет создавать монополии экономические – как федерального, так и регионального формата. Это, в свою очередь, обеспечивает присвоение монопольной прибыли за счет завышения цен, которые вынуждено оплачивать население.

Нижний слой бюрократии пробавляется тем, что «кошмарит» мелкий и средний бизнес, собирая с него мзду и организуя преференции для родственного себе бизнеса.

«Указанным интересам групп господства отвечает лозунг “стабильности”, суть которого – охранительная политика подавления политической конкуренции и идеология “развитого консерватизма” в качестве имитации модернизации» [8].

Поскольку, по мнению С. Магарила, невозможно достаточно быстро изменить российское массовое сознание – социальную базу авторитаризма, следует направить усилия на воспитание высокоинтеллектуальной и национально-ответственной политической элиты. Правда, вопрос – каким образом это сделать в условиях авторитарного режима?

Конечно, понимание модернизации в зависимости от политических предпочтений и интересов господствующих групп было и будет различным. Это касается и политической модернизации, суть которой в демократизации.

Что касается авторитарной модернизации, она, в принципе, возможна, и к ней прибегали на протяжении отечественной истории. Но это было в условиях индустриального общества или перехода к нему. Сейчас же, по оценке ряда политологов, в частности В. Гельмана, в нынешней России потенциал авторитарной модернизации исчерпан, и попытки прибегнуть к ней заведут страну в очередной трагический тупик [4, с. 58–59]. Таким образом, нынешняя российская модернизация, если она не просто декларативна, для своего успеха должна быть, во-первых, комплексной и многовекторной, а во-вторых, включить политическую демократию.

Заметим, что сегодня достаточно распространена точка зрения, что созданная в последнее десятилетие в РФ экономическая и политическая система успешно отторгает все попытки ее модернизировать. Ее конструктивная особенность состоит в том, что эта система «заточена» на сохранение статус-кво (прежде всего, в распределении экономических активов и властных ресурсов) и на модернизационное развитие не рассчитана. «Поэтому, – пишет В. Ковалёв, – нам пока представляется бессмысленным комментировать очередные пропагандистские усилия как шаг на пути к модернизации. Пока продолжаете прежний курс: авторитарный и, можно сказать, псевдоимперский» [6].

Создалась ситуация, когда, с одной стороны, сделав ставку после 2000 г. на стабильность и безопасность в ущерб развитию и конкуренции, и тем самым отказавшись, по существу, от модернизации, российское руководство оказалось неспособным решить и задачи безопасности государства и граждан. Поэтому сейчас вопрос о политической модернизации России становится уже не только вопросом развития, но и вопросом выживания.

С другой стороны, созданный в РФ режим в принципе неспособен к каким-либо значительным инновациям, ибо их введение разрушило бы его; он был сконструирован не для развития, а для более успешного присвоения ренты верхушечными слоями.

Именно поэтому, считает В. Ковалёв, модернизация социально-политических отношений в российских регионах, будет носить вынужденный характер. «Пределы возможной модернизации, даже вынужденной, представляются нам в обозримом будущем весьма ограниченными, ее можно связать, как минимум, с некоторой рационализацией поведения власти и расширением в ограниченных объемах плюрализма и конкуренции для выявления альтернатив антикризисных действий. Вопрос о переходе к либеральной демократии западного типа пока не может стать в повестку дня» [6].

Пытаясь выявить основные моменты дискуссии по поводу модернизации, политологи отмечают, что оппоненты модернизационных «медведеских» лозунгов указывают на угрозу возможной дестабилизации государства в случае развертывания «модернизации» по примеру «перестройки» 80-х годов с попыткой радикального изменения всего государственного устройства

трансформирующейся России. Сторонники же «медведевского курса» на модернизацию успешное развитие страны видят именно на пути ревизии политических и экономических структур путинской эпохи. В экспертных кругах отмечается, что существует также большая вероятность того, что за эвфемизмом «модернизация» скрыто стремление определенной части верхов образовать с целью повышения ротации внутри элиты противовес консервативной ее части, консолидированной вокруг партии власти. В то же время анализ дискуссионных материалов показывает, что многозначность самого термина «модернизация» допускает широкий разброс понимания его содержания в зависимости от того, какие политические задачи стоят перед участниками дискуссии.

С многовариантностью модернизационных сценариев коррелирует и отношение к путям их осуществления и оценки возможных последствий. Сегодня только ультраконсерваторы стали бы выступать против модернизации технико-экономической сферы, что очевидно привело бы к облегчению труда, повышению его производительности и качества производимой продукции. Однако, что касается перспектив модернизационных изменений в социальной сфере, то они могут восприниматься весьма различным образом, поскольку реализация модернизационных мер в данной области сопряжена со значительными усилиями и жертвами как со стороны общества, так и со стороны власти. Понятно, что «модернизация, как процесс глубоких изменений различных сторон жизни общества, немыслима без конфликтов. И, как в любом процессе трансформации и замены устаревших институтов и отношений, в нем обязательно будут выигравшие и проигравшие» [10].

Среди наиболее очевидных негативных последствий усиления конкурентности во всех основных областях жизни можно указать на возможное относительное понижение уровня жизни, увеличение шансов потери работы для малоквалифицированных и неконкурентоспособных людей, закрытие или переориентацию неэффективных производств, медицинских и образовательных заведений, не удовлетворяющих современным стандартам и т.д.

Что же касается возможных сценариев политической модернизации, то наряду с повышением внутриэлитной динамики и реализацией эффективной конкурентности, можно указать также на потенциально негативные последствия, заключающиеся в утрате политической стабильности, активизации сепаратизма и экстремизма, угрозе распада государства, разложении силовых структур, возникновении очагов гражданского противостояния.

Поэтому весьма существенным является вопрос, готово ли общество в целом к реализации одного из модернизационных сценариев в случае, если в результате проявления политической воли для этого будут созданы соответствующие условия. Наблюдается ли в обществе достаточно определенное стремление к изменениям, чреватым не только успехами, но и потерями? Или

же, в самом деле, «раз консервативное большинство не хочет никаких перемен, то целесообразно попробовать осуществить модернизационный скачок силами продвинутого меньшинства»? [1] Исследования, проведенные в докризисный период и в период его углубления, показывают, что ответ на этот вопрос скорее отрицательный, чем положительный. Как выяснилось, доля предпочитающих стабильность почти всегда превышает число опрошенных, определенно склонных к переменам. При этом наибольшая доля консервативно настроенных зафиксирована среди групп с выраженным средним или высоким уровнем жизни, что характерно как раз для нового российского среднего класса. «Если в группе с самыми высокими доходами соотношение “перемены – стабильность” составляет 31% против 62%, то в группе наименее материально обеспеченных россиян – 42% против 47%. Это говорит о том, что основная часть активного населения – средний класс в возрасте от 30 до 50 лет – все-таки сегодня скорее продолжает опасаться перемен и новых реформ, предпочитая “синицу в руках”» [1]. Происхождение этого нового среднего класса в путинскую эпоху заставляет усомниться в его модернизационном потенциале, поскольку в значительной своей части он состоит из чиновничества, служащих госкорпораций и прикормленного властями бизнеса.

Подобные настроения среднего класса, представители которого, как принято считать, в наибольшей степени должны влиять на политический климат, вроде бы нейтрализуют возможные последствия радикальных стремлений менее обеспеченных слоев. Однако и с последними группами не все так просто. Результаты более углубленного анализа говорят в пользу того, что было бы по крайней мере преждевременно отождествлять наличие относительно большей доли настроенных в пользу перемен с выражением осознанной необходимости модернизации. Как полагают социологи, речь скорее идет о поддержке альтернативного сценария модернизации в русле требований «реформ сверху», «закручивания гаек», силового подавления коррупции, экспроприации капитала у олигархической верхушки, усиления роли государства во всех сферах жизни.

В общем, можно сказать, что общественные настроения сегодня характеризуются неприятием правящих элит, признанием необходимости их устранения от руководства страной для начала любых общественных реформ. Главные причины экономической отсталости и невысокого жизненного уровня в массовом сознании связываются с широким распространением коррупции, безответственностью представителей власти и чиновников всех уровней.

Очевидно, кризис явился поводом к усилению общего, хотя и неопределенного по своей направленности уровня социального недовольства, увеличению доли тех, кто считает, что так больше продолжаться не должно. Поэтому о качественном повороте общественного мнения в целом в пользу

модернизации страны пока говорить не приходится. Среди тех же, кто ориентирован на перемены, явно преобладают сторонники «левоавторитарной», силовой стратегии перемен, сторонники же либерального варианта модернизации остаются в меньшинстве.

Результаты социологических исследований, опубликованные в последние годы, позволяют сделать вывод о том, что большая часть населения России даже в кризисный период продолжает оставаться инертной в отношении к возможным изменениям в своей жизни, например смене профессии, рода деятельности, места жительства и т.д. Перемены вызывают такую идеосинкразию, что люди ради стабильности готовы даже терпеть некоторое снижение привычного уровня жизни. Частично это объясняется той ролью, которую играют в жизни российских граждан так называемые неформальные отношения, вне которых люди ощущают неуверенность в своей способности добиться успеха в условиях все более динамичной жизни. Перемены, испытанные россиянами в «лихие» 90-е годы, настолько вымотали их, что сейчас, когда все хоть как-то устроилось, они в своем большинстве явно не стремятся к новым перетряскам. В кругах политологов высказывается мнение, что застойные явления путинского периода как раз можно объяснить своего рода капитуляцией государства перед большинством населения, оказавшимся не готовым трудиться в условиях значительного напряжения сил и острой конкуренции. В подтверждение этого тезиса приводится пример сохранения огромных и неэффективных с экономической точки зрения монополий-госкорпораций, которые стали для отдельных, причем довольно значительных групп населения России своего рода «зонтиком», дающим возможность работать и зарабатывать без перенапряжения и без значительного риска. Типичный пример такой бесконечно длящейся ситуации – деятельность объединения АВТОВАЗ.

Эта ситуация делает понятным заявления первого вице-премьера Игоря Шувалова, считающего, что успешная модернизация экономики страны невозможна без обеспечения социальной стабильности. Делать любые преобразования надо так, чтобы «не допустить какой-либо разбалансированности в социальных отношениях». «Социально-политическая стабильность, так же как и макроэкономическая, является необходимым условием для успешной модернизации», – заявил Шувалов, подкрепив свои слова ссылкой на мнение В. Путина [11].

Противоположной точки зрения придерживаются либеральные экономисты – И. Юргенс, Е. Гонтмахер и другие, предвещающие России катастрофу, поскольку, по их мнению, нынешняя «стабилизация» стала синонимом даже не застоя, а деградации по всем направлениям жизни.

По убеждению Н. Петрова, масштабная модернизация, если на то не будет крайней необходимости или прямой угрозы для жизни и благополучия

представителей политической элиты, не имеет шансов на реализацию. При этом очевидно, что президенту после 2012 г. придется пересмотреть спектр и объем социальных обязательств государства в сторону уменьшения. А это дает основание предполагать, что так или иначе последуют и некоторые политические изменения, имеющие характер реактивной модернизации.

Императив развития становится сегодня в кругах ученых, экспертов, ведущих политиков все более укорененным и неустрашимым. Очевидно, что учет этого в своей деятельности просто необходим для существующей власти, если она рассчитывает на какую-то перспективу. То есть для обеспечения стабильности властвующего режима придется искать реальные пути и создавать более или менее действенные механизмы обеспечения интеграции сил общества в направлении эффективного продвижения по пути социально-экономического развития. Но без политической модернизации этого результата не достичь.

Как показал опыт многих стран и России, в частности, начало модернизационных процессов почти никогда не сопровождается стабилизацией имеющихся политических структур. В современной российской ситуации дестабилизация проявляется в ослаблении легитимности власти, лихорадочных поисках ею дополнительной поддержки среди различных социальных слоев российского общества. Подобные явления можно считать типичными для любого переходного периода.

Обратимся еще раз к С. Хантингтону, обобщающему мировой опыт: «Взятые в целом, урбанизация, растущая грамотность, образование и влияние СМИ, являющиеся детерминантами социальной мобилизации, дают толчок росту стремлений и массовых ожиданий, которые, не будучи своевременно удовлетворенными, оформляют индивидуальные и групповые претензии политически. В отсутствие сильных и достаточно адаптивных политических институтов, такой взлет участия означает нестабильность и насилие» [12, с. 41].

Как справедливо утверждает В.П. Горегляд, очевидно, что люди во всех странах мира во все времена хотят одновременно иметь и модернизацию, и стабильность и, наверное, правильно, если политические лидеры, которым подлежит избираться, тоже произносят эти тезисы для успокоения населения⁵. Однако одновременно обеспечить стабильность и решить задачи модернизации невозможно, и управленческая элита должна отдавать себе отчет в этом.

5. Пятилетка устойчивого развития. – <http://rusconservator.livejournal.com/21962.html>

Идеология социального консерватизма, по мнению В.П. Горегляда, при всех своих достоинствах и плюсах в следующем десятилетии доминирующей быть не сможет. Только праволиберальная экономическая политика способна стать основой модернизационного курса. И соответственно нужны политические силы, структуры, люди, которые готовы взять на себя эту ответственность. То есть по существу, еще раз подтверждается мысль о том, что модернизация просто невозможна без реализации ее политической составляющей.

Российские политики, похоже, не разделяют этот постулат. Во всяком случае в последнее время освещение проблемы модернизации России в официальном политическом дискурсе характеризуется заметной сменой акцентов. Хотя официальные лица продолжают призывать к решению задачи модернизации страны, ее интерпретация в высказываниях высокопоставленных государственных чиновников дает повод усомниться в наличии у власти намерений проводить «невынужденные» реформы, особенно в политической сфере.

Литература

1. Бызов Л. Что такое модернизация в России. — <http://www.newsland.ru/news/detail/id/629183/>
2. Гавров С. Модернизация России: Постимперский транзит. — <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/2.htm>
3. Грызлов Б. Идеология российского консерватизма — это идеология заботы обо всех гражданах страны. — <http://www.qwas.ru/russia/edinros/>
4. Гельман В. Тупик авторитарной модернизации // Pro et contra. — М., 2009. — № 5–6. — С. 51–61 (<http://www.polit.ru/article/2010/02/23/gelman/>).
5. Идеология стабильности, идеология модернизации. — <http://www.kpravda.ru/article/politic/012727/>
6. Ковалёв В. Российские регионы и политическая модернизация // Агентство политических новостей. — 2010. — 25 октября (<http://www.apn.ru/publications/article23277.htm>).
7. Кравченко И.И. Модернизация современной России // Экономические модели модернизации. — М., 2002.
8. Магарил С. Модернизация и стратегические риски путинского режима // Общественно-политический журнал движения «Свободная Справедливая Солидарная Россия». — М., 2010. — № 4/19. — mrija2.narod.ru/docum/s4_10.doc
9. Полунин А. Модернизировать Россию будет Путин. — <http://svpressa.ru/politic/article/46187/>
10. Рябов А. Шарашки модернизации // Газета.Ру. 11.11.2009. <http://www.gazeta.ru/column/ryabov/3283113.shtml>
11. Шувалов И. Стабильность — залог модернизации. — <http://www.interfax.ru/business/txt.asp?id=119895>
12. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — М., 2004. — 480 с.

Ю.Г. Павленко

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Павленко Юрий Григорьевич – доктор экономических наук,
профессор, заведующий центром Института экономики РАН.

В качестве методологического подспорья воспользуемся высказыванием известного современного словенского философа С. Жижека: «Единственный способ понять новизну Нового состоит в том, чтобы анализировать происходящее сквозь линзы того, что было “вечным” в Старом» [4, с. 9]. С перспективы «вечного» очевидно необходимым в нашей теперешней ситуации представляется проведение сильной социальной политики, направленной на повышение уровня и качества жизни наших граждан.

Сегодня все чаще ставится вопрос о модернизации России, ее общества и экономики. Как бы ни формулировались конкретные задачи модернизации, ее глубинный смысл заключается в обновлении, в создании необходимой базы (институциональной и ресурсной) для успешного развития страны, а значит, и роста благосостояния ее граждан. Успешное развитие такой страны как Россия, отставшей от ведущих стран в конкурентной борьбе на экономическом поле, может быть только опережающим на социальном поле.

Традиционно социальная политика, ее модель рассматриваются как производные экономической системы, т.е. модели производства, распределения и потребления экономических благ и услуг. Однако в современных российских условиях требования к проведению «сильной» социальной политики могут выступать мобилизирующим фактором, рычагом в преодолении системных диспропорций, в изменении социально-экономической модели и, соответственно, обеспечении выхода из затянувшегося периода застоя. Социальная политика по своему содержанию объективно затрагивает непосредственные интересы большинства граждан. Отсюда их вовлеченность в ее осмысление и стремление изменить ее в благоприятном для себя направлении. Формирование и реализация сильной социальной политики может рассмат-

риваться в качестве средства повышения социальной активности и рычага давления на власти разных уровней.

Необходимым компонентом опережающего развития выступает экономический рост, однако его показатели не всегда отражают качественные, структурные характеристики изменений и тем самым не дают возможность обществу составить представление об истинном положении дел в экономике. Более содержательным как с точки зрения интересов и потребностей граждан, так и задач выработки и реализации эффективной социально-экономической стратегии развития представляется такое понятие как «экономический успех». Под экономическим успехом мы подразумеваем состояние экономики, при котором наблюдается устойчивый экономический рост и обеспечивается повышение благосостояния всего населения.

Устойчивый экономический рост возможен лишь при своевременных структурных изменениях в экономике. При этом трудно говорить об экономическом успехе, когда значительная часть населения в силу чрезмерной дифференциации в распределении доходов лишена возможности в полной мере пользоваться результатами уже имеющегося экономического роста. Институциональные основы экономического успеха следует рассматривать в рамках совокупности экономических, политических и идеологических факторов, воздействующих на экономический рост и распределение создаваемого богатства через систему соответствующих социальных институтов.

К показателям экономического успеха, не только отражающим развитие экономики, но и непосредственно характеризующим уровень и качество жизни граждан, как нам представляется, следует отнести индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). С помощью данного показателя в международной статистике определяется уровень и качество жизни на основе ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уровня и доступности образования для граждан, а также дохода на душу населения. Россия, согласно Докладу о развитии человека – 2010, подготовленного в рамках Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), находится на 65-м месте среди 169 стран мира, между Казахстаном и Албанией. В 1990 г. СССР в списке 130 стран находился по данному показателю на 27-м месте [3].

Модернизации и развитию противоречит распространенная трактовка социальной сферы как непроизводственных издержек, а не ресурса развития. При этом и социальная справедливость воспринимается как некий моральный императив, а не воспроизводственная необходимость, обеспечивающая нормальные условия воспроизводства человеческого потенциала. Более того социальное расслоение общества несет государству дополнительные экономические и политические издержки. Одной из таких «издержек» является наличие огромного слоя людей, занимающихся непроизводительным трудом

и обслуживающих представителей «праздного класса». Например, одна из самых многочисленных профессий в нашей стране – охранник. По официальным данным, представителей этой профессии в России около 750 тыс., по неофициальным – около 1 млн.¹ Для сравнения: в стране 600 тыс. врачей², а из 1,2 млн. учителей – предлагается сократить 200 тыс., т.е. довести примерно до численности охранников³.

В то же время недоступность качественных услуг большинству граждан как вследствие развала системы общедоступной помощи, так и вследствие платности этих услуг повышает спрос на альтернативные предложения; в частности, в медицине это услуги «магов» и «целителей», количество которых в России превысило число врачей, достигнув 800 тыс. человек⁴.

В достижении экономического успеха важнейшим ресурсом является человеческий потенциал и характеризующие его уровень образования и квалификации, численность населения и его динамика, а также возрастная структура населения. Одним из положительных исторических примеров может служить географически близкая нам Финляндия. Впечатляющий экономический успех данной страны в прошлом веке, о чем часто забывают, во многом базировался на качестве человеческого потенциала. По данным российской дореволюционной статистики, опубликованным в энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, еще в начале прошлого века уровень грамотности населения Финляндии составлял 80,9%, по сравнению с 21,1% на остальной территории Европейской России. Послевоенный экономический успех Японии и восточноазиатских «тигров» также опирался на молодое, образованное население.

Человеческий потенциал в первую очередь формируется за счет образования. Кроме того, только образованный гражданин, к тому же обладающий высокой профессиональной квалификацией, может быть активным членом гражданского общества. С одной стороны, такой гражданин обладает необходимыми знаниями и соответственно пониманием процессов, происходящих в обществе. С другой стороны, высокая профессиональная квалификация позволяет ему чувствовать себя более независимо на рынке труда, более успешно интегрироваться в инновационную экономику, т.е. достигать личного экономического успеха.

Положение с образованием в России на фоне других стран можно наблюдать, используя данные международной статистики, обнародованные

1. http://www.hrmonitor.ru/index.php?p=38&pname=news&news_id=6472

2. <http://baldurs.livejournal.com/64912.html>

3. <http://www.gzt.ru/topnews/economics/-fursenko-vystupaet-za-sokraschenie-200-tys-/323632.html>

4. <http://www.newsinfo.ru/articles/2010-10-07/item/740009>

на сайте StatInfo.biz. По показателю доли государственных расходов на образование в ВВП (4,1% в 2008 г.) Россия находилась ниже среднего общемирового уровня в 4,69% и располагалась на 91-м месте среди 161 страны мира. В США доля затрат на образование составляла 5,69%, в Норвегии, одной из стран с преимущественно «сырьевой» структурой экономики, на которые нам предлагают равняться некоторые эксперты, уровень затрат составил 6,59% ВВП. Видимо, Норвегия не планирует в будущем оставаться «сырьевой державой», учитывая исчерпаемость добываемых энергоресурсов и приоритетность развития современной инновационной экономики. Весьма показательны и данные о средней продолжительности обучения. Снова Россия с показателем в 8,8 лет существенно отстает не только от высокоразвитых стран (США – 12,4 лет, Норвегии – 12,6), но и от многих стран со средним уровнем развития [3].

Устойчивое отставание СССР от западных стран в научно-технической сфере наметилось начиная еще с 70-х годов, а с 60-х годов сложный и квалифицированный труд постепенно терял свой престиж. Одновременно усиливался экстенсивный характер использования трудовых ресурсов. Эти факторы блокировали даже незначительные стимулы к труду, повышению квалификации, освоению новой техники. В результате резко обострился дефицит квалифицированных рабочих кадров, и стало ухудшаться качество специалистов. По различным оценкам, к концу советского периода квалифицированные рабочие составляли от 5 до 18% от общей численности рабочих против 50–60% в развитых странах. Аналогичное положение сохранялось и в отношении инженерно-технических работников [9].

Как показывает статистика, начиная с 90-х годов, в России отмечается чрезвычайно высокий для промышленно развитых стран уровень дифференциации доходов населения, что является одной из причин наличия высокого уровня бедности в стране. По данным ООН, по уровню дифференциации доходов (коэффициент Джини – 43,7) Россия превосходит не только страны с развитой рыночной экономикой, но и страны постсоциалистической Европы и СНГ. Так в Норвегии и Японии этот показатель равен, соответственно, 25,8 и 24,9, а в Чехии и Белоруссии – 25,8 и 28,8 [3]. Статистика свидетельствует, что переходная экономика не обязательно демонстрирует высокий уровень дифференциации доходов. Очевидно, имеет место зависимость величины данного показателя как от исторических традиций (например, традиций эгалитаризма) так и от выбранной модели реформирования экономики и институтов ее регулирующих.

В рамках обсуждения проблем модернизации, механизмов и направлений дальнейшего пути особое значение имеет анализ общественного мнения россиян. Адекватным методологическим инструментарием интерпретация данных опросов, как нам представляется, являются генетический структурализм

Пьера Бурдьё и концепция «path dependency». Социальная действительность оказывается структурированной дважды: во-первых, существующими объективно, т.е. независимо от сознания и воли людей социальными отношениями, и, во-вторых, практиками агентов (их практическими схемами). Диалектика между структурами и действиями эквивалентна диалектике объективных и инкорпорированных структур. В функционировании систем социальных отношений, которые П. Бурдьё определяет как поля, наблюдается определенный эффект «инерции», когда пространство возможностей, полученных как результат предшествующей борьбы, стремится определять пространство возможных точек зрения и направлять, таким образом, поиск путей развития специфической для данного поля продукции [6].

Как видно из таблицы 1, построенной на основе данных опроса, проведенного Институтом социологии РАН, наибольшее количество сторонников в качестве ключевой для российской модернизации идеи набирает идея соблюдения прав человека, равенства перед законом. Отметим, впрочем, что равенство всех граждан перед законом также является для россиян основным признаком демократии – именно его называют более половины населения, отвечая на вопрос о том, без чего невозможна демократия [2]. Нам представляется, что приоритет соблюдения прав человека в глазах россиян – это не некое абстрактное требование либерального общества, но реакция на повседневное проявление неравенства, нарушений принципов социальной справедливости, отсутствия работающих механизмов обратной связи между властью и гражданами.

Таблица 1

**КАКАЯ ИДЕЯ ДОЛЖНА СТАТЬ КЛЮЧЕВОЙ
ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ, %
(допускалось два варианта ответа)**

Равенство всех перед законом, соблюдение гарантированных Конституцией прав человека	41
Жесткая борьба с коррупцией	38
Обеспечение социальной справедливости	31
Формирование эффективной инновационной экономики	24
Укрепление силы и могущества державы	21
Возрождение русских национальных ценностей и традиций	14
Расширение возможностей для свободного предпринимательства и развитие конкуренции	12
Демократическое обновление общества	7

Вышеприведенные негативные явления не без основания связываются с проявлениями «дикого капитализма». Данные из таблицы 2 показывают, что для большей части россиян в экономической сфере более значима роль госу-

дарства, а не рынка. Так, 16% населения вообще предпочли бы видеть плановое социалистическое хозяйство, еще 42% – экономику с элементами рыночного хозяйства, но основанную все же на государственной собственности. Менее половины населения (42%) считают, что для России больше подходит экономический строй, полностью или частично основанный на рынке и частной собственности. Если же говорить о роли государства в социальной сфере, то здесь россияне также склоняются к тому, что эта роль должна быть достаточно значима. Однако это отнюдь не стремление к общей «уравниловке» – наибольшую долю сторонников получает такая модель взаимоотношений государства и населения, когда государство обеспечивает всем определенный минимум, а остального граждане добиваются сами (см. табл. 3).

Таблица 2

**КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ, ПО МНЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ В РОССИИ, %**

<i>Модели экономического развития</i>	
Плановое социалистическое хозяйство	16
Экономика, основанная на государственной собственности, с отдельными элементами рыночного хозяйства и частной собственности	42
Экономика, основанная на частной собственности, с элементами государственного регулирования	28
Свободная конкурентная рыночная экономика	14

Таблица 3

**ЖЕЛАЕМАЯ РОССИЯНАМИ РОЛЬ ГОСУДАРСТВА
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ, %**

<i>Суждения</i>	
Государство вообще не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый должен рассчитывать только на себя	4
Государство должно помогать лишь слабым и беспомощным	16
Государство должно обеспечить всем гражданам определенный минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	46
Государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	34

В отношении дилеммы «общество индивидуальной свободы – общество социального равенства» важным дифференцирующим признаком выступает возраст респондентов (см. табл. 4). Однако даже в возрастной когорте до 30 лет доля сторонников общества индивидуальной свободы меньше, чем сторонников общества социального равенства. Более того, и среди тех, кто моложе 21 года, число сторонников общества индивидуальной свободы не

превышает половины. Это значит, что в данном случае мы имеем дело с определенным культурным феноменом, отражающим специфическое видение россиянами приоритетов и моделей общественного развития.

Таблица 4

**ДОЛЯ ВЫБИРАЮЩИХ ИНДИВИДУАЛЬНУЮ СВОБОДУ
ИЛИ ОБЩЕСТВО СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА
В СОСТАВЕ РАЗЛИЧНЫХ КОГОРТ, %**
(верхние числа – доля выбирающих социальное равенство,
нижние – индивидуальную свободу)

До 30 лет	53
	47
31–40	62
	38
41–50	71
	29
51–60	75
	25
Старше 60 лет	86
	14

Но есть и еще один аспект проблемы. Какие социальные группы заинтересованы в модернизации и тем самым окажут ей поддержку? Другими словами, первый вопрос – что модернизировать, второй – кто модернизаторы? Если для старта модернизации принципиальное значение имеет коалиция экономических и политических элит, то для успешного хода и достижения целей модернизации необходима весомая социальная поддержка [7]. Эта поддержка зависит от сложившейся модели социальной стратификации, равным образом характеризующей степень развитости и эффективности действующей социально-экономической системы и потенциал будущих модернизаций [8]. Качество человеческого капитала выражается в количестве образованных, здоровых, ответственных, процветающих людей. Не вдаваясь в теоретические дискуссии о категориальных тонкостях, эту группу можно определить как средний класс.

В 2000 г. Независимый институт социальной политики предпринял попытку измерить эту группу. Результаты говорят о том, что в России есть образованные люди, есть люди с достатком, есть люди, которые относят себя к среднему классу. Но это три разные группы (в отличие от развитых экономик, где эти признаки обладают высокой консистентностью – хорошее образование приводит людей на высокооплачиваемый сегмент рынка и, как результат, формируется высокая самооценка своего положения в обществе). Тем не менее в российской социальной структуре есть зоны пересечения (образованные с достатком, обеспеченные и уверенные в будущем и пр.). В зоне

всеобщего пересечения или к среднему классу относятся около 20% российского населения, к рекрутам среднего класса – 30, к группе риска бедности – 40 и, наконец, к группе низших классов – 10% населения⁵. Из анализа данных вырисовывается следующая социальная пирамида: 20% обладают статусом среднего класса, 10% населения не имеют ни одного признака среднего класса, а остальные 70% населения составляют класс ниже среднего, который приблизительно поровну делится на имеющих шансы попасть в средний класс и тех, кто при определенных сценариях, скорее всего, пополнит ряды бедных. При этом в современных развитых обществах 70% населения составляют средний класс, 15% – классы выше среднего и высшие классы, 15% – бедные [11; 12; 13]. В какой-то момент в эйфории от экономического роста 2000-х годов родилось всеобщее ожидание, что экономический рост автоматически приведет к росту среднего класса. Назывался даже ориентир – половина населения. Однако, данные проведенного в 2007 г. после семи лет бурного экономического роста второго исследования, показывают, что картина не изменилась.

Драматизм современной российской ситуации не только в малочисленности среднего класса. Практически такая же социальная структура была характерна для российского общества в конце периода длительной рецессии 1990-х годов и в преддверии экономического подъема 2000-х годов [10]. А это означает, что несмотря на экономический рост, который сам по себе должен бы выступать гарантией роста среднего класса и сокращения бедности, социальная ситуация в стране стагнирует. Плоды экономического роста распределяются чрезвычайно неравномерно. Главная причина – неадекватная требованиям развития социально-институциональная среда.

Невысокая доля среднего класса и преобладание в социальной структуре групп, которые относятся к «классу ниже среднего», означает, что в обществе социальная база модернизации крайне слаба. Этот вывод многократно усиливается региональным анализом, который выявляет высокий уровень дифференциации регионов по социальным показателям, в частности по показателю индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)⁶.

Воспроизводство и расширение среднего класса – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества. Возможности развития среднего класса определяются не институтами социальной поддержки, в которой нуждаются низшие классы и значительная часть слоя «ниже среднего»,

5. Задачи социальной модернизации. – <http://opec.ru/1349222.html>

6. Зубаревич Н.В. Цели развития тысячелетия и российские регионы // Цели развития тысячелетия в России: Взгляд в будущее. Доклад ПРООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. – М., 2010; <http://www.wold.undp.ru/OONrussEND.pdf>

а институтами развития [8]. Возникает вопрос в характере этих институтов. Будут ли они формироваться на основе имитации образцов, заимствованных в либеральных экономических моделях, которые все сложнее вписываются в современные общемировые тенденции, или они будут строиться исходя из анализа противоречивого и одновременно поучительного опыта эволюции отечественного хозяйства, отвергающего крайности либеральных моделей.

В институциональном строительстве социальной базы модернизации и гражданского общества и, соответственно, расширении среднего класса заслуживают внимания некоторые предложения экспертов, вытекающие из необходимости формирования институтов, адекватных российским особенностям и традициям. Одним из таких институтов является жилищная модель. Жилье – основополагающая потребность людей, требующая для своей реализации огромных вложений, которые в массе своей не под силу среднему российскому гражданину. Созданную в России жилищную модель О. Бессонова определяет как квазирыночную. Она утверждает, что фактически в 1990–2000-е годы жилищная модель была направлена на удовлетворение запросов новой элиты. Квазирынок, по ее мнению, отличается от классического рынка тем, что он не создает ничего нового, а использует механизмы купли-продажи для присвоения уже созданных производственных систем и жилья. Если рынок движим интересами предпринимателей и потребителей, то квазирынок обслуживает интересы только властных структур через механизм предпринимательства.

К 2002 г. спрос самого верхнего слоя платежеспособного населения насытился. И с помощью государственных мер по развитию ипотеки стали удовлетворяться потребности «верхнего среднего» слоя. Однако доходный потенциал и этого сектора к началу кризиса был близок к исчерпанию. Квазирыночная жилищная модель наткнулась на непреодолимое препятствие – неплатежеспособность со стороны «базового» слоя населения. Он, по приблизительным оценкам, составляет около 50% численности занятых – это практически все работающие в бюджетной сфере, исключая слой управленцев верхнего и среднего уровня. Одновременно жилищный сектор столкнулся с ограничениями по коммунальной и социально-бытовой инфраструктуре [1].

Важнейшей задачей в сложившихся сегодня условиях является формирование демократических процедур достижения социального консенсуса вокруг направлений и механизмов социальной политики, которые позволили бы создать эффективную экономическую модель, способную обеспечить опережающее развитие, модернизировать экономику и достичь реального экономического успеха. Ведущую роль в формировании таких процедур призвано сыграть гражданское общество.

Литература

1. Бессонова О. Новая жилищная модель – возврат к «генетическому коду». – М., 2011. – <http://opec.ru/1344519.html>
2. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2010.
3. Доклад о развитии человека – 2010 // <http://www.un.org/ru/development/hdr/2010>
4. Жижек С. Размышления в красном цвете: Коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. – М., 2011.
5. Зубаревич Н.В. Цели развития тысячелетия и российские регионы // Цели развития тысячелетия в России: Взгляд в будущее. Доклад ПРООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. – М., 2010; <http://www.wold.undp.ru/OONrussEND.pdf>
6. История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 4. – СПб.: ПХГИ, 2000.
7. Коалиции для будущего. Стратегии развития России // СИГМА. – М.: РИО-центр, 2007.
8. Малеева Т.Н., Овчарова Л.Н. Социальная модернизация: Что модернизировать и кто модернизаторы? // SPERO. 2010, № 13. Осень – зима.
9. Соболев Э.Н. Политика уравнительности в оплате труда как фактор деформаций советской и кризис современной социально-экономической системы // СССР. «Застой» / Под общей ред. Р. Круммы и Л. Булавки. – М., 2009.
10. Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии. – М: Гендальф, 2003.
11. Analyzing Inequality: Life chances and social mobility in comparative perspective / Ed. by S. Svallfors. – Stanford, 2005.
12. Mobility and inequality: Frontiers of research in sociology and economics / Ed. by S.L. Morgan, D.B. Grusky, G.S. Fields. – Stanford, 2006.
13. Rose St.J. Social stratification in the United States. – N.Y., 2000.

А.В. Алексеев

СКОЛЬКО СТОИТ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

Алексеев Алексей Вениаминович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Согласно модели, достаточно широко распространенной в научном сообществе и обеспечивающей в рамках единого методологического подхода сопоставимость оценок процессов, происходящих в России и развитых странах, характер развития современного общества определяется тремя основными факторами:

- характером имеющихся технологий;
- способностью работников эффективно использовать существующую технологическую систему (качество человеческого капитала);
- системой институтов, задающей устойчивость и качество развития технологической и социальной систем.

Если общество по каким-либо причинам неспособно обеспечить сбалансированное развитие всех трех факторов, застой (в лучшем случае) или регресс с соответствующими социально-экономическими последствиями ему гарантирован.

В настоящей работе мы ограничимся анализом лишь первой компоненты представленной триады. Если здесь есть серьезные проблемы, то в силу сформулированного утверждения даже выдающиеся достижения по оставшимся двум компонентам не смогут обеспечить прогресс российского общества.

Среди проблем выделим главную – современное состояние основных производственных фондов в РФ. *Соответствуют ли объемы инвестиций в российскую экономику ее масштабам?* Если считать российскую экономику развитой, скорее да, чем нет. Доля инвестиций в ВВП РФ примерно равна данной величине в развитых странах. При этом она заметно уступает странам, сумевшим существенно изменить свои экономики за последние десяти-

летия (Австралия, Республика Корея, Индия, Индонезия и особенно Китай) (табл. 1). Справедливости ради следует отметить, что доля инвестиций в российский ВВП растет, в то время как в США, например, скорее сокращается.

Таблица 1

ВАЛОВЫЕ ИНВЕСТИЦИИ, в % к ВВП

	Годы								
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Австралия	22	22,9	24,8	25,4	25,8	27	26,9	28,3	29,7
Франция	19,5	19,5	18,8	18,8	19,3	20	20,8	21,5	21,9
Германия	21,5	20	18,3	17,9	17,5	17,4	18,2	18,7	19
Греция	21,6	21,6	22,5	23,7	22,6	21,6	22,5	21,4	19,4
Япония	25,2	24,7	23,3	22,8	22,7	23,3	23,5	23,4	23,1
Корея	31,1	29,5	29,1	29,9	29,5	29,3	29	28,5	29,3
Великобритания	17,1	16,8	16,8	16,4	16,7	16,9	17,2	17,8	16,8
США	19,9	19,2	17,9	17,9	18,5	19,2	19,3	18,9	17,9
EU27 total	20,6	20,2	19,6	19,4	19,6	20	20,7	21,3	21,1
Бразилия	16,8	17	16,4	15,3	16,1	15,9	16,4	17,5	18,7
Китай	34,3	34,6	36,3	39,2	40,6	41	40,7	40,1	41,1
Эстония	26	26,7	29,8	31,7	31	30,7	33,9	34,5	29,3
Индия	22,9	23,3	23,7	24,4	27,5	30,4	32	34	34,5
Российская Федерация	16,9	18,9	17,9	18,4	18,4	17,7	18,5	20,7	21,5
В среднем*	22,1	21,7	21,3	21,4	21,8	22,4	23,0	23,4	23,1

Источник: [9].

* Рассчитано как невзвешенная (простая) средняя.

Но можно ли считать российскую экономику развитой и на этом основании утверждать, что темпы роста инвестиций достаточны и дальнейшее повышение их доли в ВВП страны нецелесообразно? Чтобы разобраться развита отечественная экономика или нет по критерию «состояние технологической базы» рассмотрим, что собой представляет имеющийся производственный аппарат.

Износ основных фондов (ОФ). В среднем по экономике степень износа основных фондов близка к 50%. Такой уровень износа – признак простого воспроизводства, более 50% – суженного. Износ в 45–46% означает, что наша экономика находится на грани простого воспроизводства основных фондов, причем в ряде отраслей эта грань уже пройдена (табл. 2). Наиболее изношены фонды в таких значимых для российской экономики инфраструктурных отраслях, как транспорт и связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также в здравоохранении и предоставлении социальных услуг, образовании, добыче полезных ископаемых. Антирекордные показатели в

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

рыболовстве и рыбоводстве. При этом во времени ситуация с износом в большинстве отраслей ухудшается.

Таблица 2

СТЕПЕНЬ ИЗНОСА ОФ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на конец года в %)

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г. *
Все основные фонды	43,5	45,2	46,3	46,2	45,3	45,3
В том числе:						
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	46,3	46,2	44,8	44,6	42,2	42,2
Рыболовство, рыбоводство	57,4	54,1	56,1	61,1	62,7	65,3
Добыча полезных ископаемых	54,8	53,3	53,3	53,4	50,9	40,6
Обрабатывающие производства	47,8	47,1	46,8	46	45,6	45,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	55,6	52,2	51,4	52,7	51,2	50,7
Строительство	42,3	44,6	47,9	46,5	45,5	46,9
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	40,9	35,6	37,8	33,2	33,8	33
Гостиницы и рестораны	40,1	41,4	41,6	40,2	40,3	41
Транспорт и связь	51,4	52,3	53,7	54,2	55,1	54,8
Финансовая деятельность	37,8	50,4	31	31,4	33,1	39,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	26,7	30,1	32,8	33,1	31,9	31,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	39,4	45,6	47	47,6	47,9	48,3
Образование	37	43,8	46,5	50,9	51	52,3
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	45,2	47,8	46,5	50,9	51	52,3
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	42,9	39,8	42,5	40	40,7	43,4

Источник: [4].

* В 2010 г. Общий износ основных фондов составил 45,6%.

Любые усредненные данные по высокоагрегированным показателям в определенном смысле лукавы. Далеко не блестящие результаты представляются в еще более мрачном свете, если обратиться к структурному наполнению рассматриваемого показателя. Так, износ пассивной части основных

фондов (в первую очередь зданий и, отчасти, сооружений) сравнительно невелик, а вот ситуация с активной частью основных фондов – иная. Степень износа машин и оборудования в целом выше 50%, особенно в обрабатывающей промышленности и торговле (табл. 3). Поэтому ни о каком заметном обновлении основных фондов российской экономики в последние годы речи не идет. В лучшем случае, и то не во всех крупных отраслях, осуществляется простое воспроизводство существующей технологической системы.

Таблица 3

**СОСТОЯНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОСНОВНЫХ ФОНДОВ
КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ***

	Степень износа (на конец года), процентов						
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все основные фонды	43,7	43,5	44,1	44,4	43,8	43,6	44,3
Из них:							
Здания	26,6	26,1	27	25,7	24,4	22,6	22,4
Сооружения	47,8	47,5	46,6	47,3	46,8	46,6	46,7
Машины и оборудование	55,4	53,3	52,5	51,2	51	50,6	51,8
Транспортные средства	36,2	38,9	40,9	44,8	42,3	41,6	45,6
Основные фонды организаций:							
Сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства	46,5	45,1	42,9	39,6	35,8	32,8	32,9
Из них:							
Здания	44,8	45	44,2	42	36,4	30	25,7
Сооружения	57	57,4	57,1	55,9	53,8	48,1	42,9
Машины и оборудование	50,3	46	42,3	37,8	35,3	34,2	37,9
Транспортные средства	57,2	53	49,9	45,4	41,8	40,5	44
Добыча полезных ископаемых	50,9	51,4	51,7	51	50	45,6	45,9
Из них:							
Здания	25,4	25,4	25,7	30,6	30	26,3	25,2
Сооружения	54,7	54,2	53,5	52,6	50,9	44,9	44,3
Машины и оборудование	51,3	53	56	54,8	54,9	53,9	56,4
Транспортные средства	55,7	56,8	53,6	53,9	53,9	53,7	58,1
Обрабатывающие производства	46,4	45,6	44,1	43,1	41,7	41	41,1
Из них:							
Здания	29,8	29,1	28,6	27,5	26	24,6	23,8
Сооружения	54	52,4	48,1	47,2	44,7	42,1	39,6
Машины и оборудование	55	53,4	51,5	49,6	48,3	48	48,7
Транспортные средства	44,4	46,3	45,7	45,2	43,9	43,6	47,2

* Без субъектов малого предпринимательства.

Источник: [2, с. 331; 3, с. 347–348].

Возрастные характеристики основных фондов. Коэффициент обновления основных средств в последние годы – в пределах 4%, т.е. полное обновление основных средств осуществляется примерно в течение 25 лет. Коэффициент выбытия и вовсе равен 1%, т.е. новые основные средства создаются, а старые практически не выбывают. Технологическая система заболачивается. Конечно, можно производить продукцию и на мощностях 30-летней давности, но, очевидно, эти мощности никак (за крайне редким исключением) не соответствуют современным требованиям в части энерго- и ресурсоэффективности, экологическим стандартам, условиям для работы персонала.

Средний возраст российских основных фондов в 2009 г. равнялся примерно 20 годам. Много это или мало? Если обратиться к аналогичному американскому показателю, на первый взгляд, немного. Действительно, средний возраст американских основных фондов 21,1 г. [6]. Сопоставление возраста отечественных машин и оборудования, правда, уже явно в пользу американцев – 14 лет в РФ (2010) против 6,8 лет [5] в США.

Ситуация резко меняется, если точно проинтерпретировать рассмотренные показатели. Указанный средний возраст американских фондов определен по рыночной стоимости. Если же производить расчет по первоначальной стоимости, тогда средний возраст американских фондов равняется 10,6 лет, а средний возраст машин и оборудования – 5,6 лет. На этом фоне российские 20 и 14 лет, соответственно, выглядят совсем по-другому.

Возрастные характеристики основных фондов заставляют более критично отнестись и к данным по их износу. Проблема не только в том, что фонды сильно изношены, а в том, что в РФ измеряется то, что по меркам развитых экономик измерению давно не подлежит. Действительно, 50%-ный износ фондов, которым в среднем десять лет, и 50%-ный износ фондов, которым 20 лет, характеризует существенно разные фонды.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что современные масштабы инвестиций в российскую экономику недостаточны для поддержания отечественных фондов на технологическом уровне, характерном для развитых экономик.

В России сформулирована (совсем иной вопрос – как выполняется) задача: «Достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015–2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности)» [1, с. 10]. Решение этой задачи невозможно без глубокой модернизации (в действительности во многом создания заново)

соответствующей технологической базы. Попытаемся оценить, во что это обойдется.

Оценка потребности в инвестициях, необходимых для приведения основных производственных фондов РФ к уровню развитых стран. Оговоримся, прямое сравнение основных фондов различных стран – задача едва ли имеющая корректное решение. Этому мешают определенные различия в используемой методологии учета, зачастую не полностью совпадающий смысл одних и тех же понятий, используемых в разных странах, наконец просто различная достоверность статистических данных. Хорошо понимая условность подобных оценок, все же предложим качественную оценку инвестиций, необходимых для того, чтобы привести технологическую базу отечественного сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности к уровню, сравнимому по своим качественным параметрам с развитыми странами.

Воспользуемся простым подходом. Предположим (условно), что мы хотим иметь такой же технологический уровень в сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности как в развитых странах. Другими словами, фондовооруженность рабочего места в РФ должна примерно соответствовать уровню, достигнутому в этих странах. Идея иметь конкурентоспособную экономику при технической оснащенности производства заметно ниже, чем в развитых экономиках, конечно, заманчива, но несерьезна.

Представить оценку фондовооруженности рабочего места, скажем, в США – несложно, располагая данными об ОФ по восстановительной и первоначальной стоимости, а также численности занятых в каждой отрасли.

Полученные результаты расчетов фондовооруженности рабочего места по трем основным блокам экономики США представлены в таблице 4 и таблице 5. Обращают на себя внимание по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, фондовооруженность рабочего места быстро и устойчиво растет во всех крупных отраслях США, связанных с материальным производством. Во-вторых, фондовооруженность в разных отраслях существенно различна. При этом стоимость создания рабочего места в добывающих отраслях примерно в 10 раз выше, чем в обрабатывающих, а фондовооруженность в сельском хозяйстве заметно выше, чем в обрабатывающей промышленности.

Таблица 4

**ФОНДОВООРУЖЕННОСТЬ РАБОЧЕГО МЕСТА
ПО ОТРАСЛЯМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США, тыс. долл.,
ОФ ПО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	118	128	132	143	153	162
Добыча полезных ископаемых	860	912	999	1093	1193	1395
Обрабатывающие производства	96	98	101	107	116	134

Расчет по данным источников: [5–8].

Расчет фондовооруженности по восстановительной стоимости структурно дает те же результаты, но абсолютные значения исследуемых показателей оказываются заметно выше.

Таблица 5

**ФОНДОВООРУЖЕННОСТЬ РАБОЧЕГО МЕСТА
ПО ОТРАСЛЯМ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США, тыс. долл.,
ОФ ПО ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ**

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	201	222	232	250	261	260
Добыча полезных ископаемых	1512	1828	1919	1943	1930	1955
Обрабатывающие производства	134	141	148	158	176	195

Расчет по данным источников: [5–8].

Расчет фондовооруженности по отраслям хозяйственной деятельности РФ также не представляет сложности. Данные по остаточной балансовой стоимости основных фондов и численности занятых легко доступны на сайте Росстата.

Обосновать сопоставимость российских и американских показателей сложнее. Оба основных метода – пересчет российских фондов в доллары по паритету покупательной способности (ППС) и по рыночному курсу рубля к доллару – вызывают многочисленные и во многом справедливые возражения. Возможность использования второго подхода ставится под сомнение тем сообщением, что в общем случае при пересчете национальной валюты в доллары на одну и ту же сумму в долларах в национальной экономике и экономике США

приобретается разное количество одного и того же товара. Собственно, этим обстоятельством и определяется необходимость пересчета одной национальной валюты в другую по паритету покупательной способности (первый подход).

Проблема, однако, в том, что ППС для каждого товара свой. Так, ППС по стоимости услуг в российском образовании в 2005 г. равнялся 2,78 руб./долл., а по машинам и оборудованию – 27,9 руб./долл. (разница в 10(!) раз). При этом курс рубля к доллару, фиксируемый ЦБ РФ, составлял 28,7 руб./долл. (ППС по валовому внутреннему продукту, соответственно, 12,74¹). Таким образом, ППС по машинам и оборудованию в 2005 г. был практически равен рыночному курсу рубля на ММВБ.

По категории «инвестиционные товары» в целом ситуация не столь однозначна: курс по ППС в 2005 г. здесь равнялся 19,21 руб./долл., что, впрочем, все равно существенно выше, чем ППС по ВВП. При этом оценка активной части основных фондов однозначно тяготеет к рыночному курсу рубля к доллару. Действительно, значительная часть монтируемого оборудования в РФ импортная, приобретаемая по рыночному курсу. Производители отечественного оборудования находятся в условиях жесткой конкуренции с мировым производителем, поэтому верхняя граница их цен (за исключением немногих видов уникального оборудования) также задается ценами мирового рынка. Иная ситуация с пассивной частью основных фондов. Конкуренция с мировым производителем в строительном секторе либо весьма ограничена, либо вовсе отсутствует. А чем менее торгуема продукция отрасли на мировом рынке, тем, как правило, больше отклонения в ее стоимости от мировых цен. Иными словами, рыночный курс национальной валюты здесь менее применим, чем ППС.

Проблемы не было бы, если бы Росстат систематически представлял данные по ППС по отдельным продуктам и услугам. Однако за последние годы он делал это всего 2 раза – в 2002 г. и в 2005 г. С 2002 по 2005 г. наблюдался дрейф ППС по машинам и оборудованию в сторону рыночного курса рубля к доллару. У нас нет оснований утверждать, что после 2005 г. эта тенденция прекратилась.

С учетом всех изложенных обстоятельств, расчет фондовооруженности в экономике РФ по ППС даст заведомо завышенный результат. Расчет динамики инвестиций по официальному курсу рубля к доллару, напротив, покажет несколько заниженный результат. Будем считать, что истина находится в интервале, полученном как результат расчета обоими методами, но тяготеет все же к рыночному курсу рубля.

1. www.gks.ru

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Фондовооруженность рабочего места по отраслям экономики РФ отличается от аналогичной американской величины как по структуре, так и, в существенно большей степени, по абсолютным значениям. В отличие от американского сельского хозяйства фондовооруженность сельского труда в России ниже, чем в обрабатывающей промышленности. Зато разница в фондовооруженности добывающей и обрабатывающей промышленности примерно одинакова (десятикратная для США, одиннадцатикратная для РФ).

Основные различия – в абсолютных значениях (табл. 6, 7).

Таблица 6

**ФОНДОВООРУЖЕННОСТЬ РАБОЧЕГО МЕСТА В РФ, ППС,
тыс. долл./чел.**

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	8,6	8,4	8,6	10,0	10,9	12,0
Добыча полезных ископаемых	91,4	115,5	128,3	141,1	166,4	211,8
Обрабатывающие производства	11,9	13,1	13,9	15,4	16,2	19,3

Расчет по данным источников: [5–8].

Таблица 7

**ФОНДОВООРУЖЕННОСТЬ РАБОЧЕГО МЕСТА В РФ,
тыс. долл./чел.**

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	3,6	3,7	4,5	6,2	7,9	7,1
Добыча полезных ископаемых	37,7	51,3	67,2	87,3	120,7	125,6
Обрабатывающие производства	4,9	5,8	7,3	9,5	11,8	11,5

Расчет по данным источников: [5–8].

При самом благоприятном для оценки фондовооруженности рабочего места в РФ методе расчета (американские фонды оценены по первоначальной стоимости, российские фонды пересчитаны в доллары по ППС), фондовооруженность рабочего места в обрабатывающей промышленности РФ составляет всего 14,4% от аналогичного американского показателя, символически лучше ситуация в добывающей промышленности – 15,2% и совсем нехорошо в сельском хозяйстве – 7,4%.

Если же рассчитывать российские фонды не по ППС, а по рыночному курсу, то тогда фондовооруженность в российской обрабатывающей промышленности не дотягивает и до 10% от американского уровня. А уж если американские фонды учитывать не по первоначальной, а по рыночной стоимости, то, выясняется, что сравнивать и вовсе нечего: фондовооруженность в российской обрабатывающей промышленности при таком методе счета не дотягивает и до 6% от американского уровня (в сельском хозяйстве – меньше 3%). Справедливости ради следует отметить, что российские фонды фактически оцениваются по первоначальной, а не по рыночной стоимости, поэтому последние показатели все же явно занижены.

Можно и, видимо, нужно дискутировать о методах сопоставления российских и американских фондов, однако при любом методе расчета фондовооруженность отраслей российской экономики оказывается многократно ниже американского уровня. При таком техническом оснащении всерьез говорить о конкурентоспособности отечественной экономики не приходится. Конкурентоспособной, адекватной современным реалиям отечественная хозяйственная деятельность, очевидно, может быть только при сопоставимой с развитыми экономиками технической вооруженности рабочего места. Насколько сложна эта задача? Может, все, что здесь требуется, – немного напрячься, перегруппировать ресурсы, подправить ситуацию в промышленности и жить спокойно? Оценим потребности в инвестициях, необходимых для решения задачи приведения российских основных фондов в соответствие с их западными аналогами.

Ограничимся простым, но достаточно наглядным примером. Предположим, мы хотим иметь структуру экономики, аналогичную США. Понятно, в реальности она не обязана и не будет копировать американскую экономику, но что касается макропропорций (долей сельского хозяйства, промышленности и услуг в ВВП) в тенденции мы все же приближаемся к США, а не удаляемся от них. Поэтому для качественной оценки затрат, необходимых для решения обсуждаемой задачи, предложенный подход вполне приемлем.

Если мы хотим (условно) иметь такое же сельское хозяйство, добывающую и обрабатывающую промышленность как США, все что требуется – иметь здесь такое же (в пересчете на численность населения) количество рабочих мест с той же фондовооруженностью.

Тогда минимально необходимые инвестиции (по состоянию на 2009 г.) в сельское хозяйство должны составить 129 млрд. долл., в добывающую промышленность – 349 млрд. долл., в обрабатывающую – 617 млрд. долл. То есть суммарно по этим трем блокам отраслей примерно 1 трлн. 100 млрд. долл. Оценка сверху (основные фонды по видам хозяйственной деятельности США учитываются по рыночной, а не по первоначальной стоимости): в российское сельское хозяйство необходимо вложить 218 млрд. долл.,

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

в добывающую промышленность – 540 млрд. долл., в обрабатывающую – 988 млрд. долл. Всего – 1 трлн. 746 млрд. долл. (табл. 8, 9).

Таблица 8

**МИНИМАЛЬНО НЕОБХОДИМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ
ДЛЯ ПРИВЕДЕНИЯ ФОНДОВООРУЖЕННОСТИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ РФ
К УРОВНЮ ФОНДОВООРУЖЕННОСТИ АНАЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ В США,
млрд. долл. (ОФ В США ПО ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СТОИМОСТИ, В РФ – ПО ППС)**

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Отрасли народного хозяйства, в том числе:						
Сельское хозяйство	101	108	114	118	125	129
Добывающая промышленность	183	203	244	289	335	349
Обрабатывающая промышленность	550	553	564	582	610	617
Итого:	834	864	922	989	1070	1095

Расчет по данным источников: [5–8].

Таблица 9

**НЕОБХОДИМЫЕ ИНВЕСТИЦИИ
ДЛЯ ПРИВЕДЕНИЯ ФОНДОВООРУЖЕННОСТИ ОТРАСЛЕЙ ЭКОНОМИКИ РФ
К УРОВНЮ ФОНДОВООРУЖЕННОСТИ АНАЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ В США,
млрд. долл. (ОФ В США ПО РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ, В РФ – ПО ППС)**

	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Отрасли народного хозяйства, в том числе:						
Сельское хозяйство	182	198	209	217	224	218
Добывающая промышленность	352	452	518	563	591	540
Обрабатывающая промышленность	842	877	910	944	1003	988
Итого:	1376	1527	1637	1724	1818	1746

Расчет по данным источников: [5–8].

1 трлн. долл. инвестиций – по российским меркам это много или мало? Совокупный объем инвестиций в реальный сектор экономики РФ в 2009 г. составил примерно 8 трлн. руб. (в 2008 г. почти 9 трлн. руб.). По рыночному курсу доллара это примерно 1/4 трлн. долл. (1/3 трлн. долл. в 2008 г.), по ППС – 424 млрд. долл. (488 млрд. долл.).

Таким образом, 1 трлн. долл. – огромная для России сумма. 1 трлн. долл. – немалые деньги и по меркам США. Величина американской инвестиционной

программы в 2009 г. составила примерно 1,7 трлн. долл. (в 2008 г. – 2,1 трлн. долл.).

Чтобы технологический уровень российского рабочего места в сельском хозяйстве соответствовал американскому, в отечественное сельское хозяйство требуется инвестировать от 129 до 218 млрд. долл. (в зависимости от методики счета). В настоящее время в год в сельское хозяйство инвестируется от 10 до 20 млрд. долл., т.е. теоретически единовременно объем инвестиций должен быть увеличен в 10 раз, а в последующем поддерживаться на несколько большем, чем сегодня, уровне. В настоящее время он в 2,4–4 раза ниже, чем в США, но у нас и население в 2,2 раза меньше.

Объем необходимых инвестиций в добывающую промышленность в абсолютном выражении, понятно, больше, но количество годовых инвестиционных бюджетов здесь должно быть примерно столько же, что и в сельском хозяйстве.

Иное дело обрабатывающая промышленность. При требуемых (в рассматриваемом весьма условном смысле) 617–1000 млрд. долл. фактически в год вкладывается 36–60 млрд. долл. (см. методику расчета). Здесь требуется уже 16–17 годовых инвестиционных бюджетов. При этом догнать американцев непросто и потому, что их годовые объемы инвестиций в отрасль превышают 200 млрд. долл. В РФ при самой «лояльной» к отечественным реалиям методике расчета – не более 60 млрд. долл. в год (в действительности заметно меньше), т.е. объем инвестиций в российскую обрабатывающую промышленность в 3,5 раза меньше, чем в США, при разнице в населении только в 2,2 раза.

А ведь сельское хозяйство, добывающая и обрабатывающая промышленность – не единственные отрасли экономики, нуждающиеся в техническом перевооружении (в РФ в этих отраслях производится немногим более 1/4 ВВП).

Таким образом, российская экономика объективно нуждается в кратном увеличении своей инвестиционной программы. Никаких реальных оснований для популярной в российском обществе точки зрения, что давно пора меньше тратить «на железо» и больше платить людям, нет. Не потому, конечно, что население живет слишком хорошо, а потому, что вначале необходимо создать материальные условия для высокого уровня жизни, и тогда уровень жизни определится автоматически. Попытка же сначала увеличить потребление и ожидать, что материальная основа для этого появится как-то сама собой, приводит к проеданию остатков технологической системы, созданной еще в советский период, что, собственно, и наблюдается в последние десятилетия. Известно, чем такое поведение заканчивается.

В рамках представленной выше логики общественного развития очевидно, что низкое качество имеющейся системы технологий определяется не

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

простым «недомыслием» его агентов, а системой общественных институтов, препятствующих развитию материального базиса. Очевидно, что именно здесь у российского общества серьезные проблемы. Результаты представленного анализа показывают, что продолжать игнорировать эти проблемы уже невозможно.

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации. – М., 2008.
2. Российский статистический ежегодник 2009. – М., 2009.
3. Российский статистический ежегодник 2010. – М., 2010.
4. ЦБСД, Баланс основных фондов (по полному кругу). – www.gks.ru
5. Current-Cost Average Age at Yearend of Private Equipment and Software by Industry. Table 3.9E (www.bea.gov).
6. Current-Cost Average Age at Yearend of Private Fixed Assets by Industry. Table 3.9ES (www.bea.gov).
7. Current-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry. Table 3.1ES (www.bea.gov).
8. Historical-Cost Net Stock of Private Fixed Assets by Industry. Table 3.3ES (www.bea.gov).
9. OECD Factbook 2010: Economic Environmental and Social Statistics. – www.oecd.org
10. Persons Engaged in Production by Industry. Table 6.8D (www.bea.gov).

В.В. Пациорковский

**МОДЕРНИЗАЦИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ
КАК ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Пациорковский Валерий Валентинович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией ИСЭПН РАН.

В логике инновационного развития весьма опрометчиво оставлять домохозяйства, а сельские в особенности, на обочине перемен. Семья и домохозяйство играют важнейшую роль в формировании новых экономических отношений. Поэтому *они должны рассматриваться в качестве приоритетов не только развития сельской России, но и инновационной экономики в целом.*

В этом контексте о корректности и содержательной значимости соображений о том, что «на шее модернизации тяжелым грузом висят ...37,6 млн. человек сельского населения» [17], равно как и об оценках некоторых экспертов, согласно которым поддержка неэффективных городов стоит стране около 2–3% экономического роста ежегодно [9], говорить не приходится. Фиксируя факт миграции населения из малых в крупные города, такие экспертные заключения упускают из виду, что проблема сокращения численности населения малых городов связана с другим миграционным потоком, а именно прекращением притока в них сельского населения.

Происходящие уже много лет быстрые преобразования в стране привели к заметному дисбалансу между устремлениями значительной части семейных домохозяйств к моральной экономике и форсированной ориентацией системы управления на формирование рыночных отношений. Это противоречие постоянно дает о себе знать. Оно особенно заметно в сельской местности. Уделяя огромное внимание формированию правового поля и инфраструктуры рынка, общество отошло от проблем сельского развития и моральной экономики.

Признавая значимость указанных обстоятельств, которые могут играть заметную роль при разработке конкретных мер и механизмов инновационно-

го развития, в этой статье мы уделим внимание *четырем* аспектам модернизации сельских домохозяйств.

Массовое индивидуальное жилищное строительство. Решение задач сельского развития вряд ли возможно без разворачивания массового индивидуального жилищного строительства на селе и в малых городах. Все программы обеспечения жильем молодых специалистов, молодых семей, ветеранов и т.п., решая текущие задачи предотвращения развала села, закрепляют режим выживания. Они весьма далеки от проблем устойчивого сельского развития.

Формируемое в стране рыночно ориентированное правовое поле (Земельный, Жилищный и Градостроительный кодексы), опережая свое время, препятствует массовому жилищному строительству. В то же время только поощрение индивидуального строительства современного жилья на основе выделения земельных участков и предоставления товарного кредита способно быстро и эффективно решить задачу обеспечения жильем всех нуждающихся в нем селян [3]. Такое развитие событий может способствовать повышению привлекательности и качества жизни на селе.

Федеральный центр помимо устных высказываний руководителей страны в пользу поддержки малоэтажного жилищного строительства [20; 8] предпринимает в этом направлении очень ограниченные управленческие и законодательные решения. А такие решения крайне необходимы. Во-первых, для того чтобы дать четкий сигнал многим регионам, привыкшим не делать лишнего без указаний сверху. Во-вторых, для приведения действующей нормативной базы в части Градостроительного, Жилищного, Земельного, Лесного и Водного кодексов в соответствие с требованиями развития массового индивидуального жилищного строительства.

Сегодня повсеместно, в том числе и в сельской местности, земельный участок под индивидуальное жилищное строительство можно приобрести только по аукциону. В связи с огромной и хорошо известной разницей в доходах и уровне жизни в городской и сельской местности указанное положение дел ставит в совершенно не равные условия местных селян и пришлых горожан, желающих приобрести участок в сельской местности. Разработчики такого порядка позаботились о формально равном доступе к земле, совершенно упустив из виду, что у нас в городе и на селе в обороте находятся, если так можно выразиться, абсолютно другие деньги.

Массовое индивидуальное жилищное строительство правильно рассматривать, как исходный пункт сельского развития. К нему и надо стремиться, зафиксировав «оживление жилищного строительства» [5, с. 5]. Поэтому (как уже отмечалось в ряде предыдущих работ автора) инновация типа: «*Построй свой дом!*» или «*Построй свой дом – укрепи Россию!*» сегодня и на перспек-

тиву может сыграть важную роль в консолидации общества, открыть каналы новых инициатив и модернизации снизу.

Предлагаемая инновация, во-первых, направлена на удовлетворение отложенных первичных потребностей и неудовлетворенного спроса много-миллионной массы россиян. Во-вторых, она может способствовать восстановлению чувства справедливости, поправленному шоковой терапией и приватизацией. В-третьих, строительство собственного дома на своей земле открывает широкие возможности распространения самозанятости и формирования самодостаточного в своей основе социального слоя населения. Именно такие слои и составляют костяк среднего класса.

С жилищным строительством на селе связана и модернизация сельского подворья¹, приведение его в соответствие действующему технологическому укладу. Это очень важный момент. Он имеет самостоятельное значение и не может быть упрятан в декларации по улучшению условий жизни сельян.

Формирование на сельском подворье и в домохозяйстве современного технологического уклада. Материально-техническая база российского сельского подворья в лучшем случае соответствует третьему технологическому укладу. По расчетам экономистов, он господствовал еще примерно в 1880–1930 гг. В то же время в хозяйстве, в том числе и в крупном сельскохозяйственном производстве, сегодня доминирует пятый (1980–2040) [1], а руководство страны совершенно справедливо ставит задачи перехода к шестому технологическому укладу [2].

Технологическая отсталость сельского подворья противоречит его новому положению в обществе в качестве особого экономического уклада. Это реальность и независимо от того является ли подворье потребительским или мелкотоварным хозяйством, туда должны прийти современные средства механизации, сертифицированный посадочный материал, элитные породы скота, агрономическое и ветеринарное обслуживание и т.п. Существующий же на сельском подворье технологический уклад держит его в режиме выживания и бедности.

Между тем самозанятость на личном подворье должна обеспечивать средние или близкие к ним доходы населения, занятого в реальном секторе экономики. В этом случае крестьянин-единоличник, не используя наемный труд, сможет рассчитывать на собственные силы и быть хорошим примером успеха моральной экономики в условиях господства товарно-денежных отношений.

Решение задач модернизации подворий предполагает кроме нового строительства и технического обновления внедрение в их повседневную

1. В советское время называемое – личное подсобное хозяйство (ЛПХ).

практику технологических карт, позволяющих обсчитывать экономическую эффективность различного рода продукции и услуг. В 2010 г. среднемесячная начисленная заработная плата в России составляла 21 193 руб. [16, с. 124]. В таком случае два экономически активных члена домохозяйства, занятые на личном подворье и одновременно желающие остаться на среднем по стране уровне вознаграждения за свой труд, должны были иметь среднемесячный доход 42 386 руб. в месяц или 508 632 руб. в год.

Это значит, что при средних ценах производителей сельскохозяйственной продукции, сложившихся в том году [16, с. 535] они должны были произвести и реализовать 54 т картофеля, 41 тыс. л коровьего молока, 8,8 т огурцов и т.д. Зная средний выход той или иной продукции с одного га или удоимость одной коровы можно легко выйти на обсчет необходимой техники, земельных площадей, численности дойного стада, требуемого объема кормовых единиц и издержек производства в целом.

Следует помнить, что при любом уровне развития крупного товарного производства, подворья всегда смогут найти или сохранить свою нишу. Связано это с тем, что крупные и средние товарные производители, используя возобновляемые природные ресурсы, нигде и никогда не доходят до производства отдельных видов продукции, требующей огромных затрат труда. Это относится, например, к пчеловодству, кролиководству, выращиванию многих видов растений, грибов и ягод.

Вместе с тем еще важнее общая стабилизирующая и воспроизводственная роль личных подворий на селе. Как уже отмечалось ранее, в многоукладной экономике общество просто обязано следить за тем, чтобы во всех ее секторах господствовал один технологический уклад. Только в этом случае труд в быту и на личном подворье сопоставим с трудом в общественном производстве, а оба уклада находятся в условиях равной конкуренции. Поэтому положение дел на личном подворье должно в такой же мере беспокоить общество, как и положение дел у средних и крупных товаропроизводителей.

В пользу возможности движения в указанном направлении свидетельствуют несколько важных обстоятельств. Во-первых, эпоха индустриального общества подходит к завершению. Новый технологический уклад предполагает высокий уровень автоматизации и роботизации промышленного производства. Это значит, что настоятельность тотального вовлечения широких масс населения в производство посредством наемного труда быстро падает. И напротив, растет настоятельность распространения труда на основе свободных профессий и самозанятости.

Во-вторых, распространение новых коммуникационных технологий и скоростного транспорта делают излишней концентрацию трудовых ресурсов и рабочих мест на заводах, фабриках и в офисах крупных городов и агломераций. В этих условиях с неизбежностью начинает расти роль семейного жи-

лица и домохозяйства. Там, где это возможно, оно быстро прибавляет к потребительской производственную функцию. В нашей стране в последние годы этот процесс идет особенно интенсивно в сельской местности.

В-третьих, исторически оказалось так, что со временем хозяйственные отношения в капиталистической экономике приобрели характерные для нее черты свободы от всего того, что стоит на пути получения прибыли. Реальность состоит в том, что сегодня, как в нашей стране, так и в окружающем нас мире, в том числе и в социальной науке, стараются избегать обсуждения вопросов, связанных с нравственностью экономики.

В этом плане, разрушенная индустриальным обществом и вновь встающая сегодня на ноги, домашняя экономика моральна по своей природе. Она открывает огромные возможности совершенно других социально-экономических отношений, которые в уходящем обществе рассматриваются как реликты или чудачества отдельных людей. Если моральная экономика займет достаточно большую нишу, то это может способствовать оздоровлению всего общества, в том числе семейных отношений и матримониального поведения.

В сложившихся условиях хозяйствования, независимо от провозглашаемых намерений, само противопоставление мелкотоварного сектора и крупных товаропроизводителей на селе закрывает перспективы сельского развития. Кстати сказать, развитие сельского туризма и народных промыслов тесно связано с семейными домохозяйствами. Необходимый для сельского туризма гостиничный фонд и другие виды услуг могут сформировать только семейные хозяйства.

Поощрение занятий, связанных с возобновляемыми природными ресурсами. Решение задач «диверсификации сельской экономики» [5, с. 11], несомненно, является составной частью сельского развития. Вместе с тем на селе такая диверсификация может быть эффективной лишь в случае постоянного поощрения всего комплекса занятий, связанных с использованием возобновляемых природных ресурсов. Среди таких занятий в первую очередь следует отметить растениеводство, животноводство, рыбоводство, а также огромный набор лесохозяйственных занятий, которые в своей совокупности могут быть представлены как лесное сельское хозяйство.

Все эти занятия – историческая основа села. Вполне возможно, что они являются тем механизмом, посредством которого природа очеловечивает людей. При этом весьма вероятно, что в историческом движении от охоты, рыбной ловли и собирательства – земледелие (в качестве исходного пункта производства), как раз и есть то занятие, которое сформировало современного человека.

Не исключено, что разрушение домохозяйств и доминировавших в них занятий, связанных с возобновляемыми природными ресурсами, начавшись в эпоху промышленной революции, просвещения и гуманизма, сегодня завер-

шается закатом индустриализма, формированием массового общества и массовой культуры. Все эти плоды прогресса в своей совокупности оказывают на природу и человека воздействие близкое к эффекту использования оружия массового уничтожения.

У рассматриваемого вопроса имеется и другая сторона. Ее истоки кроются в наличии естественной связи занятий с возобновляемыми природными ресурсами и моральной экономикой. Эта связь обусловлена тем фактом, что указанные занятия позволяют кратчайшим путем и самым непосредственным образом соединить способность к труду с орудиями и предметом труда.

Жизнь на селе – это жизнь на земле. И в этом состоит фундаментальная, исключительно важная в социальном и биологическом отношении ценность села и сельского образа жизни. Земля, лес и вода, а не железобетонные джунгли, естественная среда обитания человека. Культура и формируемая ею искусственная среда, безусловно, являются огромным достижением человечества. Вместе с тем при определенных обстоятельствах они могут способствовать уходу человека с исторической сцены.

В распространенных сегодня моделях экономического кругооборота домохозяйство, как правило, рассматривается в качестве потребительской ячейки общества [4]. В теории общественного развития конечные представления такого рода связаны с консюмеризмом и обществом потребления. В соответствии с такими представлениями для фирм, как производителей товаров и услуг, на определенном этапе развития оказывается проще поддерживать в домохозяйствах уровень потребления, обеспечивающий экономический рост, чем содержать гигантскую, высокооплачиваемую армию наемного труда.

В подобных концептуальных схемах совершенно не раскрытым остается не провозглашаемое вслух, но принимаемое по умолчанию допущение, что при таком развитии событий положение основной массы людей становится похожим на положение животных в зоологических садах и зоопарках. Их поят и кормят, но держат в неволе. При этом тот факт, что многие виды животных в неволе перестают размножаться, просто как бы и не замечается. Вполне вероятно, что нечто похожее происходит и с людьми в современном обществе. Очень может быть, что жизнь на земле и есть та мера свободы, которая так необходима многим россиянам.

Описанная выше модель экономического кругооборота должна быть дополнена, во-первых, производственной функцией домохозяйств и возникающими в связи с этим новыми потоками товаров, услуг и ресурсов. Во-вторых, очень важно понять меру соотношения домашнего и корпоративного секторов экономики на каждом данном этапе общественного развития. В случае ее фиксации *у государства, как всеобщего регулятора, появятся основания поддерживать соотношение домашнего и корпоративного секторов на общественно приемлемом уровне.*

Экономический кризис 2008–2010 гг. показал, что сегодня и на перспективу перемен, происходящих в общественном развитии, роль и место домашнего производства будут постоянно возрастать. Надо понимать, что современное домашнее производство далеко от получивших широкое хождение представлений, связанных с натуральным хозяйством. Оно тесно включено и интегрировано во все поры общественной жизни, как и корпоративный сектор. А в условиях постоянного роста цен на продовольствие и циклические экономические кризисы его роль в качестве гаранта стабильности трудно переоценить.

Поддержка демографического развития и обратной миграции. На селе демографическое развитие полезно увязать с жилищным строительством. Имеются веские основания полагать, что такой механизм будет весьма эффективен [12, с. 46–48]. Уместно отметить, что при повторном заселении села, прежде чем заниматься переселением, надо пытаться использовать ресурс обратной миграции на землю предков [11, с. 84–87]. Например, очень слабая реакция на меры демографической политики 2006–2009 гг. в Камчатском крае, Мурманской и Томской областях [21], говорит о желательности поиска на местах таких поощрительных мер, которые могли бы оказывать более эффективное влияние на репродуктивное поведение населения. В этом плане в рамках региональных управленческих стратегий собственные подходы и индивидуализированные решения к стимулированию сельского развития играют все возрастающую роль.

Наши многолетние наблюдения показывают, что в последние два десятилетия во многих сельских семьях выросшие дети остаются не только в селе, но и не отделяются от родителей. Понятно, что такое положение дел не способствует формированию новых семей и повышению рождаемости.

Для целей демографического развития крайне важно создать механизм стимулирования репродуктивного поведения. Такой механизм, как известно, существовал в русской земельной общине. Один из известных специалистов по аграрному перенаселению в России – Л. Литошенко, указывая на данное обстоятельство, писал в свое время: «Если прирост семей в данном хозяйстве обгоняет средний рост населения в общине, то многодетные дворы выигрывают при очередном переделе за счет малосемейных. Общинный порядок земледелия *премирует*, таким образом, плодovitость населения» [7, с. 116].

Вряд ли правильно подозревать нас в приверженности и стремлении к воссозданию русской земельной общины. Упоминание о ней важно в качестве указания на пример существования в нашем историческом опыте механизма расширенного воспроизводства населения. Этот механизм опирался на общинную собственность земель сельскохозяйственного назначения и домашнее производство сельскохозяйственной продукции. Роль двигателя в

этом механизме выполнял общинный порядок земледелия, а точнее периодический передел земли.

Без создания сходного механизма, адаптированного к новым условиям жизни, трудно рассчитывать на решение проблем демографического развития. Вполне возможно, что вновь формируемый механизм может опираться на земли поселений, выдаваемые под индивидуальное жилищное строительство и домашнее производство самого разнообразного вида. В этом случае уже существующие сельские подворья (ЛПХ) и фермерские хозяйства могут рассматриваться как частные случаи реализации предлагаемого механизма. Роль движителя в таком механизме могут выполнять обременения и поощрения, связанные с получением земли и кредитов под индивидуальное жилищное строительство.

Материнский капитал, равно как и вновь введенное право на беспспорное получение земельного участка при рождении третьего ребенка свидетельствуют о движении в нужном направлении. Ему, правда, было бы правильно придать естественный характер. Возможность «вить гнездо» после рождения второго или третьего ребенка искажает естественный ход событий, для которого, как известно, характерно сначала вить гнездо, а лишь потом класть в него яйца.

С целью формирования нового механизма воспроизводства населения следует считать актуальным и своевременным:

– *предоставление селянам и жителям малых городов права бесплатного получения в собственность земельного участка под индивидуальное жилищное строительство – без конкурса и торгов;*

– *содействие на возвратной основе в получении средств на строительство жилья в сельской местности и малых городах.* Эти средства можно выдавать и в форме товарного кредита под обязательства рождения детей или наращивания объемов продукции товаров и услуг в рамках домашнего производства.

В основе сформулированных выше предложений лежит следующее допущение: «Доступность земли и домашнее производство представляют собой необходимое и достаточное условие демографического развития». Из него следует, что ограничения в доступности земли ведут к сворачиванию домашнего производства, которое сопровождается доминированием потребительской функции семьи и угасанием репродуктивности.

С учетом сказанного в сельской местности в целом, а в лесных и северных регионах в первую очередь, необходимо снять все ограничения, связанные с выделением земельных участков под индивидуальное жилищное строительство. Как заметил В. Путин: «Земельное законодательство в настоящий момент не регламентирует процедуру предоставления гражданам земли на льготных основаниях» [14]. При таком подходе у людей появляется

свобода маневра и выбора демографического, производственного и хозяйственного поведения, а у органов управления реальные рычаги поддержки или обременения различных видов занятий.

Автор этих строк совершенно искренне полагает, что в условиях сокращения рождаемости в целях обеспечения демографического развития какой-то значительной части молодого и здорового населения надо дать возможность свободно и самостоятельно жить на земле. Такое развитие событий может способствовать восстановлению нарушенного в эпоху индустриального общества равновесия в демографическом развитии.

Основной механизм реализации рассматриваемого развития событий обусловлен неизбежным сокращением характерного для современного общества господства наемного труда и жизни в городской малогабаритной квартире. Происходящие перемены предполагают распространение самозанятости и свободного труда, связанного с домашним производством, в условиях жизни в индивидуальном усадьбном жилище. Из этого обстоятельства не следует безусловного повышения рождаемости. Тем не менее сама организация такой жизни, потребность в дополнительных рабочих руках и наследовании хозяйства могут подталкивать людей к формированию больших семей, а молодых родителей к увеличению числа детей. На решение этих задач и должна быть направлена демографическая политика.

Любое домохозяйство предполагает наличие недвижимости (жилища и другого имущества) и как минимум выполнения взаимных обязательств его членов по обеспечению во времени благоприятных условий функционирования их совместного «дела», именуемого домохозяйством. Иными словами, домохозяйство, с одной стороны, производит и потребляет различные рыночные блага (товары и услуги), а с другой – в нем идет постоянный процесс производства и потребления нерыночных благ (забота о доме и близких, воспитание и охрана детей, поддержка престарелых родителей, любовь, взаимопонимание и др.).

Цементирующая все эти процессы система взаимных обязательств и привязанностей, общих целей и путей их достижения тем прочнее и прозрачнее, чем интенсивнее домохозяйство реализует свою миссию, связанную с производством рыночных и нерыночных благ. Поэтому домохозяйство – это такая социально-экономическая единица, которая постоянно требует огромных, прежде всего материальных, финансовых, психофизиологических и временных личных, равно как и общественных затрат.

Демографический менталитет нашего времени связан с предпосылкой того, что светский брак представляет собой узаконение отношений любви. Он теряет смысл в ее отсутствие. Дети – издержки любовных отношений, которые можно снизить путем тщательного контроля и регулирования указанных отношений. Дети ограничивают возможности личного роста, карьеры и

интересной жизни, поэтому их число должно быть сведено к минимуму. Планирование семьи – благое и нужное дело. Развод оправдан и уместен, как только прошла старая или появилась новая любовь.

О *семейной жизни как миссии*, обеспечивающей существование домохозяйства во времени и пространстве, задумываться не особенно принято. Семейные пары с детьми и без них мечутся, снимают жилье, покупают квартиры, строят дома и выясняют, что чего-то основного, ради чего стоит жить вместе, у них нет. Очень часто за этим следует развод и новый виток поисков семейного счастья.

Участникам многих из указанных коллизий и в голову не приходит, что дело состоит не в сходстве характеров или отсутствии любви, а в том, что они просто не имеют общего дела, не видят смысла в производстве благ в домашнем хозяйстве. В большинстве случаев оба они (или один из них) весьма опрометчиво полагают, что все блага, которые можно получить дома, вполне доступны и за его пределами, в других домах или сетях общественного обслуживания.

Подобного рода установки исходно ведут к ослаблению и разрушению внутрисемейных связей и производству благ в домохозяйствах. К слову сказать, СМИ, литература, а главное пропагандируемые теории общественного развития, делающие акцент на эффективности общественного обслуживания, ценности свободного времени, ущербности быта и ограниченности домашнего уклада, закрепляют такие установки в сознании подрастающих поколений.

Основным ориентиром постиндустриального развития должна стать диверсификация и модернизация производства, инженерной и социальной инфраструктуры малых городов и сельской местности. Можно смело утверждать, что в долгосрочной перспективе в регионах выиграет тот, кто ускоренно разовьет сельскую местность и нарастит в ней численность населения.

Следует обратить внимание, что подобное развитие событий не противоречит задачам «модернизации городской среды 12 городов-миллионников» [10]. Более того, оно представляет собой одно из необходимых условий их реализации. Для целей модернизации и инновационного развития вряд ли нужны огромные потоки трудовых мигрантов в крупные города. Именно поэтому в новых условиях так важно развитие малых городов и сельской местности.

Поощрение и поддержка массового индивидуального жилищного строительства в малых городах и на селе особенно актуальны для регионов, в которых удельный вес селян составляет менее 25% общей численности населения [12, с. 46–48; 13, с. 35–50]. Примером здесь может служить положение дел в республиках Карелия и Коми, Самарской, Свердловской, Ярославской и других областях [15, с. 16–17].

Для таких регионов дальнейшее снижение численности селян свидетельствует о переходе к состоянию достижения естественного минимума сельского населения, единственным выходом из которого является повторное заселение сельской местности. В местах, нуждающихся в повторном заселении, рано или поздно придется переходить от умирающего компактного к формированию дисперсного расселения. В сходном направлении формируется и инициатива снизу. Она идет от получающих все более широкое распространение индивидуальных рисков, связанных с переселением в сельскую местность [6], до различных коммерческих и общественных начинаний по созданию родовых поместий и экопоселений [18].

В современных условиях без развития периферии, под которой всегда подразумевают сельскую местность, наши центры станут периферией мировых центров более высокого уровня. Расчеты показывают, что в сложившихся условиях воспроизводства для поддержания демографического развития городского населения численностью в 1 млн. человек в сельской местности должно проживать около 1 млн. человек с суммарным коэффициентом рождаемости 2,6–2,9 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Такой режим воспроизводства сохранялся в сельской местности страны еще не так давно в 1988–1990 гг. Вместе с тем к тому времени соотношение городского и сельского населения уже равнялось, соответственно, 3:1. Понятно, что при изменении режима воспроизводства надо было сразу начинать думать о демографическом развитии, поддерживая указанное соотношение, как минимум 2:1, а еще лучше 1:1, как это было не так давно в середине 50-х годов ушедшего века.

Литература

1. Басаргин В. Задача номер один для Минрегиона – стимулировать развитие рынка жилья. – http://www.rost.ru/news/2009/01/231633_16038.shtml
2. Ганьжин В.В. Как России вперед. Отклик на статью Президента РФ «Россия, вперед». – http://ganjin.narod.ru/Kak_Rossii_vpered.htm
3. Гудков А., Сапожников О. Строителям пообещали прямые выборы // Коммерсантъ. – М., 2010. – 5 июля.
4. Капогузов Е., Латов Ю. Домохозяйство. Энциклопедия. Кругосвет. – <http://www.krugosvet.ru/articles/124/1012477/0015402g.htm>
5. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. – <http://www.government.ru/gov/results/13358>
6. Лельчук А. Исход из города. – <http://ladim.org/st0ea122F201.php>
7. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. – Новосибирск, 2001.
8. Медведев Д.А. Рабочая встреча с губернатором Белгородской области Е. Савченко 31 марта 2010 г. – <http://www.kremlin.ru/transcripts/7297>
9. Набиуллина Э. В России не выживут некоторые средние и малые города. – <http://news.mail.ru/politics/7545396>

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

10. Набиуллина Э. РФ нужны проекты модернизации для 12 городов-миллионников. – <http://news/mail.ru/politics/7546478>
11. Пациорковский В.В. Приоритеты демографического развития: Семья и домохозяйство // Национальные проекты. – М., 2009.
12. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М., 2010.
13. Пациорковский В.В. Факторы демографического развития: Пространственное размещение населения // Народонаселение. – М., 2010. – № 4.
14. Пленарное заседание II Всероссийского форума сельских поселений. – <http://premier.gov.ru/events/news/15547/#grant>
15. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. – М., 2011.
16. Россия в цифрах 2011. – М., 2011.
17. Сигида А. В российской дремучести виноваты безработные и деревенские. – <http://www.ytro.ru/peredovica>
18. Список родовых поселений, экопоселений России. – <http://poselenia.ru>
19. Текун М. Мой биполярный мир. – <http://ladim/org/st0da121c201.php>
20. Федеральный фонд содействия развитию жилищного строительства. Видеоматериалы. – <http://www.fondrgs.ru/press/video/1089/html>
21. Центральная база статистических данных. Демография. Демографические расчеты. Суммарный коэффициент рождаемости. – <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2415002>

В.Г. Холодков

**ВОЗМОЖНО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОПЫТ КИТАЯ
В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ?**

Холодков Вячеслав Георгиевич – кандидат экономических наук,
доцент МГУ.

Ключевой вопрос при сравнении китайской и российской модернизации – в чем причина огромного успеха первой в сравнении со скромными результатами второй? Можно выделить различные факторы, обеспечившие успех китайских реформ.

В модернизации экономики Китай выбрал «двухколейный» подход – строительство рыночной колеи параллельно существующей плановой. Это означало, с одной стороны, постепенное освобождение от административных пут планирования государственных предприятий, усиление их хозяйственной самостоятельности вплоть до самофинансирования, т.е. фактический их перевод на рыночные условия хозяйствования, превращение их в самостоятельных субъектов рынка. В Китае это называлось отделением права собственности от права хозяйствования. *Крупные государственные предприятия, сохраняя формально статус государственной собственности, постепенно превращаются в самостоятельных товаропроизводителей – субъектов рынка*, действующих в условиях конкуренции. Это означало и постепенное освобождение цен на продукцию государственных предприятий от административного контроля, выход их на рыночный уровень. Ключевым моментом в построении рыночной экономики стал отказ от методов административного управления и переход к регулированию экономики с помощью экономических рычагов. С другой стороны, был взят курс на параллельное создание частного рыночного сектора экономики, развивающегося по всем законам рынка.

В государственном секторе в соответствии с принципом отделения права собственности от права хозяйствования после 1984 г. начал формироваться рыночный механизм. Доля видов промышленной продукции, производство

которых регулируется государственными директивными планами, снизилась с 95% в 1978 г. до 5% в 1996 г. Удельный вес товаров, ценами которых непосредственно управляет государство, в розничном товарообороте упал с 95 до 6% [3]. Помимо рынка товаров начали создаваться рынки капиталов, машин и оборудования, рабочей силы, других необходимых для производства элементов. Таким образом, рынок начал играть основную роль в распределении экономических ресурсов.

В 90-е годы этот процесс в КНР получил развитие в форме акционирования государственных предприятий. Он подготовлен на предшествующих этапах и осуществляется на основе четкого законодательства при жестком контроле со стороны государства. На основе государственной собственности Китай фактически развивает различные частные, негосударственные, кооперативные формы собственности. Оставшиеся государственные предприятия принадлежат в основном к ключевым отраслям народного хозяйства (энергетика, транспорт, производство важнейших видов сырья, материалов и оборудования). Поэтому от успеха их реформы во многом зависит судьба преобразований в целом.

Огромное значение в успехе Китая сыграл малый бизнес. Малый бизнес обеспечивает более 80% рабочих мест в стране. На его долю приходится 60% ВВП КНР, а также более 50% налоговых поступлений. Ежегодно именно мелкие фирмы регистрируют до 80% всех научно-технических открытий страны. Более 63% экспорта Китая – также продукция малого бизнеса стоимостью 200 млрд. долл. США. Особенность Китая состоит в том, что китайский малый бизнес очень организован и объединен в группы. Во главе стоит наиболее доходная или известная компания. В группе существует разделение труда, одни компании занимаются производством товара, другие – поставками или производством сырья, следующие – специализируются на сбыте, доставке и продвижении товара. Каждое звено этой цепочки – малая фирма, а все вместе – крупная экономическая корпорация.

Главенствующую роль в экономическом росте имеет норма сбережения в стране и эффективность ее превращения в реальные инвестиции в национальное хозяйство. Норма сбережений в Китае необычайно высока по мировым стандартам. Семейные сбережения составляют около 30% располагаемого дохода против 21% в Японии, 18 – на Тайване, 16 – в Бельгии и 8% – в США. Годовой приток семейных сбережений в формальную финансовую систему (государственные банки и сельские кредитные кооперативы) вырос с 3,4% ВВП в 1979 г. до 15% в 1999 г. Высокая норма семейных сбережений играет важную роль в экономическом росте Китая [2].

Но среди всех факторов успеха китайской модернизации главным, на мой взгляд, является массированное привлечение иностранных инвестиций в китайскую экономику. Именно огромные иностранные инвестиции преобра-

зили экономику Китая, вывели ее на второе место в мире по ВВП, превратили Китай в «мировую фабрику». В середине первого десятилетия нового века 55% всего китайского в основном наукоемкого экспорта и 75% экспорта компьютеров и частей к ним пришлось на иностранные компании, действующие в Китае.

Инструментом для привлечения иностранных инвестиций стали многочисленные открытые (специальные) экономические зоны. Иностранным предприятиям в этих зонах были предоставлены различные инвестиционные, налоговые, таможенные, административные льготы с целью привлечения иностранного капитала и технологий, заимствования эффективных методов управления у иностранных партнеров. Ставка была сделана на экспортно-ориентированное производство, т.е. с самого начала предполагалась работа преимущественно на рынки развитых стран мира. Такое решение было естественным, так как собственный внутренний рынок был неразвит и мал в силу бедности основной массы населения. После начала экономических реформ в 1978 г. именно экспорт стал мотором экономического роста в Китае. Доля экспорта в ВВП КНР росла быстрее, чем где-либо в мире: с 5% в 1978 г. более чем до 35% в середине 2000-х [1]. Массированному наращиванию экспорта способствовали сначала протекционистская политика китайского государства, а после вступления Китая в ВТО искусственно заниженный курс китайского юаня. Быстрое развитие экономики открытых экономических зон способствовало экономическому росту в масштабе страны, постепенному расширению внутреннего рынка.

В притоке иностранных инвестиций в Китай можно выделить несколько этапов. Так, рост прямых иностранных инвестиций (на долю ПИИ приходится 69% всех иностранных инвестиций Китая) в 80-е годы XX в. был крайне мал. Причинами этого было и отсутствие опыта работы с зарубежными компаниями, и неразвитость инфраструктуры. Только с началом экономических преобразований в стране ситуация начала меняться. Этому способствовало расширение числа свободных экономических зон, давших мощный толчок развитию китайской экономики. В результате на конец 1991 г. размер накопленных ПИИ достиг 23,3 млрд. долл. На первом этапе иностранные инвестиции поступали в основном в экспортно-ориентированные отрасли китайской экономики.

Второй этап растянулся с 1992 по 1997 г. И уже в 1997 г. объем привлеченных ПИИ достиг 45 млрд. долл. Такому стремительному росту ПИИ, несомненно, способствовали либерализация доступа в ранее закрытые сектора китайской экономики и снижение курса китайской национальной валюты, осуществляемое в период с 1992 по 1994 г.

Третий этап, продолжающийся в настоящее время, начался в 1998 г. Его характеризует относительно стабильный приток ПИИ в китайскую экономику.

ку. Особенно ускорился этот процесс после вступления в 2001 г. Китая в ВТО. В 2005 г. объем ПИИ достиг рекордного для Китая показателя в 72,4 млрд. долл. в год, уступавшего по размерам лишь размерам ПИИ в экономику Великобритании и США. В общей сложности за период с 1979 по середину 2000-х годов КНР заключила соглашения о привлечении иностранных средств на сумму в 423,8 млрд. долл. США. При этом в виде кредитов получено по соглашениям 96,3 млрд. долл., а в виде прямых иностранных инвестиций, суммарным итогом на конец 1999 г. – 327,2 млрд. долл. США. К концу десятилетия прямые иностранные инвестиции достигли 100 млрд. долл. в год.

Именно иностранные инвестиции превратили Китай в великую экономическую державу. Китайскую продукцию можно разделить на две части: ту, которая произведена на собственно китайских предприятиях – это часто низкосортная продукция с низкой ценой, и ту, которая произведена предприятиями мировых производителей на китайской территории – это товар высокого качества, продающийся на экспорт по всему миру. Именно эта продукция приносит славу Китаю как мировой фабрике. (Практически все 500 крупнейших мировых компаний ведут бизнес в Китае.) Но на иностранных предприятиях используются иностранные технологии, иностранное оборудование, зарубежный менеджмент, зачастую и сырье завозится из-за рубежа. Китайское на этих предприятиях – только руки.

По-мнению самих китайцев, главные причины, обеспечившие бурный приток прямых иностранных инвестиций в страну таковы. Во-первых, китайское правительство осуществляет политику открытости внешнему миру. *Политика открытости* означает, прежде всего, реализацию внешнеэкономической деятельности на основе требований международной практики. В связи с этим была осуществлена реформа внешней торговли, отменено планирование валютных доходов и расходов, регулярно и поэтапно снижается общий уровень таможенных пошлин. Создана комплексная система юридических и экономических гарантий Центрального банка и государства для иностранных капиталовложений. Государство всячески поддерживает выход государственных предприятий, имеющих подходящие для этого условия, на международный финансовый рынок с целью прямого привлечения инвестиций. Длительное время обеспечивается стабильность политических установок и законодательных актов в сфере привлечения зарубежного капитала. Во-вторых, китайская экономика имеет огромный рыночный потенциал, себестоимость рабочей силы низка, природные ресурсы богаты. В-третьих, Китай постепенно совершенствует политику привлечения иностранных инвестиций, расширяет сферы и каналы привлечения зарубежного капитала.

Но главным фактором, привлекающим в Китай иностранный капитал, является потенциально необъятный китайский рынок. В 1992 г., еще при жизни Дэн Сяопина, Китай провозгласил политику «шичан хуан цзишу»,

буквально «технология в обмен на рынок», т.е. уступка части национального рынка транснациональным компаниям в обмен на получение от них передовой технологии при создании совместных предприятий. Но, как показало время, иностранные компании совершенно не спешили делиться с китайцами современными технологиями. В лучшем случае они давали доступ китайцам к технологиям предыдущего поколения, но никогда к самым последним разработкам. В связи с этим существует мнение, что в Китае в последние несколько десятилетий идет бурный рост без развития. Опережая по размеру ВВП многие развитые страны, технологически Китай сильно отстает и еще долго будет отставать от передовых стран Запада. Доля расходов на НИОКР в ВВП Китая всего 1% против 2,5–3% в Корее и Японии, а по числу научных работников в расчете на 1 млн. населения Китай почти в 5 раз отстает от Южной Кореи и в 8 раз от Японии [1]. В этом смысле модель модернизации в Китае сильно отличается от модернизации в Японии и Южной Корее. Политика заимствования технологий через прямые иностранные инвестиции подвергается все большей критике в самом Китае.

Китайцы сравнивают себя с Южной Кореей и Японией и с самими собой периода Мао, и здесь сравнение далеко не в пользу пореформенного Китая. Китай взорвал свою первую атомную бомбу в 1964 г., через 15 лет после СССР и через 19 лет после США. Всего на 13 лет позже СССР запустил первый спутник. Но строительство атомных станций началось в стране лишь в 1980-х, а первая атомная станция «Циньшань-1» вступила в строй только в конце 1991 г.; первый непилотируемый космический корабль был запущен в 1999 г., первый «тайконавт» поднялся в космос в 2004 г. – 34 года спустя после запуска первого спутника.

Собственные большие самолеты в Китае не производятся, хотя при Мао страна была близка к созданию своей авиационной промышленности. Дэн Сяопин прекратил все работы по китайскому самолету в начале 1980-х, когда таковой уже был создан в металле и летал в экспериментальном варианте.

Лю Яньхуа, заместитель министра науки и техники КНР, в ноябре 2005 г. выступил с развернутой критикой политики «рынок в обмен на технологию», назвав ее самообманом. Китай и Южная Корея стали закупать ядерные реакторы за границей практически одновременно, сказал он, но теперь Корея продает их за рубеж, а Китай продолжает их импортировать. Между тем с начала 1970-х страна разрабатывает свои реакторы по 300 тыс. и 600 тыс. кВт, но энергетики предпочитают покупать иностранные мощностью 900 тыс. или 1 млн. кВт, так что собственные НИОКР в этой сфере остались невостребованными.

Очень часто ТНК после покупки китайских предприятий увольняют научно-исследовательский персонал, как это сделал «Volkswagen», приобретающий «Шанхай авто» и «Чанчунь авто». По словам Лю Яньхуа, *корейское прави-*

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

тельство с самого начала придерживалось четкой политики – технология может быть куплена за границей только один раз, а государственное финансирование распределяется в пропорции 1:5 на импорт технологии и 4:5 – на приспособление к местным условиям и собственные НИОКР. В Китае такая пропорция сегодня 1:0,08.

Таким образом, политика, которую большинство в мире считает сказочно успешной, в Китае критикуется со всех сторон. И она действительно далеко не такая успешная, как кажется издали. В экономике КНР накопилось множество противоречий, которые рано или поздно дадут о себе знать.

Иностранные инвестиции в первые годы реформ начали приходить в Китай прежде всего от зарубежных китайцев, накопивших огромные капиталы в таких странах как Гонконг, Тайвань, Сингапур, Филиппины. Наличие семейных связей между китайцами, живущими на родине и за границей, облегчило приток в страну капитала. Быстрый рост специальных экономических зон (СЭЗ) в Южном Китае является результатом массового перевода туда трудоемких предприятий из Гонконга и Тайваня, терявших преимущество в этих отраслях промышленности у себя на родине. Китай находился рядом, заработная плата там была ниже, не существовало проблем с языком в отличие от альтернативных мест в Юго-Восточной Азии. Менеджеры могли следить за ходом работ на своих фабриках, расположенных в СЭЗ.

Попытки использовать такой опыт в России были. Речь идет об экономической политике и практике второй половины 80-х годов, когда КПСС сделала попытку модернизировать общественный строй, перейдя к рыночному социализму, «социализму с человеческим лицом». В основе этого движения лежало, с одной стороны, осознание обществом бесперспективности сложившейся общественной системы, с другой – желание сохранить однопартийную власть. Делалась ли такая попытка осознанно или стихийно – трудно сказать. Официальных ссылок на использование опыта Китая нигде не делалось. Но, если посмотреть на те меры, которые принимались советским руководством в этот период в экономике, то они по существу не отличаются от того, что происходило в Китае.

Так же как и в КНР, в Советском Союзе после 1985 г. государственные предприятия переводились на самофинансирование, т.е. усиливались рыночные рычаги в их деятельности. Фактически по закону о государственном предприятии они получали самостоятельность в своей производственной деятельности. Параллельно (в Китае это было названо «двухколейностью») создавался негосударственный сектор экономики, который представляли арендные предприятия, кооперативы, мелкие частные предприятия. В начале 90-х годов начали создаваться особые экономические зоны.

Верховным Советом России были приняты постановления от 14 июля 1990 г. и от 13 сентября 1990 г. «О создании зон свободного предпринима-

тельства», а также постановление Правительства о мерах по развитию свободных экономических зон. Первой такой зоной, правовой статус которой был определен парламентом России, стала находящаяся на Дальнем Востоке зона в городе Находка. Специальное постановление о ней было принято Верховным Советом РСФСР 24 октября 1990 г. Одной из главных целей создания этих ОЭЗ было привлечение в страну иностранного капитала.

Как показала история, все эти меры в России в отличие от Китая не сработали и в дальнейшем оказались утеряны. В чем причина такой неудачи в России и успеха этих же мер в Китае? Для такого результата имелось несколько причин: одни из них носят частный характер, другие – более принципиальный, общий характер.

Сначала о более *частных причинах* неудачи первого этапа модернизации в СССР. Во второй половине 80-х годов в СССР в результате принятых законов о индивидуальной трудовой деятельности, о кооперации, об аренде в экономике страны было создано два сектора, функционировавших на принципиально различных принципах. Один – государственный сектор, куда входила подавляющая масса предприятий страны. Он функционировал на основе плана, фиксированных цен, государственных нормативов и заработных плат. Другой сектор, фактически частный, функционировал на основе рыночных принципов, т.е. свободных рыночных цен, доходов собственников и работников. Это привело к перетоку финансовых средств, активов, рабочей силы из государственного сектора в частный. Утратив внутреннюю логику, экономика страны пошла вразнос. Экономические показатели начали быстро падать и наоборот, показатели доходов населения – расти. Это привело к образованию денежного навеса, который в 1992 г. лавиной обрушился на рынок, создав огромную волну инфляции более чем в 2600 раз.

Китай избежал такого развития событий, так как с самого начала государственные предприятия КНР, получая самостоятельность, переводились фактически на рыночные основы хозяйствования, включавшие рыночные цены (не полностью, но большей частью), конкуренцию, самостоятельность решений. Другими словами, здесь не нарушалась внутренняя логика экономической системы. Весь народнохозяйственный комплекс государственных и частных предприятий развивался в одном ключе, не создавая внутренних противоречий.

Не сработала в Советском Союзе в отличие от Китая и идея особых экономических зон. В КНР эти зоны на первых порах создавались как изолированные от остальной экономики страны анклавов. Ни внутренний капитал, ни китайская рабочая сила не могли свободно проникать на эти территории и получать установленные законом налоговые, таможенные и другие льготы. Эти территории были строго нацелены на приток сюда иностранного капитала, который не замедлил прийти туда.

В России же создание особых экономических зон превратилось по меткому выражению в «черные налоговые дыры», где наиболее доходные российские предприятия уходили от уплаты налогов. Такие особые экономические зоны как «Ингушетия», «Калмыкия», а также многочисленные закрытые административные территориальные образования (ЗАО) (например, специальная зона «Байконур»), фактически обладающие подобными ОЭЗ налоговыми льготами, превратились в пристанище для сокрытия налогов. В этих зонах регистрировались различные нефтяные, химические предприятия, работающие на экспорт, т.е. высокоприбыльные, которые одним своим актом регистрации в такой экономической зоне снижали налоги в несколько раз. Это стало своего рода мошеннической схемой по уходу от уплаты налогов. Бюджеты многих регионов недосчитались средств от предприятий, которые находились реально на их территориях, но были официально зарегистрированы в ОЭЗ, пользуясь всеми льготами, предоставленными для этой зоны. Логично, что такие зоны государство не могло долго терпеть. За небольшим исключением все они были закрыты.

Но использовать опыт Китая не удалось не столько по указанным частным обстоятельствам, сколько по более *общим причинам* невозможности его применения в России. По мнению китайского экономиста Хуан Дингуя, простой перенос реформ китайского типа в Россию или страны Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза невозможен и нежелателен. Различия в исходных условиях и экономической структуре настолько глубоки, что эти государства вынуждены осуществлять *фундаментально иные реформы*. Приверженцы введения китайского градуализма в России могли бы с таким же успехом посоветовать ей решать сельскохозяйственные проблемы путем перехода с пшеницы на рис [2].

Исходные позиции России и Китая накануне реформ были слишком различны, что не давало никаких шансов для переноса китайского опыта на российскую почву. Накануне реформ Китай представлял собой одну из самых бедных стран мира, 80% населения которой проживали в деревне и были заняты сельским хозяйством. Большая часть населения была неграмотна и забита. Страна была закрыта от внешнего мира. Отсутствовала какая-либо демократия, господствовал тоталитарный режим, единомыслие. Промышленность находилась в зачаточном состоянии, ВВП на душу населения не превышал 250 долл. на человека в год. Реформы начались в главной сфере экономики Китая – в сельском хозяйстве.

Советский Союз, наоборот, в 80-е годы прошлого века представлял собой вторую в мире по экономической мощи державу, со средним уровнем жизни населения, 80% которого жили в городе и были поголовно грамотными. Существовала широкая система социальных гарантий. Хотя в стране существовала однопартийная система, но единомыслия среди населения давно уже не

существовало. Страна к этому времени была уже несколько открыта для Запада, у населения сформировалась устойчивая потребность в демократизации общественной жизни. Целью реформ на первом советском этапе было ускорение экономического развития страны, повышение эффективности народного хозяйства; на втором, российском, – переход к рыночной экономике со всеми ее атрибутами.

Таким образом, на рубеже своих последних реформ Россия и Китай представляли совершенно различные страны по уровню социально-экономического и политического развития. У них были разные исходные позиции перед реформами, принципиально отличные преследуемые цели. Именно поэтому оказалось невозможным использовать опыт Китая в российских реформах, и развивались эти реформы по непохожим сценариям.

Более того, перед странами стояли принципиально разные задачи. Китай решал и решает задачу перехода от аграрного общества к индустриальному, Советский Союз решил эту задачу еще в 30-е годы XX в. Промышленность в СССР являлась главным сектором народного хозяйства, где создавалась подавляющая часть ВВП страны. *То есть модернизация в Китае – это по существу переход от аграрного общества к индустриальному. Модернизация в России – это попытка усовершенствования сложившегося индустриального общества, освобождения от накопившихся в его недрах противоречий и диспропорций, повышения эффективности промышленного производства, перевод его на инновационные рельсы.*

Особенности модернизационных процессов в Китае и России китайский экономист Хуан Дингуй охарактеризовал следующим образом: «Различия в результатах, достигнутых в Китае, Польше и России после осуществления программ преобразований, объясняются скорее разницей в экономической стратегии. В Китае проблема реформ представлена в основном классической проблемой развития, связанной с обеспечением перемещения низкопроизводительной избыточной сельскохозяйственной рабочей силы в промышленность и сферу услуг. В России же проблемы реализации реформы сопряжены с более тяжелой и конфликтной задачей создания побудительных мотивов для перехода рабочей силы из неконкурентоспособных предприятий, живущих за счет значительных дотаций, на новые, эффективно работающие».

Китай конца 70-х годов по своему общественному состоянию в значительной мере был похож на Россию 1920-х годов периода НЭПа. Та Россия была отсталой, бедной, аграрной страной, где 80% населения – неграмотные крестьяне. В Китае, как и в СССР того периода, реформы в экономике начались с сельского хозяйства, с экономического освобождения крестьян от политики продразверстки, т.е. политики, когда у крестьян от выращенного урожая оставлялся лишь минимум для собственных нужд, а все остальное забиралось государством. И только эта мера позволила вечно голодающему

Китаю (как в свое время и СССР) уже через пять лет обеспечить себя рисом, а в дальнейшем превратиться в главного поставщика на мировой рынок этого продукта.

В Китае, как и в СССР 1920-х годов, в решении проблем модернизации промышленности ставка была сделана на иностранные инвестиции, иностранные технологии, иностранных специалистов. Именно такой подход позволил Китаю за четверть века превратиться в мощную индустриальную державу.

Главное различие Китая периода реформ и СССР периода НЭПа – в том, что он не прервал при первых же трудностях политики на расширение и углубление рыночных отношений, учел исторический опыт НЭПа, который показал, что отказ от рынка ведет в будущем страну в тупик.

В СССР конца 1920-х годов идеология возобладала над экономикой. Если бы политика НЭПа не была бы свернута (сделаем такое гипотетическое предположение) и принесена в жертву коммунистической идеологии, то вполне возможно, что Советский Союз смог бы осуществить индустриализацию не на плановых, а на рыночных условиях.

Индустриализация, которую провел Советский Союз в 1930-е годы на основе пятилеток, позволила создать, в общем и целом, неконкурентоспособную, неэффективную, но масштабную промышленную экономику. Такая экономика могла существовать только в условиях закрытости страны, жесткого протекционизма, государственной монополии внешней торговли. Как только все эти составляющие плановой системы ослабли, эта экономика начала рушиться сама, естественным путем под ударами более эффективных рыночных экономик Запада.

Позже шанс пойти по пути НЭПа (по пути, пройденном позже Китаем) у СССР был в 1960-е годы, во время так называемой «косыгинской реформы». Тогда осуществить переход к рынку страна могла намного проще, с меньшими потерями, чем в 90-е годы. Но и этот шанс страной был потерян, принесен в угоду идеологии.

Кроме того, период социализма в Китае был по сравнению с СССР не столь продолжительным, в силу этого в народном хозяйстве не были накоплены значительные диспропорции. Центральное планирование в Китае всегда было менее глубоким, чем в СССР, где им было охвачено 25 млн. наименований товаров, в то время как в Китае – только около 1200. Поэтому преодоление этих диспропорций не привело к кризису.

Как уже подчеркивалось, в Китае накануне реформ более 80% населения были заняты в сельском хозяйстве, оно еще не было разрушено социалистическими экспериментами, поэтому освобождение крестьян от административных пут сразу дало положительный эффект. Развитие городской экономики на первых порах шло по линии создания новых негосударственных предприятий, при сохранении государственного сектора. В России за годы

социализма была создана мощная тяжелая промышленность, которая в значительной мере была избыточной в условиях рынка. Кроме того, техническое состояние промышленности было плачевным. Это спровоцировало значительное падение промышленного производства.

Немалая часть российских экономистов считает, что значительные результаты китайской модернизации в сравнении со скромными результатами российской связаны с более заметной ролью китайского государства в экономике. Что именно излишне либеральный характер российских реформ обусловил кризисное развитие модернизации в России на ее первом этапе. Но, по мнению китайского экономиста Хуана Дингуя, степень государственного вмешательства в экономику в России несопоставимо более высокая, чем в Китае. По его мнению, либеральных реформ как таковых в России не было. В конце 80-х – первой половине 90-х годов в России в отличие от Китая неоднократно происходило не сокращение, а увеличение государственной нагрузки на экономику, прежде всего по линии расширения государственных расходов, усиления внешнеторгового протекционизма, детализации бюрократического регулирования.

Один из ключевых макроэкономических факторов, влияющих на успех реформ – бремя социальных расходов. В Китае социальные расходы центрального правительства распространялись и распространяются на небольшую часть населения – менее 20%, в то время как в странах ЦВЕ и бывшего Советского Союза – на все население, поэтому спрос на государственные социальные гарантии превосходит фактические возможности государства. То есть успех китайских реформ – в том числе в их более либеральном характере, значительно меньшем участии государства в экономике по сравнению с Россией. По мнению китайского экономиста, степень их либеральности и радикальности, по всей видимости, не имеет аналогов в мировой истории. Результатом воплощения на практике либеральной экономической модели стало беспрецедентное сокращение масштабов государственной нагрузки по всем направлениям, обеспечившее экономике КНР рекордные темпы роста.

Литература

1. Попов В. Победный оскал дракона // Эксперт. – М., 2009. – 28 декабря.
2. Хуан Дингуй. Китай: Подходы и особенности экономических преобразований // Проблемы теории и практики управления. – М., 2000. – № 6.
3. Чжоу Синьчэн. Экономическая реформа в Китае: Достижения и задачи // Проблемы теории и практики управления. – М., 1997. – № 2.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В.Л. Иноземцев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: В ЧЕМ ОНИ СОСТОЯТ И КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ?

Иноземцев Владислав Леонидович – доктор экономических наук,
директор Центра исследований постиндустриального общества.

Современная Россия – это состоявшееся суверенное государство, которое, однако, за последние 20 лет не выстроило сбалансированную стратегию отношений с новыми независимыми государствами, ранее входившими в состав СССР, и не вполне определилось в отношении своих национальных интересов на постсоветском пространстве. За годы, прошедшие со времени распада Советского Союза, российское руководство неоднократно меняло свое отношение к странам СНГ и по-разному определяло свои главные задачи в отношениях с ними.

В период становления новой российской государственности (с провозглашения суверенитета до начала второй половины 1990-х годов) основной акцент во внешней политике делался на отношения со странами Запада, а СНГ считалось формой «цивилизованного развода» постсоветских государств. В эти годы главными задачами России выступали обеспечение безопасности в регионе (прекращение гражданской войны в Таджикистане, попытки миротворчества в Абхазии, Приднестровье и вокруг Нагорного Карабаха), экономическая поддержка новых независимых государств и (в меньшей мере) поддержание своей транзитной роли в области поставки энергоресурсов. Политически российское руководство ценило скорее формальные подтверждения лояльности со стороны соседей, чем реальные выгоды от сотрудничества с ними. Относительно дружеские отношения с Украиной до 2005 г. основывались на поставках Киеву дешевых российских энергоносителей и готовности Москвы допускать транзит газа из Туркменистана; формальное создание Союзного государства с Белоруссией было оплачено гигантскими скидками на нефть и газ, общая сумма которых оценивается за

1996–2005 гг. в 20–40 млрд. долл. При этом Россия не получала существенных выгод от такой политики – как потому, что лидеры постсоветских государств не шли в отношениях с ней на сопоставимые уступки, так и потому, что экономическая роль СНГ в политике России устойчиво снижалась (если в 1992 г. на эти страны приходился 31% российского внешнеторгового оборота, то к 2000 г. их доля сократилась до 18%)¹. Это формировало определенные основы для проявившихся позже противоречий, но для изменения курса России в отношении постсоветских стран требовался пересмотр российской внешней политики в целом.

Он начался в 1998 г., когда Е. Примаков начал выстраивать более жесткую линию отношений с Западом, и оформился в 2000-е, когда В. Путин стал болезненно реагировать на активизацию западного экспансионизма через расширение НАТО и ЕС. С этого момента Россия стала более четко связывать экономическое сотрудничество со странами СНГ с их политической лояльностью (в этом отношении наилучшим примером является серия поспешных уступок в отношении Украины после «победы» В. Януковича на выборах 2004 г., а затем ужесточение политики после прихода к власти В. Ющенко) и упорчивать военно-политическую составляющую своего сотрудничества с ними. К этому же периоду относится начало многостороннего сотрудничества на постсоветском пространстве в рамках более широких структур – и прежде всего созданной в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества, равно как и появление новых интеграционных структур, созданных без участия России – таких, как ГУУАМ. На протяжении этого времени Россия проводила относительно жесткий курс, направленный на ограничение сотрудничества со странами, ориентированными на Европу и Соединенные Штаты (вспомним торговые блокады Молдовы и Грузии, ужесточение курса в отношении Украины) или предпринимавшими попытки подорвать ее доминирование в энергетической сфере (охлаждение отношений с Азербайджаном и Туркменистаном), и на развитие политического взаимодействия с режимами-изгоями (поддержка правительства Узбекистана после событий 2005 г. в Андижане и сближение с Белоруссией). Однако в очередной раз эта политика не была конвертирована в серьезные экономические и политические достижения и не предполагала существенного прироста интеграционной составляющей в отношениях России со странами СНГ.

Заметные перемены начались в 2008 г., когда вооруженный конфликт между Грузией и Россией показал двусмысленность российского позиционирования в СНГ. Ни одна страна Содружества, включая Белоруссию, не признала новые «государства» на грузинской территории. В Кремле, судя по

1. Рассчитано по данным Госкомстата (см.: www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d6/25-02.htm, сайт посещен 23 марта 2012 г.).

всему, осознали, что реальное усиление влияния возможно лишь при жестком экономическом курсе и создании предпосылок для политической интеграции. Этот курс несет в себе существенное противоречие: с одной стороны, экономический прессинг предполагает отношение к соседям как к полностью независимым странам; с другой – политические интересы России говорят о взгляде на них как на «естественную» зону влияния. Некое разрешение его заключается в новой парадигме, к которой Кремль подталкивает правительства сопредельных государств: хотите экономических преференций – будьте готовы к политическим уступкам. Этот курс сейчас кристаллизуется на наших глазах: в октябре 2011 г. руководители России, Казахстана и Белоруссии выступили со статьями о важности Евразийского союза, с середины 2011 г. заработал Таможенный союз этих трех стран; на 2015 г. запланировано создание Евразийского экономического союза. Видные российские официальные лица недвусмысленно дают понять, что они хотели бы видеть в этих интеграционных объединениях также и Украину. При этом не делается секрета, что основой подобного объединения является воссоздание прежних политических и социальных структур. В. Путин заявил, что «Советский Союз был той же Россией, которая только называлась по-другому»², что косвенно предполагает его отношение к распаду СССР как к расчленению России; патриарх Кирилл начинает рассуждать о постсоветской интеграции как о процессе, ведущем к оформлению «русского мира»³; видные деятели партии «Единая Россия» говорят о будущей конфедерации и предостерегают, что «если постсоветские государства не найдут свою форму объединения, они будут включены в иные, возможно, не столь толерантные и нравственные объединения, какими некогда были Российская империя и, в дальнейшем, Советский Союз»⁴. Таким образом, можно констатировать, что курс нынешней российской власти направлен на консолидацию под эгидой России той части постсоветского пространства, которая пока не инкорпорирована в иные интеграционные объединения. Речь идет о последовательном восстановлении российской зоны влияния.

2. Цит. по: <http://www.itv.ru/news/polit/189002> (сайт посещен 23 октября 2011 г.), мысль повторена в встрече В. Путина с представителями российского экспертного сообщества в Ново-Огарево 6 февраля 2012 г.

3. Подробный анализ этой концепции см., например: Ищенко, Ростислав. «Постсоветская интеграция несет спасение Украине» в: *Русский мир* (Киев), 2011, № 46 (105), с. 4–5.

4. Из выступлений заместителя секретаря президиума Генерального Совета «Единой России» Ю. Шувалова и главы комитета Госдумы по конституционному законодательству и госстроительству В. Плигина на конференции «Исторический опыт и новые возможности» в Москве 17.03.2012 г. (цит. по: www.newsru.com/russia/17mar2012/er20.html, сайт посещен 20 марта 2012 г.).

Российское руководство предполагает, что укрепление позиций в «ближнем зарубежье» и переориентация стран СНГ на Российскую Федерацию и является реализацией национальных интересов России на постсоветском пространстве. Следует, однако, отметить, что вплоть до сегодняшнего дня еще не предложено четкой формулировки этих национальных интересов. В 2000 г. в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации была включена обтекаемая формула, согласно которой «национальные интересы России в международной сфере заключаются в обеспечении суверенитета, упрочении позиций России как великой державы – одного из влиятельных центров многополярного мира, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интеграционными объединениями, прежде всего с государствами – участниками Содружества Независимых Государств и традиционными партнерами России и недопустимости применения при этом двойных стандартов»⁵, что косвенно указывает на приоритетные отношения России и постсоветских стран. В Стратегии национальной безопасности 2009 г. формулировка становится более расплывчатой. («Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются: в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики; в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации; в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира»⁶.) В другом важном документе – Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. – понятие «национальные интересы» используется около 10 раз, но ни разу не расшифровывается, а «развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ» обозначено как «приоритетное направление внешней политики России». При этом в той же Концепции подчеркивается, что Содружество Независимых Государств не воспринимается Россией как нечто единое: отношения с его членами строятся «с учетом достигнутого уровня сотрудничества», стратегические партнерство и сотрудничество развиваются лишь «с государствами, которые проявляют к этому готовность», а «отношение России к субрегиональным образованиям и иным структурам без российского участия на пространстве СНГ определяется исходя из их готовности на деле учитывать

5. Цит. по: «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» (цит. по: www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sncon00.htm, сайт посещен 1 марта 2012 г.).

6. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. (цит. по: www.scrf.gov.ru/documents/99.html, посещен 24 марта 2012 г.).

законные российские интересы»⁷. Все это подтверждает выводы, к которым мы пришли ранее: для России постсоветское пространство – это жизненно важный регион, традиционно считающийся приоритетным, но в то же время территория, где ее влияние, хотя и является доминирующим, выглядит уже не бесспорным. Соответственно, национальным интересом России, как его понимает современная российская элита, является максимальное укрепление позиций Российской Федерации на постсоветском пространстве и консолидация этого пространства как зависимого от «региональной сверхдержавы». При этом можно отметить, что в России понимают ограниченный экономический эффект такой политики: в только что обновленной экономической «Стратегии 2020» экономической интеграции в СНГ отведена последняя глава, а предшествует ей описание торгово-экономических связей России с другими странами⁸. Во Внешнеэкономической стратегии России до 2020 г. государствам СНГ формально уделено приоритетное место, но никаких четких планов экономического сотрудничества с ними детально не прописано⁹. Это подтверждает, что *в представлении нынешней российской элиты национальные интересы России на постсоветском пространстве состоят в политической реинтеграции разрозненной сегодня территории для последующего превращения ее (и, соответственно, доминирующей на ней России) в один из главных центров формирующегося в XXI в. многополярного мира.*

Насколько заинтересована Россия в такой интеграции – особый вопрос, который нуждается в осмыслении. На мой взгляд, интеграция, чтобы быть оправданной, должна приводить, во-первых, к позитивному экономическому эффекту и хозяйственной синергии; во-вторых, к повышению безопасности на всей интегрируемой территории; в-третьих, к развитию гражданских свобод и перенятию прогрессивного опыта как успешных в глобальном масштабе стран-лидеров, так и своих соседей. Национальным интересам России безусловно отвечает сплочение вокруг нее дружественных государств, но вряд ли – ускоренная экспансия с целью жесткой консолидации постсоветского пространства. Звучная идея Владимира Путина о том, что Советский Союз – это несколько иначе называемая Россия, исторически ошибочна. Сегодня Российская Федерация существует в границах, близких к ее границам сере-

7. «Концепция внешней политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 июля 2008 г. (цит. по: www.kremlin.ru/acts/785, посещен 24 марта 2012 г.).

8. См.: «Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года» (см.: www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020, посещен 24 марта 2012 г.).

9. См.: *Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика*, Москва: Министерство экономического развития РФ, 2012, с. 835–849.

дины XVII в. – периоду, предшествовавшему объединению с Украиной и завоеваниям Петра I. Учитывая, что эти рубежи практически совпадают с территорией, которая осталась за Россией после распада Российской империи в 1917–1918 гг., логично предположить, что именно такой и является историческая Россия, в то время как и Российская империя второй половины XIX в., и Советский Союз были относительно искусственными политическими конструкциями в конечном счете обреченными на распад. Оценивая очередную волну интеграции, следует учитывать эти обстоятельства и отдавать себе отчет в том, что политическое объединение постсоветских республик, если оно начнет угрожать национальному суверенитету этих стран, вряд ли может быть устойчивым и стремление к нему не отвечает интересам стабильного и предсказуемого развития самой России.

Попытаемся оценить перспективы постсоветской интеграции по трем аспектам.

Первым выступает экономическая проблематика. С нее начинается обсуждение всех интеграционных проектов на постсоветском пространстве, и это вполне логично. В своих статьях, посвященных планам создания Евразийского союза, В. Путин, Н. Назарбаев и А. Лукашенко каждый по-своему, но говорят о создании единой экономики с суммарным ВВП в 2,0 трлн. долл.; рынка со 165 млн. потребителей; мощной современной промышленности, производящей товаров более чем на 600 млрд. долл. в год¹⁰. При этом большинство экспертов пишут о некоем «синергетическом эффекте», который позволит ускорить технологический прогресс в этой единой зоне, активнее внедрять инновации, заметно повысить конкурентоспособность местных производителей. Мне кажется, что между размерами экономики и ее успешностью давно уже не существует прямой связи. В современном мире размер экономики не определяет ее успешности. Маленькие Голландия или Южная Корея, не имеющие собственных природных ресурсов, обеспечивают гораздо больший объем экспорта, чем Россия. Относительно малонаселенные страны занимают первые строки в мировой таблице о рангах по показателям подушевого ВВП и успехах в создании высокотехнологичной экономики. При этом совершенно ясно, что интеграция трех постсоветских стран не может дать никакой экономической синергии – по крайней мере для главных игроков. И Россия, и Казахстан на десятилетия отстали в технологической сфере, они экспортируют в основном природные ресурсы и покупают готовые промышленные изделия у остального мира. Доля нефти, газа и нефтепродуктов в российском экспорте в 2011 г. достигла 62,3%, в казахстанском – 78,4%. Каким

10. См.: Назарбаев, Нурсултан. «Евразийский союз: От идеи к истории будущего» // Известия, 2011, 26 октября (см.: <http://www.izvestia.ru/news/504908>, сайт посещен 11 марта 2012 г.).

образом объединение этих сырьевых стран подтолкнет технологический прогресс, совершенно неясно.

Относительная бесполезность экономик СНГ друг для друга подчеркивается, в частности, устойчивым сокращением доли торговли между ними в торговом балансе всех этих стран: если в 1993 г. на долю торговли друг с другом приходилось 53% внешнеторгового оборота стран Содружества, то к 2000 г. эта цифра упала до 19% и с тех пор не меняется вот уже целое десятилетие¹¹. Для сравнения можно привести данные о взаимной торговле стран, входящих в Европейский союз, которая в 1957 г. составляла 46% и достигла 65% в начале XXI в. Российские политики в последнее время говорят о том, что Таможенный союз, созданный 1 июля 2011 г., обеспечивает сверхвысокие темпы роста торгового оборота между его участниками: по итогам 2011 г. товарооборот между Россией и Казахстаном вырос на 30,6%, между Россией и Белоруссией – на 37,7%, а между Белоруссией и Казахстаном – на 29,7%¹². Это действительно так, но не следует забывать, что в целом оборот внешней торговли России в прошлом году вырос на 31,2%, а масштабы торговли внутри стран СНГ – более чем на 36,2%¹³. С учетом этого обстоятельства успехи не слишком впечатляют.

Часто отмечается, что развитие торговли способно существенно ускорить темпы роста ВВП стран – участниц Таможенного союза, что, на мой взгляд, также неправильно – по крайней мере, в отношении Российской Федерации. Экспорт из России в Казахстан и Белоруссию составил в 2011 г. 58,3 млрд. долл., или менее 1,4% российского ВВП, при этом более 60% его представлено сырьевыми товарами¹⁴ и без того имеющими хороший сбыт. Если Таможенный союз и экономическая интеграция в целом и приведут к экономическому росту, то прежде всего в Белоруссии, где низки производственные издержки, а ориентированная на потребительский рынок промышленность

11. Данные Статистического комитета СНГ (см.: www.cisstat.com/, сайт посещен 17 марта 2012 г.).

12. Данные Таможенной службы России (см.: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=15604:-----2011--&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976, сайт посещен 22 марта 2012 г.) и Статистического комитета Республики Беларусь (см.: www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/fradel1.php, сайт посещен 25 марта 2012 г.).

13. Данные Таможенной службы России: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=15604:-----2011--&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976, сайт посещен 22 марта 2012 г. и Статистического комитета СНГ (см.: www.cisstat.com/, сайт посещен 17 марта 2012 г.).

14. Рассчитано по: www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=15604:-----2011--&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976, сайт посещен 22 марта 2012 г.

является самой конкурентоспособной на постсоветском пространстве. Это подтверждается и статистикой: экспорт из Белоруссии в Россию в 2011 г. вырос на 39%, а согласно прогнозам экспертов, процитированным президентом Казахстана Н. Назарбаевым, прирост ВВП стран – участниц Таможенного союза за счет наращивания торговли между ними составит не менее 15% к 2015 г.¹⁵ Поэтому ожидания экономических выгод для России, на мой взгляд, существенно преждевременны – и это вполне понятно: в случае интеграции крупные экономики «центра» разделяют трудности роста с мелкими странами «периферии», которые получают от объединения гораздо больше, чем его инициаторы.

Кроме того, в СНГ существует еще одна проблема, которая всегда сопутствует интеграционным процессам – я имею в виду миграцию из бывших советских республик в Россию. Интеграция в рамках СНГ неизбежно приведет к образованию единого рынка рабочей силы – и экономическим аспектом этого процесса станет дальнейшее снижение в России спроса на новые технологии под влиянием дешевизны рабочей силы. И сегодня не слишком значимое давление в сторону инноваций окончательно исчезнет, что, на мой взгляд, крайне опасно. Таким образом, экономическая интеграция со странами СНГ не отвечает российским национальным интересам: никакой синергии от такого союза не предвидится; развитие торговли скорее будет способствовать развитию соседних республик, чем России; и, наконец, неконтролируемое движение рабочей силы сделает более выгодным прием на работу низкоквалифицированных граждан сопредельных государств, чем трату денег на технологические новации. Интеграция со странами постсоветского пространства означает для России лишь поддержание status-quo.

Второй аспект интеграции – политический, связанный с проблемами геополитики и безопасности. Сегодня в России принято считать, что расширение влияния Москвы на территории бывшего СССР способно породить новую великую державу, одного из главных глобальных игроков. Эта перспектива кажется мне иллюзорной хотя бы потому, что совокупная экономика в 2 трлн. долл. может стать основой для мощного регионального игрока, например в Латинской Америке, где у нее, как в сегодня у Бразилии, нет локальных конкурентов, но не в Евразии, где расположены ЕС и Китай, ВВП которых составляет 16 трлн. долл. и 8 трлн. долл. соответственно. Борьба с Китаем за Среднюю Азию потребует от России огромного экономического напряжения, так как уже сейчас китайские инвесторы вкладывают в регион в среднем в 7 раз больше средств, чем российские. Попытка установить

15. См.: www.belstat.gov.by/homep/ru/indicators/trade1.php, сайт посещен 25 марта 2012 г.; оценки Н. Назарбаева цит. по: www.annnews.ru/news/detail.php?ID=202112, сайт посещен 21 марта 2012 г.

контроль за энергетическими ресурсами всего постсоветского пространства могла бы поспособствовать укреплению позиций России как глобальной энергетической сверхдержавы, но сейчас становится все яснее, что России придется бороться за рынки и для собственного сырья, а в такой ситуации обеспечивать контроль над дополнительными ресурсами было бы бессмысленно. Кроме того, политика европейцев в последнее время указывает на то, что чем сильнее Россия будет монополизировать энергетический рынок в СНГ, тем активнее в Европе будут искать новых поставщиков сырья и / или разрабатывать альтернативные источники энергии. Поэтому перспектива обрести доминирующий статус на основе интеграции с постсоветскими республиками выглядит неочевидной.

Еще менее ясной кажется польза от усиления российского военно-политического присутствия в Центральной Азии или в Закавказье. Эти регионы – зоны потенциальной нестабильности и конфликтов, и России по необходимости придется стать в них активным игроком, что сложно и дорого. Открытие границ, неизбежное в условиях интеграции, может к тому же быть и очень опасным. Если относиться всерьез к словам В. Путина о том, что в случае создания Евразийского союза «не потребуются техническое обустройство 7 тыс. км российско-казахстанской границы»¹⁶, то возникает вопрос: не ужели интересам России соответствует открытие границ и развертывание комплекса мероприятий по контролю над таджикско-афганской границей, «прикрыть» которую будет куда сложнее? Уже сейчас Россия является главным рынком сбыта афганского героина, и нет сомнений в том, что чем более «интегрированной» окажется с Россией Средняя Азия, тем больше наркотиков будет поступать на российский рынок. Примеры потенциальных проблем можно продолжать, но общая картина от этого не изменится: в случае успешной интеграции со странами СНГ Россия не получит зримых геополитических преимуществ, станет в еще большей степени полагаться на эксплуатацию собственных и соседских природных ресурсов, вынуждена будет тратить значительные средства на военное сотрудничество с союзниками и во многом станет уязвимее перед потоком наркотиков и инфильтрацией исламских экстремистов. Причина геополитической слабости России – не в недостатке территории, а в устаревании военных технологий, недостаточности техники и личного состава, в тотальной коррупции в армии и органах безопасности. Сегодня российские военные группировки на границах с Китаем уступают китайским более чем в 10 раз по всем видам оснащения, и никакое объединение

16. См.: Путин, Владимир. «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» в: *Известия*, 2011, 4 октября (см.: <http://www.izvestia.ru/news/502761>, сайт посещен 23 марта 2012 г.).

с постсоветскими государствами не изменит этого баланса сил. Национальные интересы России не будут в этом случае защищены более надежно.

Третьим и, на мой взгляд, важнейшим обстоятельством является социальное и внутриполитическое «качество» интеграции. Национальным интересам России отвечают экономическая модернизация, политическая демократизация и установление власти закона, максимальная мобилизация интеллектуального и человеческого потенциала. Иначе говоря, национальные интересы страны обеспечиваются расширением свободы ее граждан. В этом случае России следует обращать наибольшее внимание на опыт тех постсоветских государств, которые дальше других продвинулись в этом направлении, а это прежде всего страны Балтии, Грузия, Украина и отчасти Молдова. В проекте Евразийского союза, напротив, акцент делается на государствах, менее всего склонных развиваться по демократическому пути. По сути, и геополитически и ментально Россия вследствие такой интеграции становится все более азиатской, а не европейской страной. Последнее совершенно не соответствует ее национальным интересам, так как замедляет ее развитие, способствует оттоку капитала, продолжению эмиграции квалифицированных кадров. Интегрируясь с авторитарными постсоветскими государствами, Россия тем самым становится менее демократической, менее европейской страной. В. Путин, на мой взгляд, не случайно написал статью о Евразийском союзе сразу же после того, как было объявлено о его возвращении на пост президента России: вознамерившись управлять Россией не менее 19 лет, он ориентируется на близких ему по духу и «стажу» коллег – Н. Назарбаева, правящего Казахстаном 23 года, Э. Рахмона, находящегося во главе Таджикистана 20 лет и А. Лукашенко, царствующего в Минске уже 18. Нужно ли России копировать эти режимы? Категорически нет. Вместо того чтобы инкорпорировать в свои законы и нормы прогрессивные европейские установления, Россия готовится стать еще более авторитарной. Этого можно было отчасти избежать, если бы Евразийский союз предполагал интеграцию Украины – главного на сегодняшний день связующего звена между Россией и Европой, но сейчас такая перспектива – иллюзорна. Пока интеграция выглядит союзом авторитарных режимов, не стремящихся изменяться.

В такой ситуации главной задачей становится переосмысление как российской повестки дня на пространстве СНГ, так и методов достижения желаемых целей. На мой взгляд, в основе российских национальных интересов лежат обеспечение безопасности страны и ее граждан и стабильное экономическое развитие, причем и то, и другое здесь следует трактовать в самом широком смысле.

Безопасность включает в себя готовность отразить военную угрозу со стороны других стран; успешное противостояние террористическим и экстремистским вызовам; борьбу с импортом наркотиков и оружия; обеспе-

чение соблюдения прав и свобод граждан на территории страны. Сегодня Россия не способна обеспечить свою военную безопасность в одиночку. Масштабы ее ресурсов вкупе с ограниченностью населения и устареванием оборонного потенциала требуют вхождения в мощный военный союз – предпочтительнее всего, в военный союз демократических стран с предсказуемой внешней политикой. Противостояние терроризму и исламскому экстремизму предполагает скорее обособление от очагов нестабильности, чем интеграцию с ними. Угрозы, исходящие от распространения наркомании, которая приняла масштаб национального бедствия, требуют усиления контроля на южных границах и модернизации силовых структур с учетом опыта развитых стран. И, наконец, безопасность собственных граждан все более очевидно требует прозрачности правоохранительной системы, усиления роли независимых судов, перехода к стабильным демократическим порядкам. К сожалению, интеграция с постсоветскими государствами Центральной Азии и Белоруссией, как она видится сейчас из Москвы, не служит решению ни одной из поставленных задач.

Развитие предполагает постепенный отход от сырьевой модели экономики и совершенствование индустриального потенциала страны; формирование современного типа работников; стремительное наращивание инфраструктуры; развитие научных исследований и внедрение инновационных технологий, как российских, так и зарубежных; становление России как экспортера индустриальных товаров и высококачественных услуг. Сегодня консолидация на постсоветском пространстве – это *de facto* консолидация сырьевых отсталых экономик, ни одна из которых не стала конкурентоспособной в индустриальном секторе. Открытие границ со странами СНГ предполагает также закрепление отсталой структуры рабочей силы, так как ее использование будет экономически выгоднее любых инноваций. Реальные подвижки в направлении создания современных высоких технологий и их использования возможны исключительно в сотрудничестве с передовыми государствами, в число которых постсоветские страны не входят. Объединение в рамках постсоветского пространства способно скорее затушевать важность развития, чем ему поспособствовать.

Премьер-министр России Д. Медведев совершенно справедливо указывал, что российская внешняя политика должна быть подчинена задачам модернизации страны. В случае ускорения процессов постсоветской интеграции появления новых условий для такой модернизации никоим образом не просматривается.

Кроме того, национальным интересам России отвечает повышение авторитета страны среди ее соседей, наращивание «мягкой силы». Сегодня стоит признать, что программа интеграции не вызывает роста доверия к России на постсоветском пространстве. Формы и методы управления, сформировав-

шиеся в Москве при президенте В. Путине предполагают скорее командный, чем партнерский тон. Давление Москвы ощущают на себе даже самые близкие ее союзники – такие, например, как Южная Осетия, которой не дали провести демократические выборы, и те страны, дружбы которых Россия должна особенно активно добиваться – прежде всего Украина. Российские руководители более всего ценят статус-кво, и не намерены общаться ни с какими общественными силами в постсоветских странах, кроме ныне правящей официальной элиты. Учитывая, что сроки правления политиков-патриархов в этих государствах неминуемо подходят к концу, Москве может оказаться достаточно сложно выстраивать интеграционный процесс в будущем – и даже сейчас далеко не все готовы, чтобы с ними общались по советской традиции как с младшими братьями.

Национальные интересы России требуют, чтобы она была страной, способной вести вперед, а не назад. Сегодня в российском обществе идея интеграции в значительной степени «продается» именно потому, что навевает воспоминания о Советском Союзе – мощной глобальной державе. Однако воспоминания о советских временах в метрополии и воспоминания о них на окраинах империи – это разные воспоминания. С одной стороны, национальные республики в советский период получали значительную экономическую помощь; их жителям предлагалась вполне современная социальная модель, предполагавшая высокие стандарты образования и здравоохранения, а также социальную мобильность. Но, с другой стороны, им помнятся и диктат союзного центра, и попытка насаждения атеистической культуры, и подавление «национализма», и ущерб, нанесенный местным обычаям. Сегодня жители новых независимых государств не против того, чтобы жить богаче и свободнее, но они не слишком верят в то, что Россия сможет им это дать. Чтобы заставить их в это поверить, Россия сама должна меняться. Политики в Москве, полагающие что Россия сегодня обладает существенной притягательностью, во многом правы – но они должны осознать, что эта притягательность обусловлена тем, что Россия сегодня выглядит более европейской страной, чем азиатские постсоветские государства, а главным преимуществом советской системы было то, что она оставалась ближе к Европе, чем к Азии. *Чтобы стать более привлекательной для стран СНГ, Россия должна стать еще более европейской, более свободной, более открытой и более демократичной.* Собственно говоря, это нужно ей и для себя – иначе перспективы ее прогресса останутся весьма туманными.

Оценка политической, экономической и социальной ситуации на постсоветском пространстве свидетельствует о том, что, затрачивая существенные ресурсы на продвижение здесь интеграционной парадигмы, Россия не сможет извлечь для себя существенных выгод. В гораздо большей степени национальным интересам России соответствует укрепление отношений с Европей-

ским союзом и НАТО; встраивание в кооперационные цепочки с европейскими компаниями; привлечение европейских инвестиций, технологий и специалистов; ограничение притока неквалифицированных рабочих и прекращение оттока собственных специалистов; гармонизация правовых систем России и ЕС и продвижение по пути демократических преобразований. Иначе говоря, подлинное развитие и модернизация возможны в условиях активного и эффективного сотрудничества с Западом, а не с Востоком. Сложно сказать, не было ли то ошибкой, но президент В. Путин в своей уже упоминавшейся статье писал, что создание Евразийского союза, «помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу»¹⁷. Конечно, надежды на «быструю интеграцию в Европу» для Киргизии и Таджикистана не могут рассматриваться как родившиеся во вполне здоровом мозгу – но именно проевропейский вектор российской внешней политики несомненно мог бы стать источником веры в успешность постсоветского интеграционного проекта за пределами самой России. Государства, обретшие независимость после распада СССР, не готовы сегодня уступать ее бывшему союзнику. В то же время, как мы видели на примере стран Балтии, Грузии и Украины, они были бы очень даже за то, чтобы присоединиться к чему-то большему, если преимущества такого присоединения выглядят ощутимыми, а правила игры в интеграционном объединении – ясными и понятными.

На мой взгляд, национальным интересам России в наибольшей степени отвечает осуществление масштабного проекта «европеизации» постсоветского пространства. Не нужно забывать, что вся история Российской империи и Советского Союза, о которых сейчас так часто вспоминают политические лидеры в Москве, во многом и была именно этим проектом. В случае Российской империи он был омрачен жесткими, а подчас и жестокими методами, применявшимися для подчинения периферийных народов и включения их в состав единого государства. В случае Советского Союза он дополнялся стремлением реализовать не имевший шансов на успех масштабный идеологический эксперимент, призванный осчастливить весь мир. Однако «прогрессистская» направленность российской политики в обоих случаях прослеживалась довольно четко. Сегодня перед Россией открывается исторический шанс предпринять более успешную попытку консолидации со своими соседями. Консолидации, основанной на учете их интересов и признании их суверенитета и независимости. Консолидации, имеющей своей целью утверждение современных экономических, социальных и политических практик. Консоли-

17. См.: Путин, Владимир. «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» в: *Известия*, 2011, 4 октября (см.: <http://www.izvestia.ru/news/502761>, сайт посещен 23 марта 2012 г.).

дации, направленной не на реализацию утопических мечтаний, а на воссоединение с работающим и доказавшим свою эффективность европейским интеграционным объединением. Это и есть задача, отвечающая национальным интересам России на пространстве бывшего Советского Союза. Осуществление ее, с одной стороны, закрепит за Россией статус лидера постсоветских стран, а с другой – решит важнейшую для нее задачу объединения с одним из самых мощных игроков на глобальной экономической и политической арене. Только вместе с Европой Россия сможет добиться быстрого развития в XXI в.; только вместе с постсоветскими странами она сможет наладить с Европой диалог на равных.

Подобный масштабный проект отвечает российским национальным интересам еще и потому, что он способен усовершенствовать российскую политику, сделать ее более зрелой. За последние годы Россия резко снизила интенсивность своих внешнеполитических инициатив, утратив в «проблемных» регионах мира способность коммуницировать с кем бы то ни было, кроме официальных режимов. Между тем для реальной интеграции стран СНГ необходим диалог не только с правительствами этих государств, но и с их народами. Восстановить способность общаться с ними, понимать их интересы, выслушивать лидеров общественного мнения – важнейшая задача внешней политики России. А поскольку сама Россия стала гораздо более авторитарной, то задача сближения с Европейским союзом несомненно породила бы перемены и в ее внутренней политике – причем перемены не стихийные, а предсказуемые и управляемые. При этом идея движения в сторону Европы не в одиночку, а с мощной группой союзников могла бы изменить отношение к европейской ориентации нашей политики даже у тех, кто не разделяет либеральные ценности.

Национальные интересы России сегодня требуют объединения. Но не объединения вокруг нее слабых, авторитарных и неэффективных стран, а объединения ее самой с государствами, уже выработавшими эффективные интеграционные модели и обеспечившими успешное повышение уровня жизни своих граждан на основе развития современной экономики. Сегодня вопрос, который требует ответа при оценке российских национальных интересов – это не вопрос «Кто с нами?», а вопрос «С кем мы?» И хочется верить, что на него будет дан правильный ответ – и Россия пойдет вместе со своими союзниками вперед, в Европу, а не за ними назад, в Азию.

В.С. Мартьянов

**РЕМОДЕРНИЗАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
УНИВЕРСАЛИЗМ ПРИНЦИПОВ И ЦЕЛЕЙ***

Мартьянов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук,
доцент, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН.

СНГ – политический фантом?

Тяготение постсоветских республик к другим, помимо России, региональным центрам силы – ЕС, Турции и Китаю – это естественный инерционный сценарий развития постсоветского пространства, который, если ничего не предпринимать, реализуется сам собой. Но если мы исходим из того, что Россия имеет внешнеполитические интересы, потенциал универсализации и не растеряла политической субъектности, в отличие от постсоветских республик, над которыми довлеет стратегия адаптации, значит, этот сценарий следует менять. СНГ сегодня – это прежде всего общая география и история. Политические и экономические связи между странами СНГ не более интенсивны, чем с внешним миром. Но иллюзии исторического единства – плохая основа для интеграции, поскольку общая история для стран СНГ сегодня является перечнем взаимных обид и претензий в борьбе за наследство СССР и свои «справедливые» доли.

Более того, опыт жизни после СССР доказал простую вещь – объединение не может быть начато не только на базе общего исторического и политического прошлого, но даже на основе настоящего. В СНГ происходит умножение бессмысленных бюрократических структур, декоративных или конфликтующих между собой союзов типа ЕврАзЭС, ГУАМ, ОДКБ, ЕЭП и прочих аморфных структур, в которые входят те или иные части бывшего СССР. Все эти союзы и соглашения не предусматривают ответственности за

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-1229.2011.6.

принятые странами обязательства, а также создания наднациональных механизмов и органов управления с соответствующими полномочиями.

В аналитическом прогнозе отечественных экспертов под редакцией С. Караганова «Мир вокруг России: 2017» отмечается двойственный характер развития отношений стран внутри постсоветского пространства в среднесрочной перспективе: «На большей части постсоветского пространства продолжатся тенденции к размежеванию... В какой-то момент российское руководство, видимо, признает очевидное: постсоветское пространство не является больше главным внешнеполитическим и внешнеэкономическим приоритетом Москвы»¹. С другой стороны, эксперты отмечают: «Несмотря на общую тенденцию к снижению экономической, за исключением энергетики, роли постсоветского пространства, ряд факторов, делающих самоустранение России невозможным, сохранится и в ближайшее десятилетие»². Причинами тому, по оценкам экспертов, являются острая конкуренция за энергетические коммуникации и месторождения, ликвидные производственные активы; необходимость защиты российских инвестиций и контроля над потенциально конфликтным политическим пространством, поскольку сохраняется опасность втягивания страны в двусторонние и региональные кризисы. Последнее ограничивает ее политический и экономический потенциал и в регионе, и на мировой арене.

Необходимость интеграционного проекта, в рамках которого будут найдены решения для обозначенных противоречий, очевидна. Но если обратиться к едва ли не единственному успешному опыту региональной интеграции в современном мире, представленному Европейским союзом, то нетрудно заметить, что реальное объединение начинается прежде всего в экономической плоскости: последовательные таможенный, промышленный, торговый союзы, унификация стандартов и пошлин, экономических стратегий, координация финансовой политики. Общие политические структуры выступают лишь как последняя ступень объединения.

Аналогична исходная ситуация на пространстве бывшего СССР: любая интеграция может являться только следствием восстановления взаимного доверия бывших союзных республик. Молдавия, Грузия и украинские «западенцы» по примеру Прибалтики мечтают о вступлении в ЕС и НАТО, в то время как в Центральной Азии – Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан – усиливается геополитическое влияние Китая, Ирана и Турции. Эти бывшие советские республики связывает только общее прошлое в виде Российской империи и СССР, но не реальное настоящее, а возможно, и не будущее.

1. *Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего.* – М., 2007. – С. 7.

2. *Там же.* – С.131–132.

Плотность экономических связей падает, а политические векторы сходятся лишь на фигуре всеобщего соседа – России, которая до сих пор не предложила общей интеграционной основы для стремительно расходящихся к другим центрам силы кусков империи. В настоящее время стратегия РФ в бывших советских республиках фактически сводится лишь к банальной покупке политической и экономической лояльности пророссийских политиков, новых национальных элит. Но дело в том, что условием становления постсоветских государств является формирование национальных элит, преследующих эгоистические интересы своих стран – Украины, Белоруссии, Казахстана и т.д., а не играющих на стороне США, ЕС или России. Поэтому стратегия «деньги в обмен на лояльность» в отношении этих элит неизбежно оборачивается проигрышем, как показал пример ряда цветных переворотов.

Как подчеркивает В. Иноземцев, проблемы усугубляются крайней неадекватностью российских элит в их восприятии постбиполярного мира и реального веса России в нем: «Российские политики отказываются признавать, что сегодня их страна, на которую приходится 2,4% мирового населения, 2% глобального валового продукта и 2,5% экспортных потоков, прочно “зажата” между двумя полюсами, сложившимися за постсоветское время. На Западе Россия граничит с объединенной Европой с 493 млн. жителей, региональным валовым продуктом в \$14,3 трлн. и совокупным экспортом, составляющим 16,2% общемирового показателя. На Востоке лежит Китай с населением в 1,3 млрд. человек и ВВП в \$2,9 трлн., обеспечивающий 8,3% мирового экспорта»³.

Следует признать необратимость разрыва исторической, социальной, экономической, культурной непрерывности, поддерживавшейся Российской империей и СССР. Центробежные тенденции в бывших союзных республиках все более неодновременны. Среднеазиатские республики тяготеют к периферии капиталистической миросистемы, в то время как Прибалтика стремится найти свое место ближе к ее центру. Остальные государства, в том числе и Россия, оказываются полупериферией мироэкономики.

Сам по себе расширяющийся разрыв культурно-экономических укладов бывшего СССР не ведет автоматически к образованию новых обществ. Как отмечает В. Иноземцев, «за 16 лет не удалось создать даже Таможенного союза и общего пространства безопасности, не говоря уже о введении в оборот единой валюты. У Содружества нет общего голоса на международной арене и ясного плана развития. В его рамках пытаются ужить ОДКБ и ШОС, ЕврАзЭС и ГУАМ. Участники каждого решают свои задачи, но какой

3. Иноземцев В. Эмоции и бред под видом прагматизма. Российская внешняя политика эпохи Путина // <http://inozemtsev.net/index.php?m=vert&menu=sub2&pr=110&id=893>

бы аспект интеграции мы ни взяли, ее интенсивность от года к году только ослабевает»⁴.

Красноречив долгоиграющий пример наиболее перспективного двустороннего партнерства на пространстве СНГ между Россией и Белоруссией, подписавшими 8 декабря 1999 г. «Договор о создании Союзного государства». За десятилетие, прошедшее с этой даты, не было сформировано ни одного общего пространства – информационного, правового, экономического, валютного. Россия и Белоруссия скорее отдалились друг от друга в XXI в. вследствие непрекращающихся споров вокруг льготных нефтегазовых тарифов и заградительных пошлин на ввоз российских товаров в Белоруссию. Таким образом, в масштабах СНГ не сложилось даже пресловутого «интеграционного ядра», к которому в случае успеха могли бы присоединиться остальные участники. Над СНГ довлеет его характер искусственной структуры, являющейся не реализацией желания исторически сложившихся стран к дальнейшей интеграции, но паллиативом, призванным подсластить горечь от распада СССР и отчасти компенсировать репутационные, политические и военно-стратегические потери России.

В настоящее время всем необходимо принципиально определиться: либо «развод» окончателен, либо бывшие республики имеют общие интересы и готовы восстановить объединенное пространство на неких более универсальных и эффективных началах, нежели те, которые привели к краху СССР. Либо признать, что двусторонние связи стран СНГ могут быть более эффективны, чем попытки воссоздания все более расходящегося экономического, политического, культурного пространства, связанного на Западе и Востоке лишь Россией. Тем более что Россия культурно и исторически более тяготеет к Европе, нежели к Азии.

Россия как ключевой субъект потенциальной интеграции СНГ

Следует признать, что единственным потенциальным субъектом интеграции постсоветского пространства является Россия, таково ее монопольное географическое положение, экономический вес и политические возможности. Но не оказываемся ли мы в плену иллюзий, утверждая, что интеграция СНГ есть безусловное благо? Не является ли это следствием ностальгии по общему прошлому, усиленной комплексом «имперской неполноценности»? Нужна ли и выгодна ли России подобная интеграция?

Конечно, русский язык все еще сохраняется как постепенно уходящий формат общения на территории СНГ, существуют общие транспортные и

4. Иноземцев В. *Pro Europa: ЕС и СНГ: Грустные сравнения* // *Ведомости*. – М., 2007. – № 243 (2017), 24 декабря.

энергетические системы, культурные и исторические архетипы. Но «стоит ли овчинка выделки», а отношения с постсоветским пространством каких-то особых преференций по сравнению с остальным миром? Возможно, Россия и другие постсоветские страны могут найти более выгодных партнеров и условия объединения, как это пытаются сделать Прибалтика и Грузия, Украина и Азербайджан?

Инфраструктурное взаимодополнение и общие цепочки сложных производств экономик бывших республик были эффективны лишь в условиях экономической автаркии СССР от остального мира, когда в принципе не существовало других возможных экономических партнеров и поставщиков за пределами социалистического периметра. Альтернативного выбора у производителей и потребителей просто не было, либо он был крайне ограничен. Однако распад с отменой сложных сверхзадач и цепочек в советской экономике привнес возможность выбора товаров, комплектующих, сырья, поставщиков на глобальном рынке. В результате многие из прежних производств рухнули, не выдержав конкуренции и потеряв монополию на рынок сбыта в пределах СССР.

Обратимся к реальным цифрам. Оборот внешней торговли России со странами дальнего зарубежья в первой половине 2011 г. рисует следующую картину. Экспорт составил 162,6 млрд. долл., импорт – 88,6 млрд. долл. В то же время внешняя торговля России со странами СНГ ниже на целый порядок: экспорт – 14,7 млрд. долл., импорт – 8,5 млрд. долл.⁵ Таким образом, экспорт / импорт отечественных товаров в дальнее зарубежье превысил оборот торговли со странами СНГ в 10–12 раз. На уровне двусторонних экономических связей России приоритет опять-таки остается не за странами СНГ. В общем объеме российского экспорта на долю Китая приходилось 9,6%, Германии – 8,6, Нидерландов – 8,5%. В то время как на наиболее активных экономических партнеров из постсоветских республик пришлось: Украины – 6,5%, Белоруссии – 4,6, Казахстана – 2,9% российского внешнеторгового оборота⁶. О падении плотности экономических связей свидетельствует и неуклонное сокращение доли внешнеторгового оборота России, приходящегося на страны СНГ в целом: с 24,5% в 1995 г.⁷ до 15,5% в первом полугодии 2011 г.⁸

В докладе рабочей группы Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД РФ отмечается: «Подведение общих итогов развития интеграции приводит к выводу, что пространство СНГ имеет весьма низкий уровень эко-

5. Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/b11_00/IssWWW.exe/Stg/dk07/3-2.htm

6. Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/176.htm

7. Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d03/26-02.htm

8. Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/176.htm

номической интегрированности. Об этом свидетельствует доля торгового оборота между странами СНГ в общем объеме их внешней торговли. Если в СССР доля межреспубликанского товарообмена в суммарном объеме внешнеторгового оборота союзных республик составляла 69%, а в ЕС доля оборота между странами в общем внешнеторговом обороте составляет 62%, то в СНГ соответствующий показатель составляет лишь около 30%»⁹.

Как отмечает М. Дмитриев, «практически все страны ЕвразЭС, согласно гравитационной модели, недостаточно активно торгуют друг с другом, т.е. у них еще есть большой потенциал торговли. Но если мы посмотрим на Россию, то она, наоборот, переторговывает. Если мы определим внешний экономический товарооборот России в процентах от ВВП, то российская экономика выглядит как открытая и интегрированная в мировую экономику. Но это лишь видимость красивого результата. Высокий уровень нашей торговли обусловлен, в основном, экспортом энергоносителей, и проблема в том, что, за исключением энергоносителей, мы практически больше ничего не экспортируем, и доля иного экспорта не растет»¹⁰.

Действительно, «материальную основу Советского Союза образовывали общая производственная инфраструктура, хозяйственные связи, кооперация крупных и средних предприятий. При этом на территории Союза десятилетиями создавались единые энергетические, газовые, транспортные, коммуникационные, топливные системы»¹¹. Но в настоящее время политики и экономисты все больше осознают тот факт, что индустриальная логика экономического взаимодополнения оказывается скорее фантомом, чем реальностью в глобальной экономике. Ложной оказывается и посылка о том, что возможную выгоду экономических обменов определяют «соседские» географические связи. Как только экономическое пространство СССР из автаркичного превратилось в открытое, оказалось, что старые соседи по Союзу все менее нужны, а новые производители всегда готовы прийти к ним на смену.

Препятствует экономической интеграции СНГ и другой фактор – структура реального импорта / экспорта, когда Россия и страны СНГ оказываются по большинству позиций прямыми конкурентами на глобальном рынке. В российском экспорте в первом полугодии 2011 г. минеральное сырье, ме-

9. Доклад Рабочей группы Совета глав субъектов РФ при МИД России «Проблемы и перспективы развития международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации с партнерами в рамках СНГ» // <http://www.mid.ru/ns-dipecon.nsf/0/9196146619dfcca4c3256e86002d27e3?OpenDocument>

10. Дмитриев М. Россия–2020: Долгосрочные вызовы развития // <http://www.polit.ru/lectures/2007/12/21/dmitriev.html>

11. Там же.

таллы и лесная продукция составили 80,7% от общего объема¹² – здесь картина страны как глобального сырьевого придатка разворачивается во всей своей очевидности. В редуцированном виде программа внешнеторгового оборота России с дальним зарубежьем и СНГ в настоящее время выглядит как «сырье в обмен на автомашины и продовольствие»¹³.

Таким образом, хуже всего даже не растущие диспропорции экономических связей России со странами СНГ, с одной стороны, и остальным миром – с другой. Проблема в том, что большая часть российского экспорта – это минеральные ресурсы, удобрения, лес и металлы, вывозимые для более глубокой переработки в развитые зарубежные экономики. Но аналогичная структура экспорта и у стран СНГ! Образуется не взаимодополнение экономик, основанное на кумулятивности экономических инфраструктур, а прямая конкуренция за внешние рынки. Различные газовые, нефтяные, трансфертно-трубопроводные конфликты обретают характер политических.

В результате при нынешней структуре экономики и производства России и стран СНГ интеграция на экономической основе не может быть ведущим фактором сближения. Что не исключает самой ее возможности и эффективности, связанной с обменом теми или иными ресурсами, унификацией импортно-экспортных тарифов, созданием единых таможенных стандартов и т.п.

Поэтому представляется, что определяющим пространством долгосрочной интеграции СНГ может быть именно политика. Но нынешней России практически нечего предложить странам СНГ в качестве универсальных правил игры, поскольку уровень мышления российских элит не поднимается выше самодостаточной «суверенной демократии» для крупных корпораций, контролирующей привычную российскую «властесобственность»¹⁴. В результате политическая стратегия сжимается до узко понимаемых национальных интересов, которые элиты часто отождествляют со своими собственными. Качество российских элит, мыслящих исключительно тактически и прагматически, не способствует интеграции СНГ как символического проекта, призванного повысить легитимность существующего политического режима.

12. Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/176.htm

13. Данные Росстата: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d03/26-11.htm

14. Пивоваров Ю.С. *Истоки и смысл русской революции* // ПОЛИС. – М., 2007. – № 5. – С. 33–55.

Империя как принцип реинтеграции

В настоящее время в российском обществе наблюдается усиление «неодновременности», которую элиты пытаются компенсировать посредством политических проектов, претендующих на большую универсальность. И, в частности, проекты интеграции постсоветского пространства направлены именно на то, чтобы сгладить негативное впечатление от имеющихся политических программ и целей, ограниченных в лучшем случае узкопонимаемой логикой развития России, в худшем – корпоративными интересами элит. Поэтому тема возрождения СНГ есть во многом попытка легитимации общества, живущего текущим потреблением, посредством неких трансцендентных целей, выходящих за рамки этой «текущести». Проблема интеграции СНГ заключается в том, что с позиций рационального экономического расчета никакой явной выгоды в данном процессе не просматривается. Но дело в том, что условия интеграции, выходящей за рамки сиюминутных выгод, требуют отказа от подобной логики прагматизма, признания ее иррациональности с позиций неких высших целей и ценностей. Именно таким проектом потенциально является реинтеграция постсоветского пространства, не несущая немедленных явных выгод, но вполне способная принести их будущим поколениям.

Постсоветское пространство в своей долгой истории объединялось в двух формах – империи и советской федерации. СССР оказался неустойчивым, асимметричным политическим компромиссом российского центра и этнических окраин, который разрешился закономерным распадом. Российская империя исторически оказалась более устойчивым и долгосрочным образованием, хотя и не смогла решить задач модернизации и преодоления исторической разноукладности своих составных частей. Третья структурная возможность – конфедерация является слишком аморфным и ни к чему не обязывающим образованием. Поэтому представляется, что в качестве формы интеграции постсоветских стран в нынешних условиях привлекательность империи как формы политического возрастает.

Империя здесь понимается не как нечто экспансионистское и агрессивно-милитаристское, но как политическая форма, позволяющая, в отличие от наций мягкими правилами, объединить гетерогенные культуры, народы и пространства. Империя, выходящая за пределы строго очерченных территориальных границ наций-государств, связана, во-первых, со стремлением каждого человека и народа стать чем-то большим, чем он есть на сегодня, приобщиться к великому. Во-вторых, позитивный образ империи – это смутная тоска по утраченной в обществе потребления сакральности социально-политического порядка, за которым «ничего нет» – великих задач, миссий или светлого будущего, когда возникает чувство конца истории. И финаль-

ность концепций демократии, капитализма и общества потребления как конца принципиальных идеологических споров свидетельствует именно о законченности социально-политической мысли модерна, не стремящейся в рамках либерального консенсуса к чему-то иному, нежели в принципе устраивающему основные идеологические лагеря настоящему.

Если присоединиться к господствующей позиции и предположить, что они сами по себе представляют конечные цели, тогда стоит признать, что естественное желание большинства заключается именно в том, чтобы жить при капитализме, демократии и в обществе потребления. Тем не менее мировое недовольство либеральным консенсусом растет, как и глобальные угрозы человечеству – расширение ядерного клуба, исчерпание ресурсов, экологические вызовы, перенаселенность и т.п.

С другой стороны, все большее разочарование в капитализме, демократии, либеральном консенсусе и обществе потребления не ведет к появлению значимых альтернатив. А те альтернативы, которые есть, заведомо хуже, будучи связаны с изоляционизмом, комплексом величия, цивилизационной уникальностью, «особостью», которые в итоге оборачиваются деуниверсализацией и отставанием наиболее «особых» стран и регионов, типа Тибета, Северной Кореи, Центральной Африки в политике, культуре, экономике. Получается, что апеллировать вроде бы более не к чему, кроме как к наличному политическому порядку в 200-х государствах, различия между которыми по всем ключевым параметрам жизни граждан достигают запредельных величин. В XX в. мировая политическая карта пережила беспрецедентное дробление политических субъектов, количество наций-государств увеличилось в 4 раза. Но это лишь мультиплицировало всевозможные конфликты – этнические, исторические, экономические, культурные – ради разрешения которых собственно и затевалось разделение бывших метрополий и колоний. В то время как государственно-экономические элиты становятся все более космополитичными и глобализированными, население многих стран мировой полупериферии обречено жить даже не в национальных мирах, а в еще более узкой повседневности, где потребности, цели и привычки людей во многом регулируются рыночными манипуляциями.

Прорыв к новым стратегиям интеграции в глобальной политике может быть связан с востребованностью имперских механизмов объединения с присущей им иерархической и в то же время универсальной общественной моралью. В подобной ситуации может стать оправданным восстановление неких ценностных иерархий утерянных или размытых популистской риторикой общества потребления. Не отрицая права всевозможных меньшинств мира на самобытность и культурную автономию, условием стабильного существования современной нации представляется поддержание определенной иерархии идентичностей. В этой иерархии на политический статус может претендовать

лишь гражданская ипостась человека, являющаяся приоритетной перед множеством его прочих идентичностей, в том числе религиозной и этнической. Только посредством приоритета гражданской солидарности современные многокультурные и многоэтнические нации могут сохранить свою целостность и снизить конфликтогенный потенциал внутри общества.

Традиционно при взгляде на исторические империи считалась, что их единственной ролью является расширение и удержание некоего гомогенного культурного, экономического, политического пространства. Таковы исторические империи от Римской до Британской, проводящие границу между центром и периферией, метрополией и колониями, гражданами и негражданами, «цивилизованным периметром» и теми, кто в него не входит, являясь источником ресурсов, дешевой рабочей силы и рынком сбыта. И здесь можно согласиться с предложенным М. Хардтом и А. Негри различием: «Под “Империей” мы понимаем нечто, совершенно отличное от “империализма”... В противоположность империализму Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это – децентрированный и детерриториализованный, т.е. лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления...»¹⁵.

Популярность имперской идеи в современной России исходит из иной, архаической интерпретации, в основе которой лежит проблема идентичности, сохранить которую можно только путем изоляции, противостояния актуальному миропорядку. Это и логика самосохранения исторического пространства, и метафора «острова»¹⁶, и апология самодостаточной автаркии¹⁷, и неповторимость культурно-цивилизационного кода православной цивилизации¹⁸, и уникальная география евразийской державы¹⁹, удерживающие самим своим наличием глобальный мир от уничтожения. Все это апеллирует к совсем не новой идее третьего Рима или православного Катехона, Российской империи, которой предназначено судьбой удерживать остальной мир от варваризации и апокалипсиса²⁰. Поэтому для России любые изменения пагубны, так как она выполняет незаменимую миссию – удержание глобального равновесия.

Но возможен и третий вариант – космополитической империи, не связанный ни с торгово-экономической экспансией, ни с культурным самосохране-

15. Хардт М., Негри А. Империя. – М., 2004. – С. 12.

16. Цымбурский В. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // ПОЛИС. – М., 1993. – № 5. – С. 6–23.

17. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь. – М., 2000.

18. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2000.

19. Дугин А. Апология национализма // Консервативная революция. – М., 1993.

20. Юрьев М. Третья империя. Россия, которая должна быть. – М., 2007.

нием, базирующимися на идеях изоляционизма и самодостаточности. Это вариант радикального преодоления нарастающей дифференциации и мультикультурализма современного мира, ведущих не к снятию причин накопившихся конфликтов, но скорее к их умножению, путем отмены эффективных ранее институтов и практик модерна.

В условиях относительного ослабления наций-государств именно империя как переходное звено от логики ограниченных национальных интересов к глобальной мирополитике представляется недооцененным механизмом легитимации не различий, а способов их преодоления, причем в эгалитарном и универсалистском ключе. Дурная бесконечность отношений господина и раба может через такие промежуточные формы империй постепенно перейти к транснациональной логике, оперирующей долгосрочными интересами всего человечества. Безусловно, подобная позиция может не найти понимания у многих национальных элит, в том числе относящихся к центру миросистемы, но это не значит, что подобная стратегия невозможна в принципе.

Ключевая проблема в том, что ценности, на которые опираются нации, изначально менее универсальны, чем имперские или христианские. В условиях транснационализации и глобальной мобильности капитала эти паллиативы имперского сакрального центра, завязанные на конкретные территории и этносы, работают все хуже. Поэтому их закрепление может быть достигнуто только путем создания миропорядка, где ценности, обеспечивающие функционирование наций, будут не предметом внутринационального консенсуса, а получат закрепление на транснациональном уровне. Для этого мировое политическое пространство должно быть устроено по аналогии с современной нацией, но на принципиально новом уровне. Скрепляющая политический центр апелляция к нации, демосу, народу должна быть преобразована в более универсальное ключе. В реальном секулярном мире для этого существует лишь один вариант – апелляция к человечеству, где нация легитимруется соответствием идеалу этого общечеловеческого мира как его составная часть, а не как политический мир сам по себе.

Космополитическая логика объединения

В настоящее время неустанная «война идентичностей», всеобщие экологические, демографические, ядерные, космические, пандемические и иные угрозы актуализируют выгоды политического синтеза, отказа от интересов отдельных наций в пользу долгосрочных правил игры, закрепленных во всеобщих законах, институтах, ценностях. Фактически в глобальном мире все более выигрывает и в практическом, и в символическом плане тот, кто может предложить и поддерживать правила игры, не искаженные ограниченными национальными интересами. Роль России как генератора соответствующих

изменений в мировой политике может возрасти. Ведь самых больших успехов Россия в своей истории достигала именно тогда, когда была империей, будь то российской или советской. Когда она была миром, где есть место для каждого. Такова Россия в лучших своих проявлениях как квинтэссенция человечества в целом, действующая на основе принципов равенства, справедливости и допущения каких-либо второстепенных отличий.

Действительный успех на пути общественного развития в условиях глобальной мирозкономики может быть связан только с интернационализацией всего национального. То есть не с построением мультикультурной нации, но с усилиями всех наций-государств по транснационализации политики. Преодолению национального как «особенного» в пользу интернационального и космополитического как «всеобщего». Но тогда незыблемость нации-государства должна перестать быть политической иконой современной общественной мысли. Прогресс возможен, только если нации начнут себя преодолевать во имя чего-то большего, отбросив эгоистические национальные интересы, полную взаимных претензий историю, мифы, ориентированные на прошлое.

Все народы могут выиграть, постепенно доверяя суверенитет транснациональным институтам и нормам, ставя их выше национальных. Этот процесс предполагает рост доверия, осознания национальными элитами долговременных и всеобщих целей человечества, достигнуть которые можно только сообща. Образцом подобного встречного движения наций, враждовавших всю свою историю, является Европа. Фактически вне Европы ее если и критикуют, то «не из-за его [Запада] стандартов, а из-за их неприменения в случаях, когда Запад поддерживает диктаторов, коррумпированные режимы или государственный террор»²¹.

Безусловно, имеющийся исторический опыт говорит не в пользу возможности имперского проекта для всего человечества. Даже в ЕС берут пока не всех, например не принимают пока Турцию. Правда, мало кто из исследователей замечает, насколько на долгом пути в ЕС институционально и идейно универсализировалась сама Турция. И это само по себе является серьезным достижением, ради которого стоило начинать путь в Европу, вне зависимости от технических дебатов по поводу реальных сроков вступления страны в ЕС.

Космополитический имперский проект для человечества может быть только открытым и соблазняющим. Здесь следует отметить, что космополитизм исторических империй был всегда ограничен, а их сакральность основывалась на делении на посвященных (избранных) и всех остальных, т.е. условных «варваров». Отмена данного правила всегда соотносилась с закатом

21. Бек У. Космополитическая Европа: Реальность и утопия // Свободная мысль. – М., 2007. – № 3. – С. 34.

империй, но вряд ли была их причиной. Проблема в том, что в условиях мировой интернационализации Россия выбирает архаический вариант имперского проекта, который ради порядка и установления «внутренней империи» выносит «варварство» и беспорядок за свои пределы. Сегодня имперский проект в его историческом варианте, безусловно, не является альтернативой капиталистической миросистеме, а то, что в России он сейчас популярен свидетельствует скорее о ее слабости. Это наблюдение относится и к США, озабоченным построением «града на холме»: если мы не верим в то, что можем изменить весь мир, то, по крайней мере, мы можем выгородить для себя сферу интересов и ее защищать. И это есть наш империум! Но такая логика изначально неуниверсальна, а следовательно, порочна в моральном плане.

Политика есть забота о будущем. И гоббсовско-шмиттовская ограниченная логика страха, «войны всех против всех», врага-друга, в новейшей истории человечества все же, как это ни парадоксально, постепенно сдает позиции в пользу проекта Канта о всеобщем государстве, законодателями которого будут выступать все люди, составляющие человечество. Такова общая линия развития человечества, интегрирующегося во все более глобальные общности: племя – община – город – государство (нация) – транснациональный глобальный мир. Преодоление классовой, культурной, национальной ограниченности реализуется во все более универсальных нормах и институтах.

Ничто не мешает инициировать на постсоветском пространстве подобный проект, в основе которого лежала бы не разъединяющая логика интересов национальных элит, но нечто большее – политическая этика, основанная на авансах и аксиомах доверия, на разделяемых всеми нормах. Подобное утверждение является чистым политический идеализмом, но только идеалы совершенствуют политику, общество и человека, позволяя им стать чем-то лучшим, чем они являются. Более того, присоединение к универсальным правилам, сулящим долгосрочные выгоды, является, по сути, вполне рациональным решением. Конечно, условия консенсуса часто устанавливаются за счет тех, кто готов поступиться своей позицией или сделать одолжение, но в итоге выигрывают в той или иной степени все. Таков хрестоматийный пример теории принятия решений – «дилеммы узника», – где два партнера достигают больших успехов, делая друг другу уступки и расширяя пространство доверия, нежели наоборот.

Поэтому представляется, что на самом деле стратегический выход из актуальных противоречий между бывшими республиками СССР лежит в иной, более глобальной плоскости, будучи связан с постепенной и многослойной трансформацией миросистемы, центрированной на капиталистической экономике, в мироимперию. *Собственно говоря, это проект достройки наличной мироэкономики до будущей мирополитики.* И желательность такой

интегрирующей политической формы все чаще проговаривается российскими обществоведами и публицистами.

Космополитическая империя универсализирует политическое как этическое, абстрагируясь от конфликтов и противоречий частных и особых экономических интересов. Более того, только этика империй исходит из истинно политической этики – *заботы о будущем*, которое не поддается приватизации частными и национальными интересами. Однако империя как механизм региональной интеграции постсоветских стран может переиграть модерновые нации-государства только если она предложит более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры, нежели имеющиеся.

А для этого России необходимо определиться с тем, что считать справедливым. В настоящее время характер российского государства как высшего менеджмента «корпорации Россия», осуществляющего административное руководство на основании «инструкций» всеобщего здравого смысла и «прагматизма», явно не позволяет выработать какие-либо универсальные интегрирующие ценности, критерии их оценки и способы практического руководства ими, выходящие за рамки локальной морали «для своих». Поскольку любой здравый смысл в политике – это всегда чей-то неуниверсальный интерес, заключенный в догматический формат, апеллирующий к объективности.

Для инициирования назревших изменений необходим *этический переворот*, расширяющий пространство моральных политических решений. Выход из морального коллапса видится не в воспроизводстве неких канонов и тем более не в возврате к истории, традиции и изоляции, которым приписывается вневременная универсальность, а в трансценденции социальных позиций, которые *могут стать* универсальными «здесь и сейчас». Эти первоначально партикулярные позиции могут быть произведены кем угодно. В том числе и нынешней Россией. Новые возможности всегда *уже присутствуют* в настоящем. Только эти ростки будущих изменений не всегда видны, и не обязательно они инициируются привычным гегемоном. В свое время христианские секты путем самопожертвования и отказа от языческого аналога общества потребления выиграли в главном, в области духа и идеологии, сформировав новое общество и иную картину мира.

Наивно было бы полагать, что некая партикулярная социальная позиция станет доминирующей и всеобщей путем обращения через головы эгонистичных национальных элит непосредственно к другим народам, в среде которых она может найти понимание. Речь скорее идет о замысле новой эгалитарной утопии взамен не оправдавшего ожиданий значительной части человечества «либерального консенсуса». И космополитическая империя как интегрирующая политическая форма, не связанная с сакрализацией некой территориальности, представляется в данном контексте реальной альтернативой постоянно

дробящимся нациям-государствам, чья современность основана на системах множащихся различий и конфликтов, а не тождеств. Поэтому экономическая и политическая глобализация, рост культурного единообразия урбанистического общества как и глобализация мировых угроз и вызовов не оставляют человечеству иных разумных и эффективных альтернатив, кроме движения к транснациональным ценностям, институтам и практикам.

Т.Е. Кузнецова

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДΙΑСПОРНОГО УКЛАДА
В МИРЕ И РОССИИ**

Кузнецова Тамара Евгеньевна – доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН.

В настоящее время в России, как и во многих странах современного мира, формируется диаспорный уклад, вызванный интеграционными процессами. Анализ его развития, влияния на экономику и социальную жизнь имеет важное значение как для принимающих, так и покидаемых стран.

Миграция является процессом постоянным и в значительной мере носит характер свободного выбора людей, имея разные причины, прежде всего экономические. Трудовая миграция, как правило, во многом определяет размеры, направления и характер общего миграционного потока в мире. Однако бывают периоды, когда миграция становится массовой и, как правило, вынужденной. Это периоды мировых кризисов и революций, национальных катастроф и войн.

События подобного рода служат причиной такого вида вынужденной миграции как беженство, которое, как и другие виды миграции, лежит в основе создания особых типов диаспор. Беженство – наиболее драматичная форма массовых перемещений людей и образования диаспор. Вторая распространенная форма образования диаспор – перемещения этнически родственных мигрантов, в частности возвращение людей на историческую родину, что временами становится вынужденным. Третий вид диаспор наблюдается тогда, когда они формируются в границах бывших метрополий из мигрантов, – жителей бывших колоний. Наконец, диаспоры формируются на основе упомянутой выше самой массовой – трудовой миграции, которая, так или иначе, связана со всеми другими источниками и факторами перемещения и консолидации людей.

Безотносительно обстоятельств миграции, все «переселенцы» в той или иной форме объединяются на территории новой страны в целях поддержания

своей идентичности, защиты своих интересов, оказания помощи друг другу, развития совместного бизнеса, поддержания связей с покинутой родиной и т.п. В результате диаспоры становятся в рамках принявшей их страны вполне самостоятельным фактором социально-экономического, а иногда и политического развития. Все это отражается, прежде всего, на принявшей мигрантов стране, но и сказывается на их бывшей родине, поскольку связи с ней у эмигрантов, как правило, не теряются.

Процесс адаптации в новых условиях достаточно сложен, но, очевидно, что чем больше число мигрантов в новой стране, чем дольше они в ней пребывают, тем увереннее они себя чувствуют, тем в большей мере их присутствие и участие проявляется в стране пребывания – чаще в позитивном, но иногда и в негативном плане, вызывая противоречия, столкновения с местным населением из-за привнесения новых порядков, обычаев, форм поведения, часто паразитирования на нормах и правилах принимающей стороны, а бывает, и на прямом их неприятии и игнорировании.

Иногда диаспоры создают замкнутые образования, недоступные для институциональных структур принявшей страны, что создает для нее дополнительные риски, поскольку нарушаются основополагающие принципы ее жизни, развиваются чуждые неформальные отношения, включая криминальные и т.п.

На основе анализа доступных литературных и социологических источников можно говорить о том, что наиболее активно пытаются ассимилироваться в новых условиях беженцы, для которых принимающие страны создают соответствующие структуры адаптации, например лагеря для беженцев, институционально их обеспечивающие и помогающие им решать проблемы на первых порах. Однако эта ассимиляция часто построена на утере беженцами своих привычных норм и национальных особенностей. Относительно быстро ассимилируются мигранты, поселяющиеся на исторической родине. Эти группы переселенцев еще не представляют собой сформировавшиеся диаспоры, но со временем укоренившись в новой стране, они образуют диаспоры по этническому мотивам, объединяясь на основе бывшей гражданской или географической принадлежности, общего языка¹, конфессии и т.п.

Принимающая сторона несет значительные финансовые издержки по поддержанию мигрантов до тех пор, пока они не адаптируются и не найдут формы независимого от этой поддержки существования. На примере одного из лагерей в Чехии можно рассмотреть условия жизни беженцев, описанные

1. В Лондоне, например, по наблюдениям приезжающих россиян, выходцы практически из всех бывших союзных республик СССР, начиная от прибалтийских и кончая среднеазиатскими, общаются между собой на русском языке, оказывают друг другу поддержку и образуют, в известном смысле, русскоязычную диаспору.

Алисой Щепаниковой [9, с. 65–82], которые без преувеличения следует назвать суровыми. Подобные лагеря и по условиям жизни и по порядку пребывания в них достаточно типичны для многих стран, в которые устремляются добровольные и вынужденные мигранты.

За 14 лет (с 1990 по 2003 г.) 70 109 переселенцев обратились к власти Чехии с просьбой о предоставлении убежища. До конца 1980-х годов Чехия не принимала мигрантов, а была транзитной территорией, через которую шел поток переселенцев в другие западные страны. Однако в постсоциалистический период, после разделения со Словакией и присоединения к Женевской конвенции 1951 г. [4], Чехия стала принимать беженцев. Из всех обратившихся только 2339 человек (чуть более 3%) за этот период получили статус и разрешение остаться в стране.

Чтобы получить этот статус или быть отвергнутыми, лица, ожидающие решения, вначале помещаются в «карантинный центр приема», где находятся около месяца, не имея права его покинуть. В течение этого месяца проводятся процедуры рассмотрения заявления и прохождения медицинского обследования. Далее мигранты получают право поселиться в частном жилом секторе, если у них имеются деньги для оплаты жилья (государственная помощь на эти цели предоставляется только в течение трех месяцев). Если средств на эти цели у мигрантов нет, их переводят в «центр размещения», где они ожидают решения о своем будущем. Поскольку законодательство Чехии не ограничивает время рассмотрения ходатайства о статусе беженца, пребывание в лагере может затянуться на несколько лет.

В отличие от «карантинного центра», лагерь можно покинуть, известив власти о том, куда и на какое время человек выбывает. Мигрантам запрещено работать в течение первого года ожидания статуса. Единственный способ заработать в это время хоть какие-то деньги – устроиться работать в самом лагере. Здесь можно заниматься уборкой помещений, мытьем посуды в столовой, работать в библиотеке. В качестве зарплаты лица, работающие в лагере, получают карманные деньги в тройном размере. Карманные деньги составляют 0,35 евро в день на взрослого и 0,18 евро в день на ребенка моложе 15 лет.

Таким образом, большинство из тех, кто не может или не хочет обращаться к нелегальным источникам доходов, полностью зависят от государственной помощи, предоставляемой в лагере. Эта помощь выражается в трехразовом питании, услугах врачей, социальных работников, психологов. В лагерях также работают представители различных неправительственных организаций, они консультируют мигрантов по различным вопросам.

В разных лагерях установлены свои особые порядки. Например, в чешском лагере «Заставка» (где на момент, описываемый А. Щепаниковой, проживали в основном чеченские беженцы) запрещено пользоваться в комнатах

их же собственными телевизорами. Дирекция эту меру связывает с необходимостью экономить электроэнергию. Аппаратуру у всех забрали и сложили в подвал, выдается она только, если человек или семья покидают лагерь. В подобных случаях люди бояться выражать свое недовольство, поскольку думают, что это может отразиться на получении ими статуса. Беженцы практически полностью изолированы от населения принимающей стороны, общественные нормы замещаются контролем администрации, который более нацелен на запреты, чем на поддержку.

Общий вывод, которым завершает свою работу А. Щепаникова, указывая на потерю беженцами в ряде случаев своей идентичности, разрушение национальных обычаев, утерю национальной культуры и т.п., заключается в том, что особенно сильное негативное влияние обстановка в центре размещения оказывает на семейный уклад. «Почти полная изоляция мигрантов, атмосфера недоверия, испытываемое ими чувство беспомощности и давящей зависимости от лагерной администрации усиливали, а то и провоцировали внутрисемейные конфликты» [10, с. 80].

Имеются иные примеры поведения беженцев и их более существенной роли в местах нового расселения. С 1988 г. почти с самого начала Карабахского конфликта в Азербайджан из Армении переехали 219 776 человек [1, с. 323], так называемых «еразов», т.е. выходцев из Армении. (Выходцев из Грузии в Азербайджане называют «гразами».)

Коренные жители Азербайджана не всегда дружелюбно принимали своих земляков, беженцев из Армении. Причем это было связано не с тем, что не хватало сочувствия к беженцам и отсутствовало желание им помочь. Дело заключалось в другом, а именно в том, что долгое проживание рядом с армянами, сделало этих азербайджанцев отличными от «азербайджанских» азербайджанцев.

Главными чертами беженцев из Армении была спаянность, поскольку в Армении они ощущали себя чужими, как их называли армяне, «турками» (известно отношение армян к туркам в связи с геноцидом в 1915 г. турок по отношению к армянам). Кроме того, азербайджанцы чувствовали себя истинными азербайджанцами, поскольку жили среди армян, сохраняя свой этнос и национальные традиции. Оказавшись в Азербайджане и, особенно в Баку, где многие азербайджанцы настолько усвоили русскоязычную культуру, что не знали родного языка, беженцы стали выражать свое недовольство, упрекая соотечественников в забвении родной культуры, отсутствии патриотизма и т.п. Особого осуждения удостоились девушки-горожанки за короткие юбки, макияж, свободное поведение и т.п. В результате беженцы из Армении снова почувствовали себя в чужом мире, снова стали делить людей на «своих» и «чужих». Правда, теперь они стали ощущать себя не неполноценным меньшинством, как в Армении, а наоборот, лучшим, единственными настоящими

азербайджанцами. «Социальный состав беженцев из Армении сыграл немаловажную роль в армянских погромах в феврале 1988 г. в Сумгаите и в январе 1990 г. в Баку. Представьте себе ситуацию: приезжают бежавшие от армян крестьяне, а в Баку – армянская элита: профессура, врачи, педагоги, преспокойно живущие в хороших квартирах. И оставшиеся без крыши над головой и средств к существованию приходят к выводу: нужно разгромить и захватить квартиры. Наводчиками погромщиков в Баку были в основном те же еразы, только попавшие сюда в первую или вторую волну депортации и сохранившие “теплые” чувства к армянам. В 1990 г. в Баку проживали около 220 тыс. армян, т.е. примерно столько же, сколько перебравшихся в Азербайджан беженцев из Армении. Из них мало кому удалось продать квартиры, даже за бесценок и уехать. В основном армянские квартиры были захвачены беженцами из Армении, которые посчитали это компенсацией за утерянное имущество» [1, с. 324–325]. Как полагает И. Гусейнова, при всем накале антиармянских настроений в тот период у азербайджанцев, на чисто бакинской и чисто сумгаитской почве, но без участия беженцев, погромы были бы невозможны. Для основной части азербайджанского населения они явились сильным шоком. В результате к культурным различиям и противоречиям между «настоящими азербайджанцами» – еразами и «космополитическими» бакинцами прибавилось еще одно важное обстоятельство – недовольство и даже определенный страх перед еразской агрессивностью. Между тем сами еразы за годы пребывания в Азербайджане проявили чудеса сплоченности и социальной мобильности. Они держатся друг за друга, если устраиваются на работу, тянут за собой своих земляков, опираясь на поддержку «своих» они занимают места в госаппарате, разворачивают бизнес, приобретают недвижимость и т.п.

Еще одной разновидностью беженцев в Азербайджане явились выходцы из Нагорного Карабаха. От еразов они отличались социальным составом. Если среди выходцев из Армении крестьяне составляли 80%, рабочие и служащие – 9, интеллигенция – 10–11%, то среди беженцев из Карабаха удельный вес крестьян был не более 60%, рабочих и служащих – 15–20, интеллигенции – 20–25%. Однако главным было для этих людей то, что они вынужденно бежали со своей родной земли. У них, в отличие от беженцев из Армении, не было необходимости приспосабливаться к чужим армянским порядкам, они чувствовали себя азербайджанцами, изгнанными из-за оккупации армянами их собственной земли. Поначалу у них не было агрессии, а только боль и растерянность. Но вскоре, поняв, что их делами государство заниматься не собирается, они также перешли к тактике захвата чужих квартир, имущества и т.п. Однако они уже опоздали к разделу чужого и в основном были вынуждены жить в лагерях беженцев, палаточных городках, бывших санаториях, пансионатах, составив самую незащищенную часть беженцев. У них нет

постоянных источников заработков и фактически средств к существованию. Они живут за счет редкой гуманитарной помощи, мизерных пособий (15–20 долл.), выплачиваемых государством, распродажей гуманитарных пайков, мелкой торговлей и поденной работой. Дети занимаются попрошайничеством. У многих из них формируется синдром иждивенчества. Их жизнь ограничена территорией лагеря, пансионата, палаточного городка; в этих условиях рождаются и вырастают дети. Причем они настолько забиты и подавлены, что не знают своих прав, часто не пользуются даже теми скудными льготами, которые им предоставляют различного рода гуманитарные организации и соответствующие службы Азербайджана.

На примере Азербайджана можно проследить, как государство, не справляющееся со своими обязанностями по устройству или созданию условий для легитимного самоустройства беженцев, спекулирует на них. Что касается квартирного вопроса, то государство не вмешивается, когда многодетная семья беженцев попросту выдворяет из квартиры одиночки людей, прежде всего русских, неважно, где это происходит – в Баку или в другом месте. Попытки решить дело через суд оканчиваются ничем, поскольку «беженцы даже в судах действуют по четко отработанному сценарию: они орущей толпой с детьми заявляются на судебное заседание, называя владельцев квартир и всех тех, кто встает на их защиту, армянами или пособниками армян. При этом можно услышать и упрек в адрес судебных органов, нечто вроде “где вы были, когда армяне нас выгоняли из домов?” Или “если вы и сейчас нас выгоните на улицу, – вы – хуже армян”» [1, с. 332].

Еще одна проблема свидетельствует об известных спекуляциях самих беженцев и официального Баку на их судьбах. Несмотря на достаточно точные подсчеты, установившие, что общее количество азербайджанских беженцев и переселенцев составляет не более 782 тыс. человек, мировое сообщество оповещается о том, что в Азербайджане 1 млн. беженцев и переселенцев. «Чем дольше азербайджанцы живут со статусом “беженец”, тем больше беженцев и вынужденных переселенцев интегрируется в общество. С одной стороны, это неплохо. Хотя, с другой стороны, если земли будут возвращены, то кто же тогда вернется, раз все беженцы уже интегрировались. Поэтому с точки зрения “государственных интересов” полная интеграция беженцев – скорее плохо» [1, с. 334].

* * *

Еще одно исследование, демонстрирующее формирование диаспор, посвящено «этнической гомогенизации» [2, с. 262–284]. Под этим понятием имеется в виду процесс, в ходе которого «этнически неоднородное население национальных государств, приходящих на смену разномастных в этнокуль-

турном отношении империй, меняя места своего проживания, постепенно просеивается, сортируется и, наконец, этнически выравнивается в соответствии с новыми границами» [2, с. 262].

В данном случае речь идет о миграционных процессах, в которых этнический фактор играет важную роль на территории, как выезда, так и въезда. Мигранты являются «соплеменниками», возвращающимися в свою национальную среду. Интерес представляет процесс их адаптации, выяснение того, как к ним относятся в принимающем обществе и как ведет себя принимающее государство по отношению к вновь прибывшим.

Автор этого исследования Я.Ч. Жмегач рассматривает переселение хорватов после распада бывшей Югославии в начале 1990-х годов, когда они начали покидать Сербию и переезжать в Хорватию; переселение французов, выходцев из Алжира во Францию, где их стали называть «черноногими»; несколько этапов послевоенного переселения немцев.

Что касается немцев, то после Второй мировой войны из Польши и СССР, а также из Венгрии, Чехословакии и Югославии были переселены около 12 млн. человек, которые вынужденно покинули свои дома. Около 2/3 поселились на территории будущей Западной Германии, где их статус был определен как «ссылные» и беженцы. Вторая волна миграции из выше-названных стран проходила до 1987 г., пока Германия оставалась разделенной на Западную и Восточную. В Западную Германию переселились еще около 1,4 млн. так называемых эмигрантов. После падения Берлинской стены население Германии увеличилось еще на 2,3 млн. человек, которых стали называть «поздними эмигрантами». Всем им сразу по прибытии дали германское гражданство, уравнивая в правах с остальными гражданами Германии.

В 1962 г. Алжир получил независимость, завершив 130-летний период колониального присутствия Франции. Примерно 1 млн. французов и других европейцев с французскими паспортами («черноногие») прибыли во Францию. В стране «с тревогой наблюдали за этим массовым и неожиданным для многих исходом, втайне надеясь, что он будет временным... Однако реальность оказалась иной. Только в мае и июне 1962 г. в Марсель прибыли около 450 тыс. человек – количество, которое власти рассчитывали принять в течение четырех лет. Переселенцы направлялись в различные регионы, чтобы уменьшить их концентрацию в одном месте» [2, с. 266].

В начале 1990-х годов Хорватия провозгласила свою независимость, после чего последовала ее война с Сербией, которая длилась с 1991 по 1995 г. Хорваты, жившие в Сербии (Косово, Воеводина) и подвергавшиеся гонениям как враждебное национальное меньшинство, начали уже в 1991 г. покидать свои дома и переселяться в Хорватию. Выезд из Косово был организован Римско-католической церковью, мигранты из Воеводины двигались

самостоятельно. Всего около 30–45 тыс. хорватов покинули Воеводину и обосновались в Хорватии.

Конечно, каждое из переселений имело свои особенности, трудности и трагедии, различались они и по количеству мигрантов. Однако общим было то, что отношения между мигрантами и местными жителями нигде не оказывались безоблачными. Даже немедленное предоставление мигрантам гражданства не могло предотвратить трений и конфликтов. Наблюдались частные случаи более общей социальной ситуации, рассмотренной Н. Элиасом и Дж. Скотсоном в книге «Старожилы и пришельцы» (на нее ссылается Я.Ч. Жмегач): две ранее автономно существовавшие группы, поселившись рядом, начинают зависеть друг от друга как соседи. Социальная конфигурация, в рамках которой давние поселенцы оказываются вынужденными жить бок о бок с новоприбывшими, порождает конфликты и антагонизмы, которые внутренне присущи данному типу взаимодействия людей и не подчиняются их контролю [2, с. 264].

Если трудно свести на нет локальные конфликты между старожилами и вновь прибывшими, то нивелировать негативные процессы возможно с помощью определенной политики государства. И тут следует отдать должное всем перечисленным государствам (в меньшей степени это относится к Азербайджану), которые старались решить проблемы мигрантов, находясь, за исключением Франции и ФРГ конца XX в., в крайне сложном экономическом положении в период массового приема мигрантов. Послевоенная Германия и воюющая Хорватия успешно решили эту сложнейшую с социально-экономической, политической и морально-нравственной сторон проблему.

Преимущества мигрантов названных стран состояло в том, что их проживание в принимающих странах никем не оспаривалось. Они получали гражданство буквально на следующий день после прибытия. Французы («черноногие») уже имели гражданство. Правда, это не мешало им поначалу чувствовать определенную отчужденность на своей исторической родине.

Как свидетельствуют исследования Я.Ч. Жмегач, Германия справлялась с принятием огромного числа мигрантов достаточно успешно, благодаря четкой политике государства. В 1949 г. было создано особое Министерство по делам «ссылных» (такой статус имело большинство переселенцев), координирующее различные направления политики интеграции прибывших соотечественников, в том числе и возмещение понесенных ими утрат. Несмотря на экономические трудности, жертвам войны было выплачено 114 млрд. марок в качестве компенсации потерь, связанных с военными действиями и депортацией, а также с денежной реформой. Эти меры, например, судетские немцы,

высланные из Чехословакии, восприняли как важнейший показатель заинтересованности государства в их судьбе.

Во Франции наиболее сложной проблемой оказалась жилищная. Тем не менее дешевое социальное жилье от государства мигранты получили. Поиск работы новыми жителями Франции стал их личным делом, большинство из них с этой задачей справились, но на это понадобилось достаточно длительное время и силы на многочисленные переезды по стране в поисках работы.

Интересная ситуация сложилась в Хорватии. Хорваты не приезжали на пустое место, поскольку неформально была налажена купля-продажа жилья между выезжающими из Хорватии сербами и возвращающимися туда хорватами. Договоры осуществлялись на уровне конкретных семей. Это чрезвычайно интересный опыт, который помог и хорватам и сербам относительно благополучно закрепиться на новых для них землях.

Что касается мигрантов, которых можно назвать чисто экономическими, то они едут в другую страну уверенные в том, что они приобретут в ней явно больше, чем оставляют на родине. В настоящее время в Европе экономическая миграция тесно связана с исламским фактором. Имеющиеся исследования свидетельствуют о серьезности ситуации во многих странах. Это хорошо видно на примере роста мусульманских диаспор в Европе. Как заявил один из видных деятелей ислама в Италии, где численность мусульман к 2003 г. уже превышала 1250 тыс. человек и где постоянно стало расти число местных жителей, принимающих ислам: «Мы, мусульмане, победили вас благодаря тем демократическим законам и принципам, которые действуют в **вашей** стране. Но мы будем господствовать над вами, опираясь на **наши** религиозные принципы» [8, с. 189]. В настоящее время ислам в Италии вторая по численности верующих религия, в стране постоянно строятся мечети.

Достаточно остро исламский вопрос стоит и во Франции, известные выступления исламской молодежи, имеется опасность расширения экстремистской деятельности. В то же время в стране принимаются меры по созданию институтов, направленных на выявление имеющихся проблем, учет потребностей мусульманского населения, наблюдение государственными структурами за процессами в исламских диаспорах. Сформирован Высший мусульманский совет Франции (16 человек), в котором представлены все направления ислама, постоянно строятся мечети за счет государства с тем, чтобы закрыть каналы влияния на диаспору исламских государств, которые финансировали строительство мечетей ранее. В стране действует партия «Многообразная Франция», представляющая интересы местных мусульман, призванная наладить контакты между различными их группами. Задача пар-

тии заключается также и в том, чтобы информировать общественность Франции о проблемах мусульманской диаспоры.

В Великобритании при общей численности населения в 60 млн. человек в настоящее время проживают свыше 2 млн. мусульман. В стране насчитывается более полутора тысяч мечетей. Мусульмане уже работают в парламенте. Государственным служащим-мусульманам разрешено в течение дня совершать пятикратную молитву, для чего при госучреждениях выделены специальные помещения. Государство поощряет занятость мусульман на государственной службе.

В Голландии проживают представители различных мусульманских стран (турки, марокканцы, боснийцы, суринамцы, индонезийцы и др.), которых объединяет только религия. С 1986 г. в стране работает мусульманская телерадиокомпания, финансируемая государством, которой еженедельно предоставлена возможность вещать по первому общенациональному каналу на голландском языке, но с турецкими и арабскими субтитрами.

Ислам в этой стране исповедует 5% населения, но в крупнейшем городе Амстердаме это наиболее популярная религия. По статистике, 13% населения города – мусульмане, около 11 – католики, 5 – протестанты, 1% исповедуют иудаизм, на все прочие религии приходится 12% [9, с. 192].

* * *

Преимущественно экономический характер носит в настоящее время миграция в Россию. Это трудовая миграция. Количество беженцев и вынужденных переселенцев, составивших сразу после распада страны значительную часть прибывающих в Россию, постепенно сократилось (табл. 1).

Таблица 1

**ЧИСЛЕННОСТЬ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И БЕЖЕНЦЕВ
(человек)**

	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	Всего с начала регистрации на 1 января 2010 г.	Вынужденных переселенцев (с 01.07.92 г.)	Беженцев (с 20.03.93 г.)
Общее кол-во человек	271 977	59 196	8914	6802	4337	4092	57 999	57 220	779

Источник: [6, с. 88].

По сравнению с 1995 г. число семей вынужденных мигрантов сократилось к 2009 г. почти в 50 раз, а количество прибывающих человек почти в 80 раз.

В России, формирование диаспорного уклада связано с особенностями демографической ситуации в стране, с одной стороны, и «утечки мозгов» в более развитые страны – с другой. Согласно данным официальной статистики, т.е. без учета нелегальной миграции, международная миграция из России и в Россию с 1997 по 2009 г. складывалась следующим образом (табл. 2). Миграционные потоки на рубеже 2000-х годов существенно сократились, правда, увеличившись в благополучные докризисные годы (2006–2008). Эта тенденция сохраняется и сейчас, поскольку основной поток идет из стран СНГ, где кризис имел более серьезные последствия. Что касается миграции из России за пределы стран СНГ, то представляется, что это связано не с тем, что в России существенно улучшилась ситуация для специалистов, а скорее с тем, что просто основной поток мигрантов, предпочитающих другие страны, физически иссяк. Однако около 20–30 тыс. человек продолжают ежегодно из страны выбывать², в то время как в нее прибывают около 300 тыс. человек. Причем изменилось соотношение между теми, кто выбывал в страны дальнего зарубежья и в страны СНГ. Если до 2003 г. до 80% человек из уехавших направлялись в дальние страны, то в 2009 г. таковых было не более 40%, остальные мигранты из России предпочитали страны СНГ.

Таблица 2

**МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ
(человек)**

	1997 г.	2000 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Прибывшие в РФ всего	597 651	369 330	119 157	177 230	186 380	286 956	281 614	279 907
В том числе из стран СНГ	571 903	346 774	110 374	168 598	177 657	273 872	269 976	216 490
Выбывшие из РФ всего	232 987	145 720	79 795	69 798	54 061	47 013	39 508	32 458
В том числе в страны СНГ	146 961	82 312	37 017	36 109	35 262	31 329	26 114	20 326

Источник: [6, с. 86, 87].

2. Понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью, так как одно и то же лицо может в течение года менять место жительства не один раз.

Согласно прогнозу Центра демографии и экологии человека, минимальная величина иммиграции, которая позволит удержать численность населения России на современном уровне, должна составлять ежегодно в среднем 700 и более тыс. мигрантов в течение ближайших 50 лет. Причем это должны быть не только гастарбайтеры, приезжающие на время. Важно, чтобы мигранты адаптировались и оставались жить в России. По демографическому спаду Россия не является мировым лидером. Она находится на четвертом месте. Первое место занимает Германия, затем идут Япония и Италия. В России, по данным ООН, население к 2025 г. составит 131 млн. человек, а к 2050 г. – примерно 100 млн. Если же миграция в России останется на современном уровне (чуть больше 100 тыс. человек в год), а рождаемость и продолжительность жизни также останутся на низком уровне (продолжительность жизни – 67,88 лет в 2008 г. [5, с. 88]), то население может сократиться до 80 млн. человек [3, с. 61].

В связи с ростом в мире диаспорного уклада России надо обратить особое внимание на подготовку отечественных высококвалифицированных кадров для всех сфер экономики, науки, культуры и социальной сферы, создавая им условия труда и жизни, которые бы побуждали их не покидать родину. Иначе страна может столкнуться с ситуацией, в которой в настоящее время оказался Китай, который при огромном населении сталкивается с проблемой нехватки квалифицированных кадров и вынужден расширять приток в свою страну мигрантов-специалистов.

По мнению некоторых экспертов, для того, чтобы удержать в России экономический рост и рост благосостояния населения, стране «до середины века необходимо принять как минимум 20 млн. иммигрантов» [3, с. 62]. Если этого не будет сделано, стране грозят большие потрясения во всех сферах экономики и жизни (изменение масштабов системы образования, дополнительные затраты на развитие менее трудоемких производств, заброшенность многих ныне населенных мест, невозможность использовать имеющиеся в стране ресурсы, ее территорию и т.п.).

Дифференциация социально-экономических условий в различных регионах России заставляет перемещаться прибывших из стран СНГ и обосновавшихся в России на постоянное место жительства мигрантов уже внутри страны. В депрессивных регионах мигрантам легче и дешевле купить жилье и обосноваться на постоянное место жительства, но работу найти сложнее, поэтому уже внутри России наблюдается их внутренняя миграция. Например, таджики, переехавшие на постоянное место жительства в Тульскую область, работу с приличными заработками, уже как граждане России, находят в Москве, Подмоскowie и даже в Якутии. Их заработков хватает, чтобы учить детей в хороших школах, «откупать» сыновей от армии, посылать деньги на родину оставшимся там родственникам.

В настоящее время нет точных данных о реальном вкладе мигрантов в российскую экономику³. Но, судя по тому, что таджикская диаспора отправляет на родину до 1/3 бюджета Таджикистана, можно представить, что вклад мигрантов в ВВП России достаточно весом. Мигранты повышают конкурентоспособность многих российских предприятий из-за более низкой стоимости рабочей силы, выполняют работы, на которые не соглашаются российские работники и т.п.

Миграция в России принимает масштабы и формы, свойственные мировым процессам, однако сказывается и неподготовленность страны к развороту легальному приему мигрантов. Действительно, слабость миграционного законодательства, отсутствие правового регулирования трудовой миграции, масштабы нелегальных миграционных потоков, различные виды неформальных отношений в связи с трудом мигрантов⁴, отсутствие обустроенных границ с рядом соседних республик и т.п., не способствуют институционализации миграционных процессов. Одна из важнейших задач, стоящих перед Россией в настоящее время, если взвесить все факторы, влияющие на формирование диаспорного уклада, заключается в необходимости принятия мер к его признанию и легализации.

Литература

1. Гусейнова И. Беженцы, их положение и роль в современном азербайджанском обществе / Азербайджан и Россия: общества и государства. – М.: Летний сад. – 2001.
2. Жмегач Ясна Ч. Адаптация этнически родственных мигрантов на новой родине (греки, немцы, французы, хорваты). – «Диаспора». – 2006. – № 3. – С. 262–284.
3. «Итоги». – 2005. – № 14.
4. Конвенция ООН 1951 г. и Протокол к ней 1967 г. «О статусе беженцев» определяют категории мигрантов и их положение.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. – М., 2009.
6. Россия в цифрах 2010. – М., 2010.
7. Тюрюканова Е. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию. – «Диаспора». – 2005, № 1.

3. По официальным данным, доля иностранной рабочей силы в России пока невелика и составляет примерно 0,5%. Однако реально она доходит до 5–7%, что соответствует уровню таких стран как Бельгия, Франция, Швеция. В большинстве принимающих стран доля иностранцев в общей численности работников возрастает с начала 1980-х годов. К середине 1990-х она составила в Германии – 9,1%, в Австрии – 10, в Швейцарии – 17,9% [7, с. 51, 56].

4. Трудового договора и разрешения на работу в России не имеют 3/4 трудовых мигрантов (Тюрюканова Е. Гендерные аспекты трудовой миграции из стран СНГ в Россию [7, с. 49]).

8. *Шагаль В.* Об арабо-мусульманских диаспорах в Европе и Северной Америке (по материалам арабской прессы и личным наблюдениям). – «Диаспора». – 2005. – № 1. – С. 188–207.

9. *Щепаникова А.* Беженство как вызов семейным устоям (чеченцы в чешском «центре размещения»). – «Диаспора». – 2005. – № 1, 2. – С. 65–82.

Н.В. Сорокина

**РУССКИЕ И НЕМЦЫ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ СТУДЕНТОВ**

Сорокина Наталья Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии и лингводидактики Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

Этнические (национальные) стереотипы являются составными элементами в структуре выработанных человечеством механизмов взаимодействия культур и социализации личности внутри какой-либо национальной культуры. Они играют важнейшую роль в формировании этнической идентичности и существенным образом влияют на эффективность межкультурной коммуникации, когда встречаются представители разных этнических общностей. Образ чужой группы, как правило, называют гетеростереотипом, а образ своей группы – автостереотипом. О последнем и пойдет речь в данной статье¹.

Этнические автостереотипы, входя в качестве одного из важнейших элементов в структуру национального самосознания, влияют на многие процессы как внутренней жизни общества, так и на межнациональные отношения. Несмотря на чрезвычайную устойчивость, стереотипы все-таки подвержены изменениям и потому нуждаются в постоянном мониторинге. Особенно актуальным исследование автостереотипов стало в условиях постсоветской трансформации российского общества, когда многие жители России оказались в поиске новой этнической идентичности, новых ценностей, новой национальной идеи.

Следует отметить, что в истории изучения стереотипов, берущей свое начало в 20-х годах XX в., автостереотипы несколько реже становились объектом исследований, чем гетеростереотипы. Что касается автостереотипов

1. Исследование в ФРГ было проведено при финансовой поддержке Немецкой службы академических обменов и Министерства образования и науки РФ (программа DAAD «Иммануил Кант» 2008, проект РНП 2.2.2.3. 16226).

русских, то за последние десятилетия (большой частью в конце 80-х – начале 90-х годов XX в.) им был посвящен ряд работ. Описание содержания автостереотипа русских (перечень конкретных качеств, приписываемых своей группе) можно найти в трудах Ю.В. Арутюняна [2], С.Г. Стефаненко [16], З.В. Сикевич [11; 12] и других отечественных исследователей [1; 3; 4; 5; 7; 9; 10; 17; 18]. Автостереотипы немцев, ставшие вторым предметом нашего исследования, изучены в меньшей степени. Список выявленных автостереотипных характеристик нам удалось обнаружить лишь в нескольких публикациях [4; 18; 21; 22]. Необходимость дальнейших исследований в этом направлении обусловлена важностью социально-экономических и культурных связей России и Германии, потребностью повышения эффективности русско-немецкой межкультурной коммуникации.

Методика исследования

С целью выявления современных этностереотипных представлений русских и немцев нами была проведена серия исследований в период с 2000 по 2011 г. Результаты исследования гетеростереотипов частично опубликованы [14; 15]. В данной статье представлены только результаты исследования автостереотипов. В качестве респондентов выступали в 2008 г. студенты университета г. Бохум (ФРГ, 61 человек) и в 2011 г. студенты Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (100 человек). В выборку были включены только те студенты, которые в графе «национальность» написали «русский» (в России) или «немец» (в Германии). Исследование проводилось анонимно, на родном для респондентов языке (русском или немецком соответственно). Средний возраст респондентов составил в немецкой выборке 24,5 года (мин. 21, макс. 31), в российской выборке 19,2 лет (мин. 17, макс. 26). Разница в возрастных показателях объясняется структурными различиями в системе образования России и Германии, благодаря которым средний возраст студентов в Германии несколько выше, чем в России.

Первым этапом каждого исследования был опрос в виде получения свободных описаний – ассоциаций, вызванных словом-стимулом. Задание звучало следующим образом: «Что приходит Вам в голову, когда Вы слышите следующие слова? Запишите свои ассоциации в течение 1 минуты». Словами-стимулами являлись слова «Россия», «русские» (в российской аудитории) и «Германия», «немцы» (в немецкой аудитории). Слова-стимулы предъявлялись последовательно по одному, количество слов-реакций не ограничивалось. Указанные выше стимулы были даны после того, как респонденты записали свои ассоциации о другой культуре. Такая последовательность стимулов провоцировала респондентов к противопоставлению гетеро- и автостереотипов, что соответствует естественным процессам их формирова-

ния и функционирования. Как показывают этнопсихологические и этносоциологические исследования, авто- и гетеростереотипы представляют собой единую систему и формируются в связке и взаимообусловленности [13; 19]. У каждого человека формируется определенный образ своего народа («мы такие») и образы других народов («они такие», как правило, другие). Таким образом, в нашем опросе образ «мы» исследовался на фоне образа «они».

Выбранный метод исследования «подталкивает» испытуемых к фиксации именно стереотипных представлений. Вместе с тем использованная методика позволяет, на наш взгляд, вскрыть глубинный пласт социальной информации, которую студенты усвоили в отношении своей этнической группы в процессе их социализации в современном обществе. При этом давление на участников опроса минимизировано (по сравнению с методиками закрытого типа, где респонденты вынуждены выбирать определенные характеристики из списка предложенных).

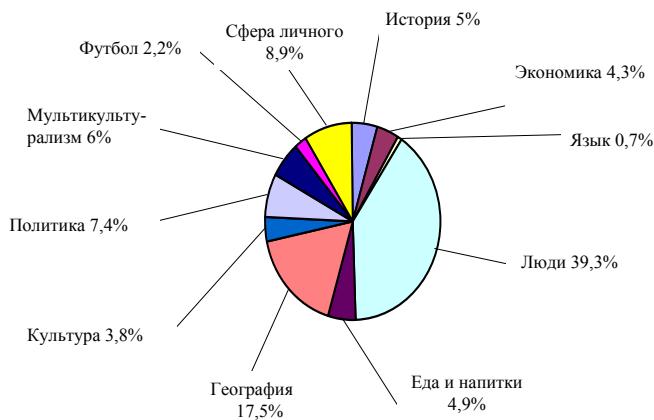
Результатом опроса стали своеобразные «психологические портреты» родной для респондентов страны и народа. Всего было получено 355 слов-реакций на стимул «Россия», 274 – на стимул «русские» в российской аудитории, 257 слов-реакций на стимул «Германия» и 189 – на стимул «немцы» в немецкой аудитории. Общий массив слов-реакций составил 629 – в российской и 446 – в немецкой аудитории. Собранные данные были подвергнуты контент-анализу, включавшему в себя выявление наиболее частотных ассоциаций к словам-стимулам², группировку ассоциаций по тематическому признаку и определение массовой доли каждой группы ассоциаций. В данной статье представлены результаты только тематического анализа ассоциаций.

Результаты тематического анализа ассоциаций и их обсуждение

Группировка зарегистрированных слов-реакций по тематическому признаку была сделана для того, чтобы выяснить, какие области действительности, как и в какой мере отражены в представлениях русских и немцев о себе. Для сравнимости результатов в российской и немецкой выборках количественные данные по каждой ассоциации и каждой тематической группе представлены в процентах от общего числа полученных слов-реакций. Результаты тематического анализа представим сначала в сжатой и наглядной форме в виде диаграмм 1–2, где N – это общее число слов-реакций на слова-стимулы.

2. Статья, посвященная результатам анализа частотности ассоциаций, принята к публикации в «Известия Саратовского университета». Сер.: Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – № 2.

Диаграмма 1. Немцы о своей стране и народе (2008 г.)
Распределение ассоциаций (N=446)
по тематическому признаку

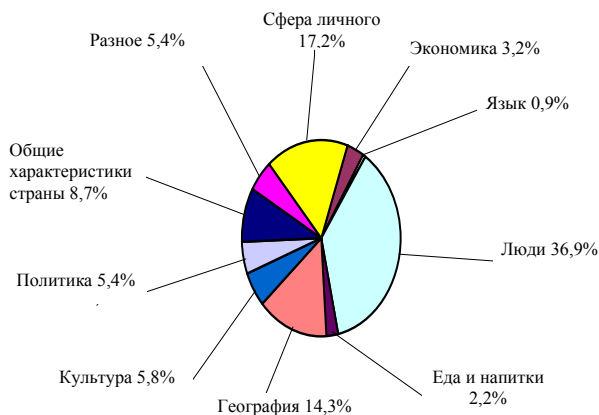

Как показано на диаграммах 1–2, наибольшее число слов-реакций приходится на рубрику «Люди». Помимо общих характеристик населения своей страны респонденты в ассоциациях описывали внешность представителей своего народа и черты национального характера. Русские описывают себя как *красивых, светло-русых, голубоглазых, белокожих*. Немцы наряду с позитивными и нейтральными характеристиками внешности (*высокие, светлокожие, голубоглазые, естественные – немного косметики у женщин*) называют и негативно оцениваемые особенности – *некрасивость, тучность, мужчины с пивным животом*. Доля ассоциаций о внешнем виде невелика (1,4–2,4% от общего числа слов-реакций).

Основную массу ассоциаций, связанных с людьми своей нации, составляют различные качества, ассоциируемые с ними (26,4% в российской выборке и 35,6% – в немецкой). Примечательно, что русские респонденты дают почти в 3,5 раза больше положительных характеристик своего народа (20,3%), чем отрицательных (6,1%), что является естественным для автостереотипа. В немецкой же выборке ситуация иная: доля отрицательных черт (19,5%) в 1,2 раза превышает долю положительных характеристик (15,9%).

Рассмотрим названные черты национального характера более подробно. Сначала перечислим их в порядке убывания частоты упоминаний в анкетах респондентов.

Диаграмма 2. Русские о своей стране и народе (2011 г.)
Распределение ассоциаций (N=629)
по тематическому признаку

Российские респонденты называют 53 позитивных качества русских: *добрые, патриотичные, сильные, смелые, гостеприимные, веселые, мужественные, с юмором, щедрые, непобедимые, победители, с широкой душой, великодушные, отзывчивые, находчивые, с нестандартным мышлением, простые, обладающие характером, умные, терпеливые, открытые, радужные, благородные, с большим сердцем, верные, дружелюбные, душевные, богатыри, могучие, готовые к подвигу, с волевым характером, сентиментальные, эмоциональные, все за одного и др.* Список отрицательных качеств русских значительно короче (15 качеств): *алкоголики, ленивые, грубые, неотчетливые, непунктуальные, безбашенные, злые, не всегда отзывчивые, некультурные и др.*

Немецкие респонденты среди ассоциаций, выражающих положительные черты немецкого национального характера, называют 33 качества: *пункту-*

альные, любят порядок, прилежные, ориентированы на безопасность, открытые, любезные, сознательные, корректные, любят путешествовать, дружелюбные, прямые, очень дисциплинированные, гостеприимные, великодушные, организованные, трудолюбивые, аккуратные, точные, ответственные, надежные, любят качество, делают все по правилам, рациональные, очень деловые, принципиальные, перфекционисты, целеустремленные, серьезные, экономные и др. Количество названных отрицательных качеств немцев существенно больше – всего 53 качества: бюрократичные, холодные, мещане, замкнутые, закрытые, педантичные, много жалующиеся, вялые, озабоченные, слишком самоуверенные, упрямые, гневные, скупые, надменные, мелочные, недружелюбные, глупые, зажатые, дистанцированные, консервативные, скучные, скептические, недоверчивые, эгоистичные, безынициативные, ленивые и др. Если сгруппировать близкие по значению негативные характеристики, то выявляется одна весьма существенная черта, приписываемая немцами самим себе – это *недовольство* своей жизнью. В эту группу качеств входят следующие ассоциации: *много жалуются, привередничество, брюзжание, нытики, ворчливые, пессимистичные, недовольные, в плохом настроении, депрессивные, подавленные, угрюмые*. Если суммировать эти ассоциации, то их доля составит 2,9% от всех слов-реакций, что достаточно много. *Недовольство* как типичная черта выходит на второе место после *пунктуальности* (3,2%) в автостереотипе немцев.

Если проанализировать структуру автостереотипных представлений респондентов, используя перечень национально-психологических особенностей, предлагаемый В.С. Кукушиным и Л.Д. Столяренко [8, с. 106], то можно выделить следующие доминирующие в автостереотипе блоки качеств. В **автостереотипе русских** ведущими являются **позитивные коммуникативные** качества, например *доброта, добродушие, гостеприимство, щедрость, великодушие, широта души, открытость, верность, дружелюбие* и др. (всего 20 качеств). К этой же группе качеств относится и коллективизм русских, представленный целым рядом ассоциаций, например *все за одного, вместе, отзывчивость, поддержка друг друга, солидарность, единство*.

Следующим важным блоком в автостереотипе русских респондентов являются **положительные волевые** качества (выражающие устойчивость и длительность волевых усилий) – *непобедимые, упорные, терпеливые, с волевым характером, сильные, смелые, мужественные, отчаянные, русские не сдаются* и другие ассоциации (всего 15 качеств). Далее следуют **положительные эмоциональные** качества – *веселые, душевные, оптимистичные, патриотичные, эмоциональные, экспрессивные* и др. (всего восемь качеств).

Группу интеллектуальных качеств в автостереотипе русских значимой назвать нельзя (всего пять качеств), интересен, однако, сам характер приписываемых русским характеристик: *находчивость, нестандартность мышления, неординарность, изобретательность, творчество*. Все названные качества этой группы относятся к положительным характеристикам мышления людей своей нации.

Что касается структуры **автостереотипа немецких респондентов**, то в нем явно доминируют **положительные мотивационно-фоновые** качества (выражающие характер осуществления деятельности и специфику отношения к ней), например: *пунктуальные, любят порядок, дисциплинированные, организованные, ответственные, надежные, сознательные, корректные, аккуратные, точные, очень деловые, трудолюбивые, прилежные, целеустремленные* и др. (всего 21 качество). К этой же группе относятся и семь отрицательных качеств: *бюрократичные, педантичные, озабоченные, хотят контролировать, рабочие лошадки, живут, чтобы работать, а не работают, чтобы жить*. На наш взгляд, эти качества являются не чем иным, как гипертрофированными вариантами вышеупомянутых позитивных мотивационно-фоновых качеств. Что есть бюрократизм и педантичность как не возведенная в культ приверженность к порядку? А трудоголизм, разве это не доведенное до крайней степени трудолюбие? Иными словами в когнитивном компоненте это те же самые черты, негативным является лишь эмоциональный компонент их значения.

Следует упомянуть, что российские респонденты тоже назвали семь отрицательных мотивационно-фоновых качеств русских: *ленивые, неответственные, непунктуальные, безбашенные, надеются на авось* и др. Как видим, эти качества совершенно иного плана, они являются противоположными типичным для немцев чертам. Возможно, именно сравнение себя с немцами и противопоставление им, к которому мы и подталкивали респондентов с помощью определенной последовательности слов-стимулов при проведении опроса, и вызвали у русских респондентов эти ассоциации. Подтверждением этого предположения являются некоторые ассоциации, где сравнение присутствует эксплицитно, например *русским стоило бы поучиться дисциплине у немцев*.

Возвращаясь к автостереотипу немецких респондентов, назовем следующий по значимости блок качеств в его структуре. Это **отрицательные коммуникативные** качества: *холодные, замкнутые, закрытые, скупые, надменные, скептические, недоверчивые, эгоистичные, мелочные, недружелюбные, зажатые, дистанцированные* и другие качества (всего 19). Называются и позитивные коммуникативные качества, но их в 2 раза меньше, что делает их гораздо менее значимыми в общей картине автостереотипных представлений. Далее следует группа **отрицательных эмоциональных**

качеств (всего 17). К ней относятся разные характеристики *недовольства*, примеры которых уже были приведены выше, а также такие ассоциации, как *мало патриотичные, гневные, постоянно в стрессе* и др.

Среди волевых качеств немцы называют лишь несколько отрицательных свойств: *вялые, инертные, безынициативные, довольствуются тем, что есть* (заметим, что эти качества противоположны волевым качествам, названным русскими респондентами, и по сути обозначают отсутствие или слабую выраженность волевых усилий) и *упрямые* (как негативный вариант упорства). Малочисленность этих ассоциаций свидетельствует о том, что волевые качества не играют существенной роли в автостереотипе немцев.

Группа интеллектуальных качеств в автостереотипе немцев также мала. Немцы называются, например, *рациональными, размышляющими*. Большинство названных качеств этой группы относятся к положительным характеристикам мышления людей своей нации (исключение составляет единичная ассоциация *глупые*).

Что касается познавательных качеств (отражающих активность восприятия, яркость воображения, концентрацию внимания), то их не называют ни русские, ни немецкие респонденты.

Проведенный анализ приписываемых своему народу качеств позволяет сделать вывод о том, что автостереотип русских имеет ярко выраженный позитивный характер, а в автостереотипе немцев отрицательные характеристики преобладают над положительными.

Выявленное в автостереотипе немецких респондентов соотношение негативных и позитивных качеств является нетипичным. Мы уже упоминали выше, что для автостереотипа нормальным и естественным является преобладание позитивных характеристик, что обусловлено целым рядом важных функций стереотипов. Прежде всего, к этим функциям относятся защитные (защита от чувства страха и самокритики, стабилизация чувства собственного достоинства) и функции межгрупповой дифференциации, также связанной с поднятием престижа собственной группы [20]. По данным проведенного опроса, эти тенденции не так сильны в автостереотипе немцев. На это указывают, в частности, и некоторые высказывания самих респондентов: *немцы недооценивают себя; мы чувствуем себя хуже, чем мы есть; у немцев проблема с собственной идентичностью; немцы мало патриотичны, у них мало национальной гордости*. Результаты проведенного опроса в целом подтверждают мнение этих респондентов.

Помимо ассоциаций с чертами национального характера в общей массе полученных слов-реакций можно выделить и другие относительно большие тематические группы (см. диагр. 1–2). В российской выборке следующим по значимости сегментом после рубрики «Люди» является «Сфера личного»

(17,2% от общего числа слов-реакций). Сюда мы включили все ассоциации, в которых респондент связывает название страны или народа с собой, со своей личностью, со своими чувствами. В российской выборке это такие ассоциации, как *Родина (моя Родина, 7,1%), мы, любовь, гордость (это звучит гордо), Отечество, соотечественники (сограждане), родная страна, страна (где я родилась, где живу, моя, наша), я, дом, наши!, свои, родные, мама, моя, родное село, любимая страна, жалость, уважение, страна, которую я уважаю, но которая меня мало устраивает своей неорганизованностью почти во всем* и др. Отметим, что ассоциация *Родина* является самой частотной ассоциацией русских респондентов к слову «Россия». Почти каждый второй студент указал именно это слово в качестве реакции на слово-стимул, часто это была первая реакция.

Примерно такие же ассоциации возникали и у немецких респондентов, но их количество (8,7%) в 2 раза меньше, чем в российской выборке. Есть некоторые отличия и в содержании ассоциаций этой группы. У немецких респондентов не возникали ассоциации с коллективным образом «мы» (лишь единичная ассоциация *соотечественники*, ср. у русских – *мы, соотечественники, сограждане, свои, родные, наши!*, всего 2,8% слов-реакций). Отличия наблюдаются также и в описании чувств. Только два респондента написали: «*Чувствую себя хорошо (fühle mich wohl, имеется в виду в Германии)*». Русские же респонденты указали в качестве ассоциаций такие чувства, как *любовь, гордость, уважение, жалость*. Обобщая количественные и качественные показатели ассоциаций, относящихся к сфере личного респондентов, можно предположить, что русские респонденты имеют более тесную и субъективно более значимую личностную связь с родной культурой и более склонны к эмоциональному выражению своих чувств к ней.

Чувства и эмоциональные оценки русских респондентов нашли свое выражение и в ассоциациях, отнесенных нами к группе «**Общие характеристики страны**» (8,7% всех слов-реакций). Подавляющее большинство ассоциаций этой рубрики имеют позитивный оценочный компонент: *держжава, великая страна, сила, душа (русская душа), красивая (красота), что-то светлое, свобода, защита, могущественная, мощь, непобедимая, мир, светлое будущее, что-то хорошее, честное* и др. Отрицательных ассоциаций всего три: *дураки-дороги, страна дураков, грязная (грязные улицы)*. В немецкой выборке лишь один респондент дает Германии общую оценку *классная страна*, поэтому мы не выделили отдельной рубрики «Характеристики страны» на диаграмме 1. Можно сказать, что эта группа ассоциаций специфична для российской выборки. Следует, однако, оговориться, что в данную рубрику вошли только ассоциации общего характера, не связанные с политикой или экономикой стран (последние также содержат оценочные ассоциации, но были выделены в отдельные рубрики).

Так, в российской выборке среди ассоциаций о **политике**, политической системе наряду с нейтральными есть достаточно много слов-реакций негативного характера: *несправедливость, нелепые законы, ужасное правительство, коррупция, отсутствие демократии, фиговая судебная система* (многие из них повторяются). В них выражается скорее отношение к государству, к власти, а не к стране в целом. Понятия «государство» и «Родина» традиционно разделяются в сознании россиян, и отношение к ним может быть противоположным (чаще это нелюбовь к государству и любовь к родной стране).

В политических ассоциациях немецких респондентов преобладают нейтральные и позитивно окрашенные слова-реакции: *демократия* (одна из высших ценностей немецкого общества), *либеральная, ясные, четкие структуры, правила и законы, социальное государство, много преимуществ благодаря гражданству, политически более открытая, чем Россия, свобода мнений (относительно) – лучше, чем в России* и др. Последние два примера являются единственными среди автостереотипных ассоциаций, в которых мы видим эксплицитное сравнение Германии с Россией.

В рубрике «**Экономика**» в российской выборке доминируют ассоциации негативного характера, представленные иногда в виде весьма резких выражений: *бардак, беднота, беспредел, безалаберность, разруха, нищета, беспорядок, бомжи, плохие условия жилья* и др. Положительными можно считать лишь несколько ассоциаций с богатыми сырьевыми ресурсами России. Ассоциации немецких респондентов отражают гораздо более благополучную экономическую ситуацию в Германии и носят положительный характер: *благополучное состояние, богатая, избыток, развитая страна, хорошее развитие (после Второй мировой войны), хорошая промышленность*. Зарегистрировано всего две ассоциации, отражающие проблемы экономического плана: *безработица и пробки*.

И в российской, и в немецкой выборках достаточно большое количество слов-реакций относится к сфере **географии** (14,3% и 17,5%). У немецких респондентов чаще, чем у русских возникают ассоциации с конкретными географическими точками на карте страны, городами, регионами, морями. Ассоциации немцев в целом нейтральны (исключения: *плохая погода и красивые ландшафты*). Среди ассоциаций русских респондентов бросаются в глаза поэтичные выражения, касающиеся размеров и природы России, такие как: *необъятные, бескрайние, родные просторы, бесконечные, нетронутые леса*. Встретились и две негативные ассоциации: *загубленная экология и мусор*.

Что касается рубрик «**Культура**», «**Еда и напитки**» и «**Язык**», то включенные в них ассоциации носят в основном нейтральный характер и очень разнородны. Кроме ассоциаций русских респондентов *водка* (1,4%) и немец-

ких респондентов *пиво* (2,6%) практически нет других выделяющихся на общем фоне ассоциаций.

Гораздо более интересными и информативными являются рубрики, не имеющие соответствия в ассоциациях респондентов из другой страны. Для российской выборки такой специфической группой ассоциаций является рубрика «Общие характеристики страны», о чем уже было сказано выше. Для немецкой выборки – это рубрики «Мультикультурализм», «История» и «Футбол». 6% слов-реакций немецких респондентов указывают на мультикультурность Германии и различные аспекты межкультурной коммуникации, например: *разные культуры, разнообразная, разные, страна иммиграции, мультикультурная, любима не членами Евросоюза, очень любима мексиканцами*. Указываются такие проблемы межкультурного характера, как *возрастающий расизм, предрассудки, стереотипы, этноцентризм, претензия на то, чтобы быть толерантными*. Примечательно, что некоторые немецкие респонденты не стали записывать какие-либо характеристики национального характера и вообще что-либо в качестве ассоциаций к слову-стимулу «немцы», а написали лишь, что *немцев не бывает, (как и русских не бывает) или разве бывают немцы (?)*. Причем эти ассоциации были повторяющимися. На наш взгляд, содержание и количество ассоциаций группы «Мультикультурализм» позволяют говорить о сравнительно высоком уровне развития межкультурного сознания немецких студентов.

Следующей специфичной для немецких респондентов группой ассоциаций является «История» (5%). Немцы ассоциируют свою страну и народ со *Второй мировой войной, нацистами, Третьим рейхом, уничтожением евреев* и этнополизмом «*краутс*» (*пренебрежительно о немцах со времен войны*). Другой темой для ассоциаций исторического плана является *объединение Германии*. В российской выборке ассоциаций с историей России крайне мало (0,5%), поэтому они не выделялись в отдельную рубрику, а вошли в сегмент «Разное» на диаграмме 2.

Небольшой в количественном выражении, но все-таки значимой сферой в автостереотипных представлениях немцев является «Футбол». Удельный вес связанных с ним ассоциаций составляет 2,2% от всех слов-реакций, что позволяет представить эту тему в виде отдельного сегмента диаграммы 1. Футбол в Германии является сферой национальной гордости. Немцы *охотно смотрят футбол* и гордятся своей *национальной футбольной сборной*. Один из немецких респондентов считает, что именно успехи в футболе стали причиной роста патриотизма в непатриотичной Германии (*больше национальной гордости со времен чемпионата мира по футболу 2006 г.*).

Завершив тематический анализ автостереотипных представлений и рассмотрев все группы ассоциаций, мы можем констатировать, что большинство из них являются общими для российской и немецкой выборок.

Обобщение результатов и выводы

Результаты проведенного опроса позволяют сформулировать следующие выводы:

1. *Ядром автостереотипа русских являются коммуникативные, волевые и эмоциональные качества. Автостереотип русских имеет ярко выраженный позитивный характер. Важнейшие черты в структуре автостереотипа – доброта, сила, смелость, патриотизм.*

Выделенные национально-психологические особенности коррелируют с основными ценностями русской культуры, которая относится к коллективистским, высококонтекстным, аффективным культурам. Стремление к соборности, поддержанию коллективизма, развитию межличностных отношений, необходимость ориентации в многочисленных нюансах этих отношений требуют развитых коммуникативных качеств. В русской культуре важную роль играет эмоциональность, приветствуется вербальное и невербальное проявление чувств (прикосновения, жестикуляция, мимика), что также, вероятно, связано с высокой ценностью отношений. Волевые качества исторически, да и на современном этапе совершенно необходимы русскому народу для выживания в суровых климатических условиях, для экстремального земледелия и освоения огромных пространств. Этими же условиями жизни народа обусловлена и ценность коллективизма, ведь постоянно преодолевать эти трудности возможно лишь коллективно, «всем миром».

Если сопоставить полученные результаты с данными других известных нам исследований автостереотипа русских, проведенных в период с 1987 по 2011 г. [1; 3; 4; 5; 7; 9; 10; 17; 18], то обнаруживается много общих позиций. Большинство исследований констатируют преимущественную положительную окраску автостереотипа русских. Среди качеств, приписываемых русскими своему народу, совершенно очевидно доминирует *доброта*. Это качество занимает первую строчку в рейтинге названных черт во многих исследованиях. Складывается впечатление, что доброта является одним из центральных концептов русской культуры в целом. Следующими лидирующими качествами, по данным опросов, являются *щедрость* и *гостеприимство*. Чаше других называются также *открытость*, *веселость* и *терпение* русских. Среди негативных черт доминируют *пьянство*, *лень* и *безалаберность / безответственность*. Сопоставление данных указанных исследований в диахроническом аспекте позволяют утверждать, что все названные положительные и отрицательные качества являются устойчивыми элементами автостереотипа русских и их можно считать глубинными стереотипами.

2. В автостереотипе немцев доминируют положительные мотивационно-фоновые, отрицательные коммуникативные и отрицательные эмоциональные качества. В целом отрицательные характеристики преобладают над положительными. Главными чертами являются пунктуальность, холодность и недовольство.

Такая структура автостереотипа не является типичной. Рассуждая о возможных причинах преобладания негативного в автостереотипе немцев, мы пришли к выводу об исторической обусловленности этого явления. Во времена национал-социализма в Германии господствовал культ национальной гордости, возвеличивания собственной нации над другими, культ арийской (высшей) расы, принявший, как известно, ужасные, катастрофические формы. После уничтожения гитлеровского режима и разоблачения его преступлений на немцев обрушилось чувство вины за содеянное, по Германии прокатилась волна самоубийств, наступил кризис этнической идентичности. Динамику национального самосознания немцев в тот период можно сравнить с движением маятника – из одной крайности в другую. До сих пор проблема преодоления прошлого (Bewältigung der Vergangenheit) является важной в немецком обществе. Большую роль в развитии кризиса национального немецкого самосознания сыграли и направленные извне ненависть и нелюбовь к немцам со стороны других народов. На важный след фашистского прошлого Германии в национальном самосознании немцев указывает А.Г. Здравомыслов, цитируя многих респондентов своего исследования. Так, например, профессор Э. Штельтинг в интервью А.Г. Здравомыслову отметил следующее: «Чувство позора, доставшееся от прошлого, объясняет, почему значительная часть немцев не любят немецкую культуру, немецкий язык и самих себя» [6, с. 98].

В современной Германии даже намек на возвышение своей нации является табу. Само слово «национальный» стало если не табузированным, то неприемлемым во многих контекстах. До недавних пор даже активно болеть за свою национальную сборную с шумными народными гуляниями на улицах в честь ее победы было непринято. Эта ситуация начала меняться, по-видимому, лишь недавно – во время чемпионата мира по футболу 2006 г.

За последние десятилетия борьба с явлениями этноцентризма, воспитание подрастающего поколения в духе толерантности и мультикультурализма дали ощутимые плоды. В Германии как-то не принято публично «нахваливать» свой народ, «ругать» другие народы. Подобные действия чреваты обвинениями в расизме, фашизме. Там не политкорректно рассказывать анекдоты, употреблять негативно окрашенные слова и выражения о других национальностях даже в узком кругу друзей, где нет представителей этих национальностей, что вполне допустимо в России. Многие устойчивые

выражения с «национальным» компонентом, типа «французская болезнь» о сифилисе, устаревают, и современные носители немецкого языка уже не знают их значения. Любые проявления интолерантности являются социально неодобряемыми.

Указанные обстоятельства и стали, на наш взгляд, причиной того, что немецкие участники проведенного опроса так мало хвалили и так много критиковали свой народ. Сложно сказать, насколько искренними они были. Возможно, такое сложное отношение к собственному народу, действительно, глубоко укоренено в их сознании, или они неосознанно записали в своих анкетах только то, что социально приемлемо в Германии.

Сопоставляя полученные результаты с данными известных нам немногочисленных исследований автостереотипа немцев [4; 18; 21; 22], мы обнаружили, что при использовании опросов открытого типа [21; 22] ведущими качествами, приписываемыми немцами самим себе, так же как и в нашем исследовании, становились мотивационно-фоновые черты, такие как *пунктуальность, прилежание / усердие, аккуратность, точность, трудолюбие*. Последнее качество занимает важную позицию и при использовании психо-семантических методик [18]. На наш взгляд, это говорит о принадлежности этих мотивационно-фоновых качеств к осознаваемым стереотипам и социально весьма значимым характеристикам немецкого народа. Что касается соотношения положительных и отрицательных характеристик, то явного преобладания одних над другими в указанных исследованиях установлено не было. При этом доля негативных характеристик все-таки была достаточно велика.

3. Автостереотип русских более позитивен, чем автостереотип немцев.

Этот вывод согласуется с данными, полученными Г.С. Шляхтиным и С.В. Давыдовым при использовании эксплицитного метода (использованный нами метод исследования также относится к прямым, эксплицитным методам): «Положительные черты существенно больше представлены в самооценке русских по сравнению с самооценкой немцев» [18, с. 146]. Исследователи использовали также и имплицитные методы, позволяющие выявлять, возможно, неосознаваемые, скрываемые или маскируемые стереотипы. В этом случае самооценка немцев была гораздо более позитивной, чем при использовании эксплицитных методов. Мы считаем, что это свидетельствует в пользу нашего предположения о социальной нежелательности предпочтения собственной этнической группы другим в современной Германии. При этом имплицитно, «в глубине души» немцы все-таки достаточно позитивно оценивают собственную этническую группу, не демонстрируя этого явно, а возможно и не осознавая этого. Заметим, что в исследовании Г.С. Шляхтина и С.В. Давыдова [18] самооценка русских

была высокой как при эксплицитном, так и при имплицитном методах исследования.

Литература

1. Аксянова Г.А., Давыдова С.С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников (на примере русских и армян). – М., 2003. – 36 с.
2. Арутюнян Ю.В. Русские: Этносоциологические очерки. – М., 1992. – 464 с.
3. Гончарова В.А. Методика преодоления национальных социокультурных стереотипов в обучении иностранным языкам (языковой вуз, старший этап): Дис. ...канд. пед. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 229 с.
4. Давыдов С.В. Динамика изменения этнических стереотипов русских и немцев за прошедшие полтора-два десятилетия // Вестник нижегородского университета им. Н.Г. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 36–44.
5. Денисенко М.В. Роль этнических стереотипов в поиске русскими новой этнической идентичности в условиях постсоветской трансформации: Автореф. дис. ...канд. социол. наук. – М., 1999. – 25 с.
6. Здравомыслов А.Г. «Немцы о русских на пороге нового тысячелетия»: Отрывки из книги // Социальная реальность. – 2006. – № 5. – С. 90–98.
7. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. – М., 2002. – 448 с.
8. Кукушин В.С., Столяренко Л.Д. Этнопедагогика и этнопсихология. – Ростов-на-Дону, 2000. – 448 с.
9. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград, 2003. – 399 с.
10. Постоенко И.А. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Современные исследования социальных проблем: Материалы III Общероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вып. 2. – Красноярск, 2011. – С. 86–88.
11. Сикевич З.В. Русские: «Образ» народа (социологический очерк). – СПб., 1996. – 152 с.
12. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. – СПб., 1999. – 203 с.
13. Солдатова Г.У. Межэтническое общение: Когнитивная структура этнического самосознания // Познавание и общение. – М.: Наука, 1988. – С. 111–125.
14. Сорокина Н.В. Немцы и русские глазами друг друга: Содержание современных гетеростереотипов // В мире научных открытий. – 2010. – № 4 (10). Часть 12. – С. 153–155.
15. Сорокина Н.В. Россия и русские глазами немцев: Проблемы стереотипного восприятия // Вестник гуманитарного института ТГУ. – Тольятти, 2010. – Вып. 1 (7). – С. 175–179.
16. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М., 1999. – 320 с.
17. Чеснокова Н.В. Этнические стереотипы в среде российских студентов // Межэтническая интеграция: История, современность, перспективы. Материалы конференции молодых ученых. – М., 2008. – С. 337–341.
18. Шляхтин Г.С., Давыдов С.В. Соотношение имплицитных и эксплицитных этнических стереотипов у русских и немцев // Вестник нижегородского университета им. Н.Г. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2006. – № 1. – С. 137–150.
19. Этносоциология: Учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизева, А.А. Сусоколов. – М., 1999. – 271 с.

20. Güttler P.O. Sozialpsychologie: Soziale Einstellungen, Vorurteile, Einstellungsänderungen. – München, Wien, 2003. – 352 S.

21. Noelle-Neumann E., Köcher R. Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie 1998–2002. – München, 2002. – 532 S.

22. Rösch O. Mit Stereotypen leben? Wie Deutsche und Russen sich heute sehen // Interkulturelle Kommunikation in Gesellschaftsbeziehungen zwischen Russen und Deutschen: Beiträge aus Wissenschaft und Praxis zum 2. Wildauer Workshop «Interkulturelle Kommunikation». – Berlin, 1999. – S. 141–148.

Л.С. Лыкошина

ДОНАЛЬД ТУСК – ЛИБЕРАЛ ВО ВЛАСТИ

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук,
главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

В мае 2012 г. в польской столице происходило нечто необычное: здание Сейма было заблокировано представителями «Солидарности». Члены профсоюза выражали свой протест против попыток Сейма принять новый закон о пенсионном обеспечении, по которому пенсионный возраст увеличивался, и весьма существенно, – до 67 лет. Инициатором изменения пенсионного законодательства явилось правительство, возглавляемое Д. Туском, так горячо поддерживавшим в годы своей юности идеалы оппозиционного движения. Профсоюз вновь в оппозиции, но Д. Туск – во власти. Времена изменились, изменилась и Польша.

В непростую историю III Речи Посполитой (а именно так именуется нынешняя Польша, усматривающая свою предшественницу во II-й, межвоенной Речи Посполитой и пытающейся забыть как страшный сон социалистическую Речь Посполитую) Туск вписал свое имя как уникальный политик, сумевший 2 раза подряд возглавить правительство и обеспечить долговременное политическое лидерство возглавляемой им партии «Гражданская платформа» (ГП). Ему не помешали ни экономический кризис, ни наводнение 2010 г., ни смоленская трагедия 10 апреля того же года, ни яростные нападки основного политического конкурента – партии «Право и справедливость», возглавляемой Я. Качиньским. Путь к успеху был не триумфальным шествием, а трудной борьбой, но Туск победил, и хотя в настоящее время (2012) над головой победителя сгущаются тучи, а успех в политике не бывает вечным фигура «дважды премьера» Польши, несомненно, заслуживает внимания.

В биографии Туска много необычного. Начиная с имени, весьма редкого в Польше. Но выбор именно этого имени – дань семейной традиции: так же звали и деда, и отца премьера. Детство Туска не было безоблачным: отец ра-

но стал инвалидом, много времени проводил дома и сурово наказывал сына за любую провинность. Туск признавался, что даже ощутил некоторое облегчение, когда отец умер (будущему премьеру было тогда 15 лет) и никогда не хотел вновь вернуться в детство [9, с. 5]. Семья Тусков – небогатая (отец Дональда был столяром, мать – медсестрой) коренная гданьская семья, члены которой ощущали себя именно гданьщанами и вместе с тем поляками, что было отнюдь не просто, как замечает сам Туск [11, с. 12].

Сложись история этого города по-другому, Дональду-младшему, родившемуся в 1957 г. наверное, не пришлось бы отбиваться кулаками от насмешек товарищей по дворовым играм, приехавшим в Гданьск после войны в результате переселенческой политики польских властей и изменения границ государства. Эти мальчишки ни минуты не сомневались в том, что они-то и есть настоящие поляки, а является ли таковым Дональд, еще неизвестно, тем более что дома у него звучала не только польская, но и немецкая речь – бабушка Туска по материнской линии была немкой.

«Непольскость» будущего премьера усиливалась еще одним «отягчающим обстоятельством» – среди его предков были кашубы, коренные жители Поморья. До 1939 г. едва ли не треть жителей Гданьска составляли кашубы, но гордиться этим или хотя бы декларировать свое кашубское происхождение было не принято. Некогда Туск писал, что его предки с гордостью говорили о себе «Ich bin Danziger». Один из его дедов на вопрос внука кем он, носящий кашубскую фамилию Давидовский, говорящий дома по-немецки, родившийся в Кёльне, а в 1945 г. выбравший Польшу, считает себя: кашубом, немцем или поляком, задумавшись, ответил, что он «местный», «biesege». Дональд Туск узнал о том, что он кашуб и что фамилия типично кашубская, уже в зрелом возрасте от Л. Бондковского, знатока и пропагандиста кашубской культуры. Польский премьер несколько не стесняется своих кашубских корней, интересуется кашубским языком и культурой; более того, по мнению Я. Качиньского, он «демонстративно подчеркивает свою кашубскость», в чем бдительный глава Пис усматривает опасность поощрения регионализма и дезинтеграции Польши.

Одним словом, с молодых ногтей Туску пришлось отстаивать право на собственную идентичность. Он с детства увлекался историей, к чему подтолкнуло юного Дональда чтение книги З. Косидовского «Когда солнце было Богом». Однако история Древнего мира, хотя интерес к ней Туск сохранил на всю жизнь, не стала его специальностью: в 1980 г. он закончил исторический факультет Гданьского университета, защитив магистерскую диссертацию посвященную роли прессы в формировании «легенды Ю. Пилсудского». Как не вспомнить о том, что и нынешний польский президент тоже историк и тоже писал дипломную работу о Пилсудском! Воистину прав Е. Гедройц, заметивший в свое время, что Польша «управляется двумя гробами» – Пилсуд-

ского и Дмовского. Правда, последний пользуется явно меньшей популярностью. Во всяком случае Туск в годы учебы не разделял увлечение некоторых своих друзей идеями Дмовского. Сфера национального и религиозного – не его стихия. Семья Тусков не отличалась глубокой религиозностью. Несмотря на это, в юности Дональд, по собственному его признанию, был искренне и глубоко верующим, придя к вере самостоятельно, но с годами религиозное рвение остыло. Неслучайно Туск обвенчался со своей женой¹ лишь несколько лет назад, после долгих лет совместной жизни и, как утверждали злые языки, не из религиозных, а из чисто прагматических соображений, стремясь заручиться поддержкой церкви. Он, недолюбливая клир, твердо уверен, что в Польше нельзя заниматься политикой, не придерживаясь традиционных, консервативных взглядов в вопросах религии [6, с. 23].

Не принимая социализм с юных лет, Туск почувствовал себя оппозиционером уже в 1970 г. во время рабочих протестов. Став старше, он тем не менее не вполне разделял идеи «Солидарности». Рабочее движение, профсоюзы, самоуправление не казались ему целью, которой можно посвятить жизнь. Более привлекательным представлялся едва ли не экзотический для Польши либерализм. Тяга к либерализму была чем-то вроде «философского шика». «За рюмкой водки, – вспоминает Туск, – мы одинаково увлеченно говорили как о девушках и футболе, так и о Сореле, Здзеховском² или Леви-Строссе. Нас объединяла некая неприязнь к Варшаве, которая была такой социалистической и КОРовской³. Возможно наш либерализм возник отчасти из чувства протеста гданьской интеллектуальной среды...» [2, с. 47].

Правда, Туск участвовал в деятельности «Солидарности», был штатным сотрудником одного из изданий профсоюза, но не принадлежал к числу лидеров движения или деятелей первого ряда, что спасло его от репрессий и интернирования.

От разговоров о либерализме Туск и его единомышленники перешли к делу, начав издание журнала «Пшеглэнд политычны», вокруг которого вскоре сплотился круг «гданьских либералов». Их целью было «возвращение к нормальной жизни, к традиционным ценностям общественного бытия», а не «перманентная революция» и «тотальное самоуправление» [11, с. 47]. Интересно, что с журналом сотрудничал будущий непримиримый соперник Туска –

1. Жена Туска Малгожата – также историк по образованию, мать двоих детей премьер-министра. По оценкам друзей и знакомых, ее влияние на супруга достаточно ощутимо и благотворно. Супруги являют собой вполне счастливую и гармоничную пару.

2. М. Здзеховский (1861–1938) – польский историк и публицист.

3. КОР – Комитет защиты рабочих. Организация демократической оппозиции, созданная в 1976 г.

Лех Качиньский – и молодые люди были во вполне хороших и дружеских отношениях.

Гданьский практицизм не только обуславливал мировоззренческий поиск, но и жизненный выбор. Определенная экономическая либерализация режима в 80-е годы создала возможности для предпринимательской деятельности. Нигде не возникло столько кооперативов, как на Побережье. В одном из таких кооперативов под названием «Светлик» трудился и главный редактор «Пшегленда политычного» Туск в качестве «промышленного альпиниста» (фирма занималась высотными ремонтно-строительными работами). Главой предприятия был М. Плажиньский, который впоследствии стал одним из отцов-основателей ныне правящей «Гражданской платформы». Эта рискованная работа давала неплохой заработок и была хорошей школой жизни и обретения навыков руководства людьми.

Но в 80-е годы «гданьские либералы» с их идеями демократического капитализма находились несколько в стороне от мейнстрима оппозиционного движения. Казалось, ничто не предвещало резких перемен в жизни Туска, но таковые произошли в 1988 г. В один прекрасный день «промышленного альпиниста» Туска, выполнявшего уже ставшей привычной работу высоко над землей призвал спуститься вниз его друг и коллега М. Вильк (ныне живущий на Крайнем Севере России польский писатель, один из немногих, пишущих о России любовью и симпатией) и сообщил о желании приехавшего в Гданьск З. Бжезинского встретиться с ним. С этого момента, вспоминает Туск, все стало происходить необыкновенно быстро: в течение нескольких месяцев он стал заместителем главного редактора «Газеты гданьской» – одной из первых частных газет в стране, одним из лидеров партии «Либерально-демократический конгресс» (ЛДК) и депутатом Сейма. Туск начал набирать политическую высоту. Это был непростой путь. Он пролегал через объединение ЛДК в 1994 г. с Демократическим союзом Т. Мазовецкого и создание новой партии «Союз свободы» (СС), через трудную коалицию СС с «Избирательной акцией “Солидарность”», через бесплодные попытки партий, «вышедших из “Солидарности”», достичь согласия, через горечь поражения после прихода к власти в 1993 г. социал-демократов. «Злость против политического бессилия», как замечает Туск, привела в 2001 г. к рождению новой партии «Гражданская платформа». У истоков партии помимо Туска стояли также А. Олеховский и М. Плажиньский. Очень скоро их окрестили в Польше «тремя тенорами». Ведущая партия в этом трио принадлежала Туску.

ГП не совсем традиционно определяла свое место на политической сцене: как это ни парадоксально звучит, новая партия заявила о своем скептическом отношении к «партизации» политической жизни современной Польши. Но раз уж без политических партий не обойтись, ГП выражала готовность побороться за свои идеалы именно в этой ипостаси. Не случайно новое поли-

тическое образование называлось «платформой», предпочитая не называть себя партией.

ГП отличается еще одной особенностью: это – партия идеологически универсальная, «партия для всех». Туск неоднократно заявлял о своем неприятии громких слов и великих идей. «Я горжусь, – отмечал он, в частности, – что создал партию и нашел людей, которые понимают, что истинное величие достигается, если можно так выразиться, нестигаемым упорством, а настоящие катастрофы бывают результатом великих проектов. Я буду делать все, чтобы защитить Польшу от великих проектов, великих вождей и великих авантюр. Я полагаю, что поляки ожидают, прежде всего, улучшения своей жизни» [12, с. 19].

Модернизация «малых шагов», направленная на обеспечение спокойной и благополучной жизни, обрела поддержку многих поляков. В Сейме, избранном в 2001 г., ГП была второй после победителей – Союза демократических левых сил (СДЛС), от коалиции с которым ГП отказалась, позиционируя себя как оппозиционную партию. Она активно критиковала левое правительство Миллера, вменяя ему в вину сращивание партии и государства, коррупционность.

Общество оценило оппозиционную деятельность ГП: в 2003 г. в опросах общественного мнения эта партия впервые обогнала левых.

К 2005 г. стало ясно, что на польской политической сцене произошли серьезные перемены: не посткоммунисты (в лице социал-демократов) и их противники (в лице правых партий) стали главными противоборствующими сторонами, а две правые партии – «Гражданская платформа» и «Право и справедливость».

На выборах 2005 г. ГП стала второй, уступив первенство партии «Право и справедливость». По всем прогнозам, ГП должна была стать лидером. Победа была очень близка, но в итоге ГП пусть на несколько процентов, но проиграла ПиС. Именно тогда, в 2005 г., впервые в польской политике активно стала пропагандироваться идея конфликта между «Польшей солидарной» (на олицетворение ее претендовала ПиС) и «Польшей либеральной», доставшейся на долю ГП.

В этом же 2005 г. ГП потерпела и еще одно неожиданное поражение: на президентских выборах ее кандидат Д. Туск проиграл во втором туре кандидату ПиС Л. Качиньскому. Проигрыш ГП был тем более досадным, что в первом туре Туск опережал соперника почти на 3%.

Изначально Туск не хотел выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах и сделал это только под влиянием окружения. Поначалу все казалось безнадежным. Рейтинги не превышали нескольких процентов. Туску явно не хватало харизмы, мужественности. Его смешное имя, мальчишеское лицо, необычная манера произношения звука «р», всем известная страсть к игре в

футбол – все это работало «против» кандидата, создавало ореол некой несерьезности.

Помогли специалисты. Роль волшебницы, превратившей Золушку в принцессу, сыграла психолог Наталья де Барбаро. Вместе с мужем В. Модельским она проводила избирательную кампанию политического единомышленника Туска Я. Рокиты в 2002 г. на выборах президента Кракова. Тогда она и познакомилась с Туском, который обратился к ней в 2005 г. Де Барбаро работала с ним, основываясь на теории Стивена Кови, сформулированной в его бестселлере «Семь навыков высокоэффективных людей». Принцип проактивности, предполагающий инициативность, контроль над ситуацией, решительность, осознание себя хозяином положения, умение выделить главное в полной мере были усвоены Туском. Он оказался способным учеником и в предполагаемой системой Кови развитии навыков дисциплины тела, питания, сна. Именно с тех пор Туск стал горячим приверженцем средиземноморской кухни, отказавшись от вкусной, но тяжелой польской. И вообще стал активно бороться со «славянщиной». Под этим любимым Туском словом премьер понимает склонность поляков собраться, выпить, поговорить, и ничего не делать. Туск успешно преодолевал «славянщину» в себе: помимо диеты, утренних пробежек, традиционного футбола в Сопоте по выходным он активно занимался английским, много читал. Вся Польша была увешана изображениями Туска, и скоро его лицо уже не казалось таким уж мальчишеским, а имя таким уж странным. На деньги Я. Паликота большим тиражом вышла книга Туска «Солидарность и гордость». Его кампания была самой дорогой (более 14 млн. злотых). Прогнозы были самые оптимистические. В избирательный вечер в зале Варшавского политехнического института, где соратники Туска собрались праздновать успех, показывали фильм о пути Туска к президентскому креслу. Но занять это кресло суждено было сопернику Туска – Л. Качиньскому, о чем свидетельствовали поступающие данные избиркома. Победы не получилось, и смущенный Туск объяснял собравшимся, что фильм делали с расчетом на иной итог выборов. Пережить такое было непросто.

В неудаче Туска роковую роль сыграли обнародованные после первого тура Я. Курским (ПиС) сведения о службе дедушки Туска в вермахте в годы войны. Это был смертельный удар. Никакие оправдания и уверения о том, что Туск ничего не знал, конечно же, не помогли. Рейтинг Туска серьезно снизился и после неудачных для него теледебатов с Л. Качиньским. Против Туска выступили и некоторые церковные круги: радикально-католическое радио «Мария» призывало с опаской относиться к нему, как к кашубу и почти немцу.

Туск тяжело переживал поражение, похудел, стал раздражительным и замкнутым. Но неудача отнюдь не выбила его из седла. По его собственному

признанию, он обладает одним бесценным качеством – умением ждать своего часа, того момента, когда действительно можно сделать нечто значительное. Он полагает, что отнюдь не бесспорным достоинством является яростное желание настоять на своем и вопреки препятствиям плыть против течения. Ведь потратив все силы на борьбу, можно обнаружить себя стоящим на месте и ни на йоту не продвинувшимся к желанной цели [13, с. 29].

«Час Туска» пробил в 2007 г. К этому моменту ПиС переживала не лучшие времена. Коалиции с ГП не получилось, хотя накануне парламентских выборов 2005 г. обе партии заверяли избирателей в возможности и желательности таковой. После победы ПиС ГП вовсе и не стремилась к этой коалиции, не будучи готовой играть второстепенную роль. Партия же Качиньских после недолгой и неудачной коалиции с популистскими партиями «Самооборона» и «Лига польских семей» готова была пойти на досрочные выборы, будучи уверенной в победе. В этот решающий момент Туск проявил свое политическое чутье и лидерские качества. Он принял решение о целесообразности идти на досрочные выборы, конечно, не во имя победы ПиС. Туск был уверен в победе своей партии – «Гражданской платформы». Все партии Сейма предлагали ему сотрудничество против ПиС. Но Туск был тверд и не шел ни на какие компромиссы. Коллеги по партии сомневались в возможности успеха, но Туск убедил всех в своей правоте. От решения ГП зависела судьба Сейма. И решение, на котором настаивали Качиньский и Туск, причем каждый верил в свою победу, было принято.

На досрочных выборах 2007 г. политическая удача сопутствовала ГП, она получила 41,5% голосов. Это наилучший результат за всю предшествующую историю III Речи Посполитой, к тому же полученный в условиях самой высокой после 1989 г. избирательной активности – 53,58% [7, с. 3].

Кампания 2007 г. была проведена партией Туска на высоком профессиональном уровне. Четкое деление на «черное и белое», где «черным» была ПиС, а «белым», естественно, ГП, умелое использование СМИ, эффективное разоблачение ошибок и промахов политического конкурента – все это работало на успех ГП.

Весьма удачным оказался отказ ГП от четкого идеологического самоопределения. Прагматический лозунг – «Чтобы людям жилось лучше. Всем» – казался особенно привлекательным на фоне чрезмерной идеологизации ПиС. Именно такой подход привлек тех избирателей, которые были далеки от идеологических проблем, вызывающих недоверие и отторжение, прежде всего молодежи.

В программе, принятой перед выборами 2007 г., Туск призывал избирателей выбирать между западноевропейским уровнем жизни, демократическими стандартами и «склоками, балаганом и восточноевропейской моделью демо-

кратии». «Сегодня, – заявлял политик, – ставкой на выборах является просто благосостояние» [1].

В преддверии выборов Д. Туск пытался убедить поляков, что они заслуживают «экономического чуда». Нужно только всем сплотиться во имя достижения реальных целей: строительства новых дорог и жилья, выравнивания уровня жизни в городе и деревне, обеспечения нормальных условий труда. «Мы предлагаем, – заявлял Туск, – всем политическим силам, правым и левым, обеспечить Польше западноевропейский достаток и стабильность» [1].

В отличие от 2005 г. Туск уверенно «обыграл» Я. Качиньского в теледебатах. Ярослав Качиньский явно недооценил Туска. Он был уверен в легкой победе. Но был не в форме: простуда, насморк, усталость (почти как у Наполеона под Ватерлоо!). А Туск к дебатам готовился. Он работал с пиарщиками: отрабатывал жестикуляцию, умение говорить простыми и ясными предложениями, следить за взглядом и выражением лица. Но не только это помогло. Туск «завалил» Ярослава на вопросах из обыденной жизни: он завел речь о ценах на продукты, и Качиньский показал полную неосведомленность; заговорил о состоянии дорог с позиций не пассажира правительственного лимузина, а водителя. Ярослав, никогда не сидевший за рулем, выглядел жалко, а Туск, напротив, казался «своим парнем», который знает проблемы простых людей.

Туск легко выиграл и теледебаты с Квасьневским. Достаточно опытный и харизматичный бывший президент объяснял свою слабость некой загадочной «филиппинской болезнью», которую он якобы подхватил на Филиппинах и потому не мог адекватно держать себя перед камерой.

За «Право и справедливость» голосовали в основном в менее развитых в экономическом отношении южных и восточных регионах страны. За более либеральную и модернистскую ГП – в западных районах, крупных городах. Концепция ПиС, согласно которой исход выборов определяют малые города и деревни, не оправдалась. Политика братьев Качиньских вместо очищения государства и морального обновления привел к созданию атмосферы подозрительности и недоверия. Апофеозом ее стал закон о люстрации (2006). Борьба с коррупцией обернулась борьбой с политическими противниками.

После убедительной победы на парламентских выборах «Гражданская платформа» сформировала правительство, главой которого стал Д. Туск. Он стал премьером, не имея опыта административной работы, будучи либералом и сторонником ограничения роли государства. Один из журналистов «Речи Посполитой» называл Туска «вегетарианцем, который возглавил бойню» [5, с. 84]. Либеральный принцип «меньше государства» не совсем удалось реализовать: за годы его премьерства число чиновников увеличилось на 70 тыс. человек.

Интересен стиль «делания политики по Туску». Премьер и его приближенные собираются, смотрят футбольные матчи и, по ходу дела комментируя их, размышляют о политике, вносят свои предложения, употребляя только им понятный сленг. По пятницам собраний не происходит: каждую пятницу вечером Туск покидает Варшаву, отправляясь в свой любимый Сопот и играет там с близкими и старыми друзьями в футбол, возвращаясь в столицу только в понедельник. Политический стиль Туска достаточно жесткий: он не терпит опасных конкурентов и находит способы избавляться от них. Из «трех теноров», некогда создавших «Гражданскую платформу», двое очень быстро утратили значение в партии. Некогда существовавший и производивший впечатление незыблемого триумvirат его лидеров – Д. Туск, Я. Рокита и З. Гиловская – также прожил недолго. А ведь казалось, что их отношения не просто политическое сотрудничество, но и настоящая человеческая дружба. Часами, за рюмкой хорошего вина (Туск – любитель и знаток хороших красных вин) троица обсуждала политику, историю, проблемы управления страной.

После выборов 2005 г. Гиловская подала в отставку из-за обвинений в nepотизме: ее невестка работала в аппарате правительства. Обвинение было надуманным, ибо женщина работала еще до того как стала родственницей Гиловской. Об этой истории знал Туск. Но он не заступился. Я. Рокита говорил об этой ситуации: «Он убил Зиту, чтобы очистить площадку для того, чтобы убить меня» [5, с. 61]. Действительно, скоро пришла очередь и Рокиты. Однажды, когда в Сейме один из депутатов за закрытыми дверями грубо отозвался о Роките, тот демонстративно ушел, хлопнув дверью. Один из присутствующих при этой сцене призывал Туска догнать Рокиту, ведь это его друг. В ответ он услышал «в политике нет друзей» [5, с. 63].

Туска нередко упрекают в жесткости и холодности, в «использовании» нужных ему людей. Он слышит «обольстителем», умеющим очаровать кого угодно, а потом холодно отодвинуть в сторону ставшим ненужным человека. Но премьер умеет дружить: еще со времен гданьской молодости он дружен с Я. Белецким и Я. Левандовским (влиятельными польскими политиками-либералами). Просто Туск многопланов и воспринимается по-разному.

В чем бы ни упрекали Туска, кажется, никогда он не обвинялся в корыстолюбии и коррупционности. Даже не самый большой друг Туска Лех Качиньский утверждал: «Вы можете все что угодно говорить о Дональде, но он честный человек. Он никогда не крал» [5, с. 115].

Премьер не богат: на двоих с женой у него две небольшие квартиры, дачный домик. Накопления за период его премьерства увеличились с 30 до 75 тыс. злотых в инвестиционных вкладах и с 500 до 3,5 тыс. долл. наличными. Если учесть машину, то это все [5, с. 149].

Туск никогда не пытался заниматься помимо политики еще и бизнесом. Политика и власть составляют содержание и смысл его жизни.

В период президентства Л. Качиньского, столь трагически завершившегося в апреле 2010 г., Туску приходилось нелегко. Между президентом и премьером постоянно возникали противоречия и конфликты. Но эта ситуация отнюдь не была уникальной. Периоды благодного единения президента и премьера не столь уж продолжительны в истории III Речи Посполитой. Причем конфликтовали не только лидеры разных политических формаций, но и единомышленники: Лех Валенса с Я. Ольшевским, А. Квасьневский с Л. Миллером.

Президент и премьер не находили общего языка по многим существенным проблемам: уж слишком по-разному понимали они интересы Польши. Противостояние президента Л. Качиньского и премьера Туска было предвестником той «польско-польской войны», которая разразилась в стране после трагической гибели Л. Качиньского и неудачи его брата Ярослава на президентских выборах 2010 г.

В преддверии этих выборов Туск совершил совершенно неожиданный для многих поступок: он отказался от борьбы за президентское кресло, заявив, что атрибуты президента Польши, к каковым относятся «престиж, почет, президентский дворец, люстра и право наложения вето», его не очень привлекают, свою задачу он видит в модернизации страны, для чего нужны реальные рычаги управления. Польша – парламентско-президентская республика, и основная роль в управлении страной принадлежит премьеру.

Туск держался немного в стороне от избирательной кампании. Аналитики утверждали, что ему не нужна была блистательная победа Бронислава Коморовского. Идеальна была бы победа с небольшим преимуществом. Правда, когда казалось, что Коморовский проигрывает, Туск забеспокоился и сделал все, чтобы помочь Коморовскому. Новый президент не входил в число самых близких Туску людей, не участвовал в его «футбольных посиделках». В партии к «Бронеку» относились несколько снисходительно-отстраненно, но Коморовский, оказавшись главой государства, вовсе не желал быть лишь фасадным, декларативным президентом. Он был горд и доволен своим положением, посмеивался над Туском, неизменно показывая гостям президентского дворца ту самую пресловутую люстру, о которой говорил в свое время премьер. Коморовский пользуется популярностью в стране и по рейтингам опережает Туска.

В условиях незатихающих залпов «польско-польской войны» 9 октября 2011 г. в Польше прошли очередные парламентские выборы. Избирательная кампания не была лишена некой интриги: уж слишком близки были по прогнозам социологов позиции основных конкурентов – ГП и ПиС.

ПиС сохранила своих избирателей в традиционных для нее регионах на юго-востоке страны (Подляшское, Люблинское, Свентокшиское, Малопольское и Подкарпатское воеводства). В Польше их называют «библейским поя-

сом» по аналогии с американским Югом, всегда голосующим за демократов. В последнее время эти регионы стали называть еще «Венгрией», имея в виду пристрастие Я. Качиньского к идеям В. Орбана.

Однако сенсации не произошло: уверенную победу одержал глава «польско-российского кондоминиума» (как ядовито называл лидер ПиС Я. Качиньский премьера и лидера ГП Д. Туска). Его партия получила 39,18% голосов, тогда как ПиС только 29,89%. Впервые в истории Польши после 1989 г. правящая партия сумела победить 2 раза подряд, а ее глава, соответственно, дважды возглавить правительство.

Не сработали против Туска ни продолжающиеся дебаты о причинах смоленской катастрофы, ни в очередной раз вспомнутый «дедушка из вермахта», ни обвинения в неуместной, по мнению определенной части польского общества, благосклонности к России, которую Туск считает нужным воспринимать «такой, какой она есть» и выстраивать отношения с восточным соседом исходя из принципов прагматизма и рационализма.

Сравнивая победы на выборах 2007 и 2011 гг. Туск отмечает, что тогда была «большая радость, ощущение триумфа, а сейчас все гораздо серьезней». Вторая победа имеет в его глазах несравнимо большую ценность. «В этот раз не позитивные эмоции миллионов, а скорее разум и расчет стали причиной победы. Победа – это позитивная оценка прошедших четырех лет, признание поляками правоты проводимого правительством курса» [14, с. 10].

Годы, прошедшие с момента предыдущих парламентских выборов, неправомерно расценивать в категориях безусловного успеха, но правительство Туска сумело удержать польскую экономику на плаву, сохранить экономический рост, наладить достаточно устойчивые отношения с соседями. Прагматизм и рационализм, столь характерные для Туска и его партии, оказались адекватными подходами для руководства страной и вполне приемлемыми для большинства польского электората.

Но представляется, что как в самой Польше, так и в Сейме, в ближайшие годы «Версаль не будет» (как пообещал неожиданно для многих показавший третий результат на выборах 2011 г. Я. Паликот, еще недавно активный депутат Сейма от ГП, а ныне лидер собственной партии, заявляющей о себе как левой и антиклерикальной). Ведь проигравшая ПиС набрала почти треть голосов, а это совсем немало. Да и сам перебежчик из ГП Паликот увел за собой немало потенциальных избирателей «Платформы». Среди сторонников Я. Качиньского отнюдь не только исполненные предрассудков пресловутые «мохеровые береты». ПиС поддерживает немало людей достаточно успешных, обладающих высоким социальным статусом и уровнем образования. Очевидно, «польско-польская война» продолжится, и Туску непросто будет сохранить свои позиции, особенно в ситуации экономического кризиса. Прагматическая и рациональная идеология Туска и его партии, так удачно вписавшаяся в поль-

скую жизнь в свое время, может не выдержать конкуренции с более социально-ориентированной и в известном смысле более «польской», национальной, эмоционально окрашенной идеологией партии Качиньского. Ведь в трудные времена спасение не всегда ищут в разумном и рациональном.

Второй срок премьерства начался непросто. Популярности Туску (особенно среди молодежи) не прибавили попытки ратификации Международного соглашения по борьбе с контрафактной продукцией (АСТА). После бурных общественных протестов премьер приостановил процесс ратификации (Качиньский в этой ситуации только выиграл, так как он ратовал за референдум по АСТА).

Трудно ожидать поддержки и от католической церкви, значение которой в Польше, несмотря на некоторое снижение уровня религиозности, очень велико. В последнее время в стране активно обсуждался вопрос об устранении Церковного фонда (созданный после войны в целях компенсирования церкви потери национализированного имущества этот институт ныне утратил свою актуальность). К этой проблеме (к возмущению многих представителей духовенства) обращался при вступлении в должность в своем экспозе премьер Туск, заявивший, что имущество церкви возвращено и выплаты из Церковного фонда необоснованны. Более того, Туск заметил, что если для приведения ситуации в соответствие со сложившимся положением вещей необходимо изменение конкордата⁴, правительство к этому готово [10].

Сама церковь вовсе не против устранения Церковного фонда, предлагая заменить его выделением 1% из налогов, собираемых государством. Но это предложение не встретило единодушной поддержки в обществе: ведь в таком случае церковь будет получать значительно больше средств, чем она имеет сейчас (600 млн. злотых вместо нынешних 90 млн.), что в условиях кризиса может стать серьезным бременем для бюджета.

Осложнения в отношениях с церковью не минуют премьера в связи с еще одной проблемой: в начале 2012 г. в Польше разразился скандал, связанный с телеканалом «Трвам», возглавляемым редemptористом о. Рыздиком. Власти отказались включить «Трвам» в пакет вещания цифрового телевидения по не вполне обоснованным причинам внешне чисто финансового характера. Рыздик был возмущен и призвал католиков не платить налоги, коль скоро таковые не используются должным образом. По стране прокатилась волна демонстраций в защиту Рыздика и вообще прав церкви, попираемых «безбожной властью». Интересно, что с гневной отповедью Рыздику выступил министр иностранных дел в правительстве Туска Р. Сикорский, обвинив его в нарушении закона и призвав отдать «кесарю кесарево».

⁴ Речь идет о конкордате, заключенном Польшей с Ватиканом в 1993 г.

От правительства многие в Польше ждут неких ярких, неординарных шагов. Иногда даже шутят, что «великие решения» спрятаны в шкафу, ключ от которого унес Рокита. Но Туск упорно стоит на своем восприятии политики.

«В молодости, – замечает премьер, – у меня были революционные взгляды, но для государства безопасней, когда правительство не пребывает во власти революционных страстей. К счастью, лишь немногие к старости становятся революционерами... За границей никто не сомневается в том, кто представляет в Польше умеренный, реформаторский, либеральный курс. Только в Польше не все осознают, что мы создаем оптимальные условия для разумного реформирования страны, что мы даем ощущение элементарного порядка, стабильности, предсказуемости. Это необходимо, чтобы идти вперед» [14, с. 9, 11].

На упомянутом в начале статьи бурном заседании Сейма, обсуждавшем пенсионную реформу, один из оппозиционеров бросил премьеру футбольный мяч с призывом заниматься тем, что он умеет делать (любовь Туска к футболу не дает покоя многим его недоброжелателям). Сумеет ли Туск отбить все удары, многие из которых будут посерьезнее удара мяча?

Литература

1. By żyło się lepiej. Wszystkim. Program wyborczy Platformy Obywatelskiej // Mode of access: <http://www.platforma.org.pl/program>
2. Grabias S. Donald Tusk. Pierwsza niezależna biografia. – Łódź, 2011. – 272 s.
3. Janicki M., Władyka W. Przełomowy brak zmian // Polityka. – W-wa, 2011. – N 42. – S. 12–14.
4. Janicki M., Władyka W. Zrečna mowa // Ibid. – N 48. – S. 12–13.
5. Majewski M., Reszka P. Daleko od miłości. – W-wa, 2011. – 318 s.
6. Palikot J. Kulisy platformy. Z Januszem Palikotem rozmawia Anna Wojciechowska. – W-wa, 2011. – 222 s.
7. Ponizej oczekiwan przez nieruchawe miasta, w sejmikach 10:6 // Gazeta Wyborcza. – W-wa, 2010. – 22 list. – S. 3.
8. PO wysoko, PiS trzyma, PJN i Palikot poza Sejmem // Ibid. – 23 grud. – S. 2.
9. Stankiewicz A., Smilowicz P. Donald Tusk. Droga do władzy. – W-wa, 2008. – 245 s.
10. Stenogram z expos premiera Donalda Tuska // Modes of access: <http://www.bankier.pl/wiadomosc/Stenogram-z-expos-premiera-Donalda-Tuska-2440893.html>
11. Tusk D. Solidarnosc i duma. – Gdansk, 2005. – 117 s.
12. Tusk D. Rewolucja małych kroków // Polityka. – W-wa, 2008. – N 5. – S. 19–21.
13. Tusk D. Nauczyłam się czekać // Ibid. – 2010. – N 52. – S. 28–31.
14. Tusk D. Nowy rząd // Ibid. – W-wa, 2011. – N 42. – S. 8–11.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

С.С. Секиринский

**«ДОЖИВЕМ ЛИ МЫ ДО 18 БРЮМЕРА?»
ДНЕВНИК РОВЕСНИЦЫ СТАЛИНА***

Секиринский Сергей Сергеевич – доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

В конце 1943-го Любовь Шапорина отметила в своем дневнике: «На днях мне минет 64 года, как Сталину» [6, с. 413]. Художник, театральный деятель, литературный переводчик, жена известного композитора, наконец, человек, имевший широкие знакомства в мире искусства, культуры, науки и одновременно погруженный в ежедневную борьбу за выживание, в заботы о своих и чужих мало приспособленных к суровой реальности детях, внуках, друзьях – эта выносливая женщина родилась, на следующий день после явления на свет Иосифа Джугашвили – 10 (22) декабря 1879 г. Она пережила Сталина на 14 лет, скончавшись в год 50-летия той власти, которую на протяжении всего полувека терпеть не могла. Оставшийся после нее дневник – уникальная частная хроника не только советской повседневности, но и политических настроений и ожиданий разных «срезов» тогдашнего общества.

Скромно оценивая себя как творческую личность, Шапорина вполне облагодавала «психологией художника», смысл которой передавала строкой Баратынского: «Есть хмель ему на празднике мирском!» «Хмель в смысле радостного восприятия мира, природы, искусства», – поясняла она. Этот хмель давал ей силы переносить «невеселую жизнь» и даже «мечтать о чуде», «о том, к чему нет никаких предпосылок». «Бывают же чудеса. И страна наша многострадальная завоюет свое счастье, выйдет из нищеты, из страха» (6 октября 1944 г.) [6, с. 447]. Именно поэтому лейтмотивом ее дневника стала по сути одна и та же принципиальная жизненная дилемма, формулируемая с

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта: «Феномен “советского бонапартизма” в контексте традиций отечественной культуры», № 12-01-00160а.*

разной степенью исторической масштабности: *«Выкарабкаемся или нет?»* (13 октября 1930 г.); *«Умрем или воскреснем?»* (15 ноября 1932 г.); *«Полежит или не полегается?»* (1 января 1945 г.) [6, с. 103, 126, 460]. И, наконец: *«Доживем ли мы до 18 брюмера?»* (10 марта 1956 г.) [7, с. 330].

«Мы, пан-европейцы...»

Читая дневник Шапориной интересно следить за тем, как в нем раскрывается и подчас меняется культурная самоидентификация автора и той части интеллигенции, от имени которой она порой говорит в своих записях. Воспитанная на родине и в Италии, жившая во Франции, бывавшая и в Германии, эта дворянская дочь отождествляет себя, конечно, прежде всего, с Россией, русским народом. Вместе с тем в ней живет, несмотря ни на что, сознание принадлежности к миру «европейцев с общей родиной Пан-Европой» [6, с. 271]. Но широкий европеизм Шапориной вовсе не исключает ее преимущественной и вообще характерной для русской интеллигенции склонности, тяги, любви только к одной еще, кроме России, европейской стране. Назревающая Вторая мировая война лишь усиливает изначальную культурно-политическую ориентацию Шапориной на Францию. Сразу после заключения пакта Риббентропа–Молотова, она почувствует военную угрозу для этой страны и увидит в ней «нашу вторую родину» (24 августа 1939 г.) [6, с. 237].

Судя по дневнику, уже в первые пореволюционные десятилетия русские интеллигенты «с утончившейся эпидермой», «люди, выросшие в XX веке» и осознававшие себя накануне Первой мировой войны «пан-европейцами» [6, с. 271], испытывали, находясь на родной земле, принципиально новое самоощущение: словно летели они на машине времени «вспять» и внезапно оказались «среди уклада и привычек трех столетий назад» в XVII в., «русском, не французском», как специально уточнила Шапорина 21 ноября 1932 г. [6, с. 127].

Ассоциации с возвратом в чуждую европейской культуре допетровскую Русь возникают у Шапориной, как и многое в ее дневнике, из повседневного житейского опыта – из ожиданий пригородного поезда на платформе, езды в переполненных вагонах, хождения по улицам и пребывания в других людных местах Ленинграда и окрестностей. «Иностранцев, приезжавших в Россию, как и русских, побывавших на Западе, – свидетельствует Шапорина в мае 1930 г., – особенно остро задевает в нашей толпе, даже в церкви <...> отсутствие желания отодвинуться от соседа, не столкнуться. У нас всякий прет (не идет, а всегда прет) телом на тело, не ощущая ужаса этого. Наша толпа – толпа дикарей, стоящих на самой низкой степени развития» [6, с. 92–93].

Начавшаяся в 1941 г. война с Германией только дополняет у Шапориной это самоощущение культурной чуждости своей стране представлением о раз-

верзейшей пропасти и между европейскими народами: «теперь мы голодные, озверевшие волки, лязгающие друг на друга зубами». В этом воюющем мире она порой воспринимает себя как анахронизм: «Падуанский Мантенья мне так же дорог, как новгородская София, но это уже древняя история, и я, мы, пан-европейцы, это вчерашний день» (11 октября 1941 г.) [6, с. 271]. Тем не менее и в осажденном Ленинграде, склонившись над иллюстрированной картой немецких земель 1857 г. издания, она мечтает о том времени, когда в Европе снова «настанет тишина тургеневских романов и можно будет проехаться по Рейну» (2 октября 1941 г.) [6, с. 267]. Ей «хочется европейской жизни, как воды жаждет человек в пустыне», той «свободной, достойной человеческой жизни, понятие о которой у нас утрачено» (1 января 1945 г.) [6, с. 428, 460]. Параллельно на высокой волне русского патриотизма, поднятой в душе этой «европейки» победами Красной армии, у нее возникают мысли об особости России и даже ее превосходстве над Западом. 1 марта 1944 г. она конспективно записывает в дневник: «Все латинские страны сдались сразу немцам. Скушал Гитлер Европу в один присест. И вот народ, ненавидящий колхозы, ненавидящий коммунистов, бросается на амбразуры пулеметов, таранит своим самолетом и собой врагов. Такого мир еще не видал. И один выдерживает на себе всю тяжесть германского натиска. <...> Кровь даром не течет. Она всегда дает всходы, и всходы после этой войны должны быть генеральными. <...> Я верю, что русскому (не европейскому) народу принадлежит будущее» [6, с. 435].

Спустя два с лишним года эта перспектива приобретает более осязаемые и вместе с тем вполне европейские черты: «Наш будущий потомок, житель сильной и крепкой страны старого континента с буржуазно-демократическим строем, единственно противостоящей Америке, этот потомок не поверит тому, что будут рассказывать мемуары нашего времени» (31 мая 1947 г.) [7, с. 51].

Русский патриотизм Шапориной на протяжении всего дневника выступает в характерно-парадоксальном сочетании не только с широким европеизмом, культурной терпимостью, но и порой с ксенофобскими предубеждениями. Морально-психологические травмы поколения, пережившего социальные катаклизмы и глобальные войны, отдаются в дневнике Шапориной реанимацией старых, времен империи конспирологических версий, сквозь призму которых ей порой видятся и союзники России по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне [6, с. 263].

«Захватывающая дух» [7, с. 127] и кружащая голову Победа, одержанная Россией в войне, побуждает Шапорину переоценить давнее русское прошлое. Теперь ее «больше всего умиляет и восхищает» во всей отечественной истории тот самый русский XVII в., который она когда-то ставила явно ниже французского. Речь, конечно, идет о «роли *народа* русского» в Смутное вре-

мя, «самостоятельно спасшего свою страну от интервентов, междоусобий, извлекшего себя из такой глубокой бездны, которой нет равной». И окончательно проявляя скрытую в этом воспоминании аллюзию на военную и послевоенную жизнь, Шапорина замечает в скобках: «Он и теперь себя спасает». Французы же ей на этот раз представляются людьми недостойными, которые «предали позорно тех, кто им доставил величайшую славу: Иоанну д'Арк и Наполеона» (19 июля 1948 г.) [7, с. 103].

«Та барыня» Льва Толстого и лермонтовский образ Наполеона

Особый интерес видению Шапориной постреволюционной России придают причудливо вплетенные в череду наблюдаемых лет и десятилетий символические эпизоды легендарной наполеоновской эпопеи, многократно преломленной русским художественным сознанием. Культ Бонапарта со времени его распространения в России вовсе не противоречил самому пылкому русскому патриотизму, что и показал главный разоблачитель наполеоновского мифа – Толстой в первом томе «Войны и мира». Рисуя образ князя Андрея, писатель сначала отправляет его на войну с французами, где молодой Болконский надеется совершить яркий подвиг – «тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет ему первый путь к славе!» (т. 1, ч. 2, гл. XII). Высокое небо над Аустерлицем открыло распростертому на поле битвы князю Андрею другие истины. Но в отличие от толстовского персонажа, быстро разглядевшего мелочность сотворенного им для себя героя, далеко не все русские читатели, испытавшие сильное воздействие «Войны и мира», следовали за автором в развенчании наполеоновского образа. Среди последних и Любовь Шапорина. Не только как человек, переживший самый тяжелый период войны в осажденном Ленинграде, но и как мирный советский обыватель 30-х годов, духовно противостоявший несправедливой власти в своей стране, она не раз заново для себя открывала и проживала заветную и по сути своей *антинаполеоновскую* мысль Толстого о том «скрытом» патриотизме, который выражается «незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты». Его историческим образцом для автора «Войны и мира» стало неприятие врага москвичами, покинувшими свой родной город в 1812 г., а воплощенным примером была «та барыня, которая еще в июне месяце с своими арапами и шутками поднималась из Москвы в саратовскую деревню, с смутным сознанием того, что она Бонапарту не слуга», делая «просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию» (т. 3, ч. 3, гл. V).

В конце февраля 1943 г., оглядываясь на самые трудные дни блокады и вспоминая этот толстовский образ, Шапорина писала: «Если московские ба-

рыни, уезжая из Москвы в 1812 году, оставляя насиженные дома на поток и разграбление, делали исторически правильное дело <...>, то, пожалуй, и наши бабы, домохозяйки, таская дрова, скалывая лед, отвозя своих мертвецов в морг, сажая огороды, ругаясь и огрызаясь, но не уезжая из Ленинграда, также поступали исторически правильно» [6, с. 396].

Но ассоциации с 1812 г., увиденным сквозь страницы «Войны и мира», возникают в ее дневнике гораздо раньше, чем началась война с Гитлером. В июле 43-го, думая о том, «что будет после войны», Шапорина вспоминала межвоенное время и сравнивала его с теперешним: «После 1918 года, чтобы ввести в русло человеческие жизни, понадобились диктатуры, которые не оправдали возложенного на них доверия. У нас страна была залита слезами и кровью не в меньшем количестве, чем во время войны» [6, с. 405]. Этот вывод дает ключ к объяснению многого в ее дневнике. «Россия без Бога, без хлеба безжизненная лежит. Наша власть – дьявольская, сатанинская. Вся построенная на лжи, фальшивая, как ни одна другая», – пишет она в апреле 1933 г., наблюдая последствия страшного голода, вызванного политикой коммунистического режима. Ей кажется, что крестьяне не желают признавать этой несправедливой власти; «пухнут с голоду и мрут, а в батраки идти не хотят»; «они, как та барыня, что с арапками и собаками бежала от Наполеона, сами не сознавая, делают великое, величайшее дело, которое спасет не только Россию, но и весь мир от фальши и лжи насильственного коммунизма, террора, презрения к человеку, презрения к Духу» [6, с. 135].

Тема народной судьбы в предвоенное десятилетие преломляется у Шапориной парадоксальным, но характерным для человека русской культуры, смешением двух взаимоисключающих воспоминаний из отечественной классики: «той барыни» Льва Толстого и того самого императора, Бонапарта, которому она была «не слуга», но чей образ со времен поэтов-романтиков претерпел в отечественной культуре, а затем и политике, чудесные превращения и стал жить в русском сознании совершенно обособленно не только от «Грозы Двенадцатого года», но даже и от «Европы», его породившей.

Разные эпизоды легендарной наполеоновской биографии служили подчас выразительными метафорами судеб самой России, ее взлетов и падений в истории.

В годы особенно интенсивных поисков национальной самобытности, совпавшие с полосой героизации «мученика Святой Елены», в отечественной поэзии уже сами русские по отношению к «европейским дикарям», бывало, уподоблялась Бонапарту одновременно и как умиротворителю революционной Франции, и как арбитру Европы: «Я говорю, что мир восплещет, // Когда мы ринемся в него, // Когда в нем молнией заблещет // Штык примирителей всего. // Когда вторым Наполеоном // Мы их рассудим и уйдем, // И этот мир, обьятый стоном, // Одушевим своим умом...», – писал вдохновленный верой

в высокую духовную миссию России поэт Александр Баласогло в 1840 г. [2, с. 65].

Спустя 100 лет частная хроника Любови Шапориной зафиксировала совсем иное *национальное самоощущение*. Проходя в конце 1933 г. мимо нового здания ОГПУ – «Большого дома» на Литейном, Шапорина увидела в этой новостройке начала 30-х «надгробный памятник над Россией, всеми мечтами, иллюзиями, идеалами, свободами» и вспомнила знакомый с юности классический образ: «Лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог» [6, с. 150]. Лермонтовские строки еще раз появятся в ее дневнике на следующий день после заключения советско-нацистского пакта о ненападении, который она расценила как «вторичный, уже Московский брестский мир с Германией» [6, с. 238]. В то же время русский народ, уложенный своими правителями «на обе лопатки», запуганный «до смерти», оказавшийся уязвимым с обезглавленной репрессиями армией и перед внешней опасностью («Какое ненападение? Что, немцы испугались, что мы на них нападем?»), снова был уподоблен Шапориной зарытому «врагами» в могилу легендарному императору: «Лежит на нем камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог» (24 августа 1939 г.) [6, с. 237].

Иносказательно-злободневный образ погребенного Наполеона возникает в дневнике Шапориной почти одновременно с прямыми отсылками к революции, его породившей.

«Там был аффект, у нас холодная жестокость»

Не истекло и двух лет после торжественно отмеченного Россией 100-летия войны 1812 г., как ей пришлось вести вторую Отечественную войну, которая обернулась войной Гражданской. Но именно такой оборот событий решительно развернул давно укоренившуюся на русской почве наполеоновскую легенду ее светлой, гораздо более привлекательной стороной. Именно в первые пореволюционные годы образ некогда грозного врага России превратился в миф о «Спасителе Отечества». «Повеяло Бонапартом // В моей стране», – откликнулась на новый общественный запрос уже в мае 17-го Марина Цветаева. После крушения Белого движения те, кто не примирился с большевиками, стали размышлять о возможности появления претендентов на эту роль в лагере победителей. Эта тема занимала большое место в спорах русской эмиграции 1920–1930-х годов. Дневник Шапориной – одно из гораздо более редких свидетельств наличия подобной рефлексии и в советской России.

История Французской революции, из которой вышел Наполеон, выступает в качестве главного образца, с которым Шапорина постоянно сверяет ход событий в своем отечестве. Параллели с эпохой якобинского террора в днев-

никовых записях 30–40-х годов проводятся неоднократно. Общий же результат выходит не в пользу гораздо дольше переживающей свою революцию России. «Подлей нашего времени не было в истории. Во время Французской революции были партии, они боролись друг с другом, уничтожали друг друга. Теперь же все лежит на брюхе, и стоит только дохнуть кому-нибудь, как его тут же раздавливают, как блоху ногтем» (6 декабря 1929 г.) [6, с. 82]; «Робеспьер истреблял всех инакомыслящих, но *никогда* еще в мире эти бо-ровшиеся между собой люди и партии не старались уничтожить свою родину. В течение 20 лет все эти члены правительства устраивали голод, мор, падежи скота, распродавали страну оптом и в розницу» (11 марта 1938 г.) [6, с. 220–221]. Современницу сталинского террора потрясает обыденность, привычность для массового сознания организуемых самим государством убийств. «У меня тошнота подступает к горлу, когда слышу спокойные рассказы: тот расстрелян, другой расстрелян, расстрелян, расстрелян – это слово висит в воздухе, резонирует в воздухе. Люди произносят эти слова совершенно спокойно, как сказали бы “Пошел в театр”. Я думаю, что реальное значение слова не доходит до нашего сознания, мы слышим только звук. Мы внутренне не видим этих умирающих под пулями людей» (10 октября 1937 г.) [6, с. 214]. Ее особенно удручает безразличие молодых людей: «С детства они привыкли к ужасу современной обстановки. Слова “арестован”, “расстрелян” не производят ни малейшего впечатления» (18 апреля 1938 г.) [6, с. 223].

Возвращаясь в конце сталинского времени к прямым сравнениям двух революций, Шапорина не без снисхождения заключает: «Французы были, конечно, мальчишки и щенки по части террора и шпионажа. <...> Там был аффе́кт, у нас холодная жестокость...» (26 марта 1948 г.) [7, с. 85].

В противовес официально-праздничному летосчислению от сотворения нового мира с концентрирующими в себе самодовольство его правителей ежedesятилетними круглыми датами торжества советской власти и прочими юбилеями дневник Шапориной с определенного времени едва ли не погодно пестрит «незакругленными» характеристиками всех истекших революционных лет. «Что должен думать приезжий европеец о стране, в которой *на 13-м году революции*, в мирной обстановке, обыватель не может себе купить куска мыла?», – задается она риторическим вопросом в июне 1930 г. [6, с. 95]. После полуторадесятилетней годовщины «Октября», пришедшей на голодный 32-й, Шапорина, констатирует: «Убит жизненный нерв, и *15 лет Россия умирает*, сейчас болезнь обостряется и переходит в скоротечную» [6, с. 126]. Катастрофический оборот событий в начале войны она напрямую связывает с тем, что «*страна была 23 года в руках шайки глупых полунинтеллигентов, приведших ее к позору*» (25 августа 1941 г.) [6, с. 248]. В окруженном, замерзшем, окаменевшем Ленинграде, где «все инстинкты обнажились», она не

в состоянии забыть прошлое, продолжает свое летоисчисление: «Чернь, лишенная каких бы то ни было гуманитарных понятий, какой-либо преемственной культуры и уважения к человеку, *возглавила страну и управляла ею посредством террора 24 года*» (29 января 1942 г.) [6, с. 305]. А в дни юбилея революции она пишет: «С чем мы пришли к 25-й годовщине – с одной Москвой Ивана Грозного» [6, с. 379]. Слухи о том, что «население само уходит» от уже наступающей «Красной армии, от советской власти», совпадают с ее собственными надеждами на «какой-то поворот», на уход от «*двадцати шести лет нищеты и всяческой лжи*» (19 февраля 1944 г.) [6, с. 432]. Реакция Шапориной на отмену смертной казни в СССР 26 мая 1947 г. – понятный сарказм в сочетании с надеждой, вызванной недавно закончившимся Нюрнбергским процессом, на торжество правосудия и в своей стране: «*Тридцать лет казнили без передышки, без отдыха и срока*. Только бы дожить до будущего суда, ежедневно молнсь об этом» [7, с. 50].

За не иссякшей с течением времени потребностью вести суровый счет годам революции – непреодолимое ожидание ее завершения, конца – «термидора», а затем и «брюмера».

5 марта 1953 г.: «Наш термидор»

Избрав для себя «французский» угол наблюдения за ходом советской истории, Шапорина находит ряд черт внешнего сходства сталинского СССР с наполеоновской империей. 7 сентября 1932 г., откликаясь на официальный «шум, гам» в связи с 40-летием литературной деятельности Максима Горького и одновременно выражая сожаление, что этот талантливый писатель «так бесславно кончает жизнь», она высмеивает не только стиль раздававшихся славословий: «Горький, Горького, Горькому, Горьким, о Горьком», но и кульминацию официальных торжеств, иронически называя орден Ленина, которым писатель был награжден в этот день, «Орденом Почетного легиона» [6, с. 122], учрежденным во Франции Наполеоном.

Фиксируя 20 ноября 1953 г. новость о возвращении из ссылки киносценариста Алексея Каплера, «прославившегося» и пострадавшего из-за того, что «в него влюбилась Светлана Сталина», Шапорина вспоминает высказывание герцогини д'Абрантес, знаменитой мемуаристки, о сестрах Наполеона: «*Il est dangereux d'aimer des princesses ou d'en être aimé* [Опасно любить принцесс, или быть ими любимым – фр.]» [7, с. 241].

Но эти случайные аналогии, мимолетно возникающие в ее дневнике, вовсе не затрагивают самого Сталина, как личности и партийно-политического вождя, претендующего с началом войны и на роль национального лидера.

Припоминая в первый месяц блокады Ленинграда явно запоздалое выступление Сталина по радио 3 июля, она не сдерживает своих негативных

эмоций – «раздался дрожащий голос: “Братья и сестры”, затем бульканье наливаемой воды в стакан и лязг зубов о стекло. “Друзья мои” – и опять стук зубов о стекло», – и выносит свой приговор: «Мужичье сиволапое. Робкий грузин!» [6, с. 256]. Записывая 14 октября 41-го удручающие вести с фронта: «Взята Вязьма, вчера Брянск, Москва постепенно окружается» [6, с. 273], Шапорина риторически вопрошает: «Что думают и как себя чувствуют наши неучи, обогнавшие Америку. На всех фотографиях Сталина невероятное самодовольство. Каково-то сейчас бедному дураку, поверившему, что он и взаправду великий, всемогущий, всемудрейший, божественный Август» [6, с. 274].

24 апреля 1945 г. Шапорина поведала дневнику «тяжелое впечатление от образа Сталина», которое сложилось у нее после просмотра документального фильма «Крымская конференция»: «Насколько Рузвельт со своим апостольским лицом, Черчилль со своим юмором и силой воли ясны для зрителя, настолько лицо Сталина ничего не выражает. Какой-то Будда без движений, без разговоров, без содержания. Сидят все втроем перед аппаратом, Рузвельт и Черчилль сняли шляпы, чтобы открыть свои лица. Сталин остался в фуражке, козырек от которой и тень от нее закрывают лицо до усов. Глаз не видно. Миф» [6, с. 469].

Ненависть, сарказм, презрение сквозят и в ее послевоенных записях, посвященных Сталину. «Генералиссимус желает быть верховным главнокомандующим во всех областях» (17 августа 1946 г.) [7, с. 22]. Вместе с тем он «невероятно, чудовищно завистлив», и не только по отношению к своим наиболее талантливым полководцам, но и к художникам (6 октября 1948 г.) [7, с. 109]. Общий итог наблюдений за Сталиным она резюмирует в одной фразе: «Ça se n'est pas du Napoléon [Это вовсе не похоже на Наполеона – фр.]» (17 августа 1946 г.) [7, с. 22].

Не прошло и двух месяцев после его смерти, как Шапорина, опираясь на ходящие «слухи о всяких послаблениях уставшему народу», осторожно спрашивает себя: «перемена нашего правительства – не термидор ли?» [7, с. 232]. Только 2 декабря 1954 г. она уверенно формулирует окончательный вывод: «Смерть Сталина была нашим Термидором. Прекратился террор» [7, с. 275].

«Право на бесчестье» или «право на свободу»

Впервые и только один раз за все межвоенное время тема красного Бонапарта возникает в дневнике Шапориной в начале 1930-х годов. Для нее, как, например, и для Петра Струве [3, с. 386–387, 426], следившего за событиями в советской России из эмигрантского далека, было очевидно, что настоящий Бонапарт стал порождением не только изжившей себя революции, но и побе-

доносных войн и воинской славы Первой республики. Именно поэтому, имея в виду открытый конфликт коммунистической власти в России с крестьянством, она скептически относилась к характерным для тогдашней советской военной доктрины и пропаганды лозунгам наступательной войны и вообще задиристым настроениям. В действительности, пишет она, в апреле 1933 г. «в Кремле как овечий хвост трясутся: а что, как какой-нибудь победоносный военачальник захочет “революцию сделать” и сделаться Наполеоном?» [6, с. 134].

В первые месяцы войны СССР с нацистской Германией, иронически отзываясь по поводу «современных капитанов и лейтенантов, читающих по складам», и режима, при котором сформировался такой «“глубоко народный командный состав”», Шапорина пока лишь для контраста вспоминает о героических персонажах французской истории эпохи Консульства и Империи: «Лефевры и Мюраты могут быть при Наполеоне, а при Ворошилове им всем ноль цена, они остаются платьем голого короля» [6, с. 266–267].

Но светлая легенда о Наполеоне неизменно соседствует в дневнике Шапориной с памятью о вдохновляющем триумфе России над ним.

Трагические сентябрьские дни, когда вокруг Ленинграда замыкалось кольцо блокады, совпали с очередной годовщиной Бородинского сражения, которую она отметила в дневнике [6, с. 251]. Но самая первая аналогия с 1812 г., стихийно возникшая у ленинградцев и зафиксированная Шапориной, показывает, насколько далеким было порой в начале войны настроение обыкновенных людей от официальных заверений в неминуемости «наполеоновского» исхода германского вторжения [1]. Рабочие завода «Большевик», собранные в конце августа 1941 г. на митинг в связи с призывом Главнокомандующего Северо-Западным направлением Климента Ворошилова и руководства города создавать отряды народного ополчения, были «страшно» возмущены этим «воззванием <...> о самозащите»: «все боееспособные уже давно взяты в армию, остались старики и женщины, кто же будет защищать город? И где оружие?» [6, с. 256]; «оратору не дали говорить. Его речь <...> встретили криками: “Что нам с вилами, как на французов, против немцев выходить? С танками и самолетами вилами бороться? Нас предали!”» [6, с. 247].

В августе-сентябре, когда шли ожесточенные бои на подступах к Ленинграду, Шапорину преследовало давно возникшее у нее ощущение – не «предательства», которое испытывали люди, приученные во всем полагаться на власть, а вины и наступившего воздаяния – «Немезиды» [6, с. 263], ощущение, свойственное человеку, получившему религиозное воспитание. Записывая в дневник, за два с лишним года до нападения Германии, тревожные вести из Европы, – «Гитлер взял Мемель, берет Данциг» – она сопровождает их покаянно-пессимистическим комментарием: «Богу не за что нас спасать. С какой легкостью предали свою веру, с какой легкостью забыли все мораль-

ные устои. Донос поставлен во главу угла. Донос разрушил деревню» (29 марта 1939 г.) [6, с. 233].

В первую блокадную зиму Шапорина ведет свою хронику переживаемой питерцами трагедии, пытаясь ее объяснить не одними внешними обстоятельствами: «Город замерзает. Кто виноват? Кроме блокады, конечно система: отсутствие частной собственности, *частной инициативы*» [6, с. 303]. Уже в самом начале этой трагедии она видит ее двойственные корни – «Наша жизнь по советской расценке много дешевле тех бомб, которые на нас потратит Германия», а в ее записях снова возникает сострадательно-покаянный мотив: «Бедные, бедные мы овцы. Но русский народ заслужил это. Он не сумел отстоять своей религии, своей старины, на которую ему наплевать» [6, с. 259, 260].

16 сентября 1941 г., когда в квартиру, где жила Шапорина с семьей сына, принесли тревожную весть о скором падении Ленинграда, сын с явным облегчением воскликнул: «Слава богу». «Чему ты радуешься?», – недоуменно спросила мать. – «Все что угодно, только не бомбежка». – «Ты не понимаешь *трагедии*, Россия перестанет существовать». – «А сейчас? За двадцать три года создался такой клубок лжи, предательства, убийств, мучений, крови, что его надо разрубить. А там видно будет» [6, с. 256].

Такие настроения, как и вести о сочувственном отношении окрестных крестьян к немцам [6, с. 248], были Шапориной не по сердцу. Вспоминая в те дни высказывания персонажей Достоевского о том, что «русскому человеку честь одно только лишнее бремя» и его «открытым “правом на бесчестье” <...> скорей всего увлечь можно» («Бесы», ч. 2, гл. 6, V), она приходит к выводу, что эти слова оказались пророческими: «“Право на бесчестье” мы заслужили полностью – мы даже не ощущаем бесчестья. Мы давно потеряли не только всякий стыд, но самое понятие чести нам совершенно незнакомо. Мы рабы, и психология у нас рабская. У всего народа. Нам теперь, как неграм дяди Тома, даже в голову не приходит, что Россия может быть свободной; что мы, русские, можем получить “вольную”. Мы только, как негры, мечтаем о лучшем хозяине, который не будет так жесток, будет лучше кормить. Хуже не будет, и это пароль всего пролетариата, пожалуй, всех советских людей. И ждут спокойно этого нового хозяина без возмущения, без содрогания» (31 августа 1941 г.) [6, с. 249].

Она снова и снова возвращается к теме вины, пытаясь найти в постигшей страну трагедии какой-то исторический смысл, урок. Сидя ночью в бомбоубежище, думает о Гитлере, одержимом «маниакальной и сумасшедшей идеей покорения мира ради торжества своей расы», и приходит к выводу о его двойном предназначении: «Все равно этот конгломерат [Третий рейх. – С.С.] рассыплется. <...> Но патриотизму он людей научит...» (12 октября 1941 г.) [6, с. 273].

Победа под Москвой, одержанная Красной армией, круто меняет настроение автора дневника: «Я глубоко убеждена, что армия, победившая внешних врагов, победит и внутренних» (15 апреля 1942 г.) [6, с. 317].

Спустя два года, со слезами на глазах слушая по радио новости об успехах Красной армии на подступах к Ленинграду – «Сегодня взяли Новгород. <...> Вчера Красное Село, Ропшу» – она с замиранием сердца спрашивает себя и других: «Что будет дальше?» И не разделяя пессимизма близких людей, поверяет дневнику заветные мысли: «народ, способный на такой немасштабный подъем, одерживающий такие победы, сумевший за два года так научиться воевать, должен *исторически* получить вознаграждение, должен *сам* выбрать формы своей жизни; он завоевал себе право на полную свободу, на уничтожение крепостного права, колхозов и пр.» (20 января 1944 г.) [6, с. 423].

Идущая к Победе война видится Шапориной на перекрестье двух исторических традиций. Одна из них отсылает ее к памяти о новом поколении русских дворян, вышедших из войны с Наполеоном. Другая – восходит к русской революции, которая в представлении ровесницы Сталина, как и многих ее современников, все еще не закончилась.

«Военная интеллигенция должна сказать свое слово»

Заветные мысли Шапориной – об освободительной миссии Красной армии, прежде всего, «тех миллионов блестящей культурной молодежи» (28 марта 1944 г.) [6, с. 438], которые придут с фронта, ушедшего далеко за границы СССР, в их собственной, уже избавленной от оккупантов стране. Имея в виду возможные внутрисполитические последствия совершаемого Красной армией похода на Запад, она живет надеждой на ее гражданское пробуждение: «В огромной армии, завоевывающей Европу, есть какая-нибудь назревшая мысль» (5 декабря 1944 г.) [6, с. 457]. За несколько дней до капитуляции Германии, несмотря на то, что «у нас опять избивают <...> и даже убивают» в НКВД, она полагает, что «эта гигантская война, завоевание Европы должны дать огромные сдвиги, неожиданные для наших властителей, <...> державших народ за китайской стеной» [6, с. 470].

За этими надеждами проступают очевидные аллюзии на очень близкий ей образ той части русского офицерства, которая после победы над Наполеоном занялась поиском путей освобождения своего отечества от архаичных политических и социальных порядков.

Тема декабристов, причем в ее героико-романтической интерпретации, была хорошо знакома Шапориной с 1920-х годов. Именно тогда ее муж – композитор Юрий Шапорин – написал в творческом содружестве с автором либретто Алексеем Толстым оперу «Полина Гебель», в которой политический

заговор декабристов был представлен на фоне истории любви поручика лейб-гвардии Кавалергардского полка Ивана Анненкова и знаменитой француженки, последовавшей за своим опальным избранником в Сибирь (премьера состоялась в Ленинграде 14 декабря 1925 г.).

По существу это было только начало большого замысла, работу над которым Шапорин – сначала с Толстым, а после его смерти с поэтом Всеволодом Рождественским – продолжал до начала 1950-х годов, когда в Москве и Ленинграде состоялись первые постановки второй редакции этой оперы под названием «Декабристы».

Несмотря на несложившуюся жизнь с мужем, Шапорина высоко ценила его талант, болела за творческий замысел, обсуждала и переживала все происходившие с ним на протяжении четверти века метаморфозы. Деятельно участвовала в сборе материалов для либретто оперы, тем более что была дружна с Толстым и его женой поэтессой Натальей Крандиевской-Толстой, услугами которой писатель тоже пользовался при написании текстов арий.

Но у Шапориной в военные годы был еще один собеседник, гораздо более чем она сама и весь круг лиц, непосредственно причастных к созданию оперы, осведомленный о драматической судьбе свободолюбивых русских офицеров, вышедших из Отечественной войны 1812 г. Именно с ним она вела откровенные и опасные разговоры о послевоенном будущем страны. Это – Владислав Глинка (1903–1983), питерский ученый-историк, музейный работник, писатель, в чьей многообразной творческой деятельности 1812 г. и декабристы занимали особое место [4; 5]. Как и Шапорина, в войну Глинка немало времени провел в общении с ранеными бойцами, размещенными в ленинградских госпиталях; ему довелось «слышать их мечты, их веру в уничтожение колхозов, в новую жизнь». Если Шапориной очень хотелось верить в осуществление подобных надежд, то Глинка смотрел на ситуацию иначе. «Он в это не верит и настроен очень пессимистично, как и большинство», – записала она в дневник 28 марта 1944 г. [6, с. 438]. Спустя год этот спор между ними о «судьбе России» [6, с. 466] все еще не завершился. «Был у меня Глинка.., – пишет Шапорина 2 февраля 1945 г. – Он по-прежнему пессимист: “Никогда в истории не было случая, чтобы у победоносного народа менялся строй”. А я считаю, что наша революция была прямым последствием военных неудач японской и германской войн» (2 февраля 1945 г.) [6, с. 465]. Пессимизм относительно будущего России, который вызывал у Глинки именно победоносный исход войны, явно задевал патриотические чувства Шапориной. И она оставалась оптимисткой: «Страна не может вечно ходить в туфлях, которые носили китайки. Пальцы, прошагавшие от Волги до Дрездена, прорвут свои туфли каким бы то ни было путем» (29 июля 1945 г.) [6, с. 479].

Очевидно, что в подобных спорах питерских интеллигентов военной и послевоенной поры в качестве аргумента для обеих сторон присутствовал

один и тот же исторический прецедент – Россия, вышедшая из войны 1812–1814 гг. с победой, которая стала важным *фактором ее послевоенной судьбы*. Только интерпретировали они этот опыт по-разному. Если пессимизм оппонентов Шапориной опирался на конечный внутрисполитический результат победы над Наполеоном – консервацию существовавших порядков в 1830–1840-е годы, то, с ее точки зрения, масштабный национальный подъем, пережитый ее народом в новой большой войне, должен был, наконец, увенчаться его гражданским и политическим освобождением, даже привести к изменению черт национального характера [6, с. 470]. Именно поэтому 2 февраля 1945 г. она, по существу, декларирует необходимость появления новых декабристов, прямо не называя их этим именем: «Военная интеллигенция, ведущая так блестяще войну, должна сказать свое слово, народ, проливающий свою кровь, должен выйти из рабства» [6, с. 465].

Характерно, что эти строки были написаны сразу после лапидарно пересданного в дневнике разговора со знатоком декабристской темы Глинкой, которого Шапорина упрекала как раз в том, что он не учитывает выдвинутые новой Отечественной войной «миллионы блестящей культурной молодежи» [6, с. 438].

«Сейчас, когда Россия так величественно и гениально разбила врагов, – мечтает Шапорина в сентябре 45-го, – так бы хотелось честного и великодушного правления» [6, с. 486]. Но ее непрерывно одолевают тоскливые сомнения. «Может быть, я вообще ничего не понимаю, и мечты заменяют мне реальную действительность? – пишет она после разговора с Глинкой. – Но без этой веры в судьбу России я просто не могла бы жить» (2 февраля 1945 г.) [6, с. 466].

Уповая на будущее, которое могло бы решить неоднократно формулируемую в ее дневнике дилемму: русский человек – «герой или раб», она тут же сомневается в обоснованности такой постановки вопроса, допуская, что «и храбрость от рабства» (21 февраля 1944 г.) [6, с. 434]. Но порой признает, что одно не исключает другого: «Народ-победитель, народ-раб» (28 августа 1945 г.) [6, с. 484]. И все-таки она каждый день отчаянно молится за Россию: «Такая страна, такой народ – и такая судьба» (15 сентября 1945 г.) [6, с. 489].

Георгий Жуков – «вот наш Брюмер!»

В начале 1944 г., не сомневаясь уже в победе и признавая, что «войну у нас сумели организовать», Шапорина колеблется лишь в определении того, кто сумел это сделать: «Сталин или Рузвельт?». Но при этом у нее нет сомнений, что «победить мог только русский народ». Вслед за тем она с чувством патриотической гордости фиксирует в дневнике емкое восклицание: «Какой

народ! Жуков» (16 января 1944 г.) [6, с. 423]. В таком контексте имя выдвинутого войной полководца впервые появляется в ее записях.

9 мая 1945 г., откликаясь на известие о произошедшей накануне капитуляции Германии, Шапорина отмечает в дневнике символическое совпадение даты этого грандиозного события с памятным днем 8 мая 1429 г. – освобождением Орлеана от английской осады французской армией под предводительством Жанны д'Арк¹. Рядом с этим «чудом из чудес нашей земли» [6, с. 96], «деревенской девушкой, прожившей весь год своего служения родине, своего подвига в религиозном и патриотическом экстазе» [7, с. 284], она ставит имя «хозяина Берлина» Георгия Жукова и тут же выражает надежду на невозможность долгого сохранения «чудовищной тирании» в своей стране [6, с. 470].

Драматические перипетии судьбы этого «главного героя войны» [7, с. 109] после ее окончания станут предметом пристального внимания Шапориной, еще одним основанием для нее все-таки дожидаться «рассвета» [7, с. 21] и поводом к бонапартистским реминисценциям.

В послевоенные годы она читает в оригинале «Мемориал Святой Елены» Лас Каза, переводит Стендаля. Восхищаясь последними высказываниями Наполеона, этой квинтэссенцией, созданного им о самом себе мифа, – «Какое величие!» (17 августа 1947 г.) [7, с. 62], она недоумевает, почему в советском издании «Записок туриста» Стендаля «все, касающееся Наполеона, выпущено». Речь идет о тех местах, где французский писатель рассказывает об одном из эпических событий прожитого Наполеоном «романа»: о его восторженной встрече французским народом после бегства с острова Эльба (29 января 1949 г.) [7, с. 118].

Одновременно ее возмущает забвение, постигшее в послевоенные годы Жукова. Сопереживая опальному маршалу, Шапорина воспринимает как личную обиду открытое игнорирование его имени, образа в дни годовщины Победы: «9 мая (1947. – С.С.). <...> На Доме Красной армии (теперь он называется Дом офицеров!) вдоль Литейной повешены с 1 мая портреты всех генералов с генералиссимусом посередине, все, кроме главного героя, взявшего Берлин, все, кроме Жукова. <...> Я не могу смотреть на эту подлость» [7, с. 47]; «9 мая (1949. – С.С.). День великой победы, но Сталин еще в прошлом году распорядился этот день не праздновать. Герой этой победы Жуков в опале; 1 мая его портрет не выставляется наряду с другими маршалами. Зависть, зависть, подлая зависть» [7, с. 127].

1. Годовщины этого события до сих пор отмечаются 8 мая как главный праздник города Орлеана. Шапорина имеет в виду именно эту дату, ошибочно называя ее «днем Св. Жанны д'Арк», который отмечается 30 мая, когда в 1431 г. народная героиня Франции была сожжена на костре.

И, наконец-то, лишь спустя пять лет после войны, да и не на день Победы, а на ноябрьские праздники, она дождалась: «7-го или 6-го шла мимо Дома Красной армии, <...> и даже остановилась, как вкопанная: портрет Жукова, которого уже все последние годы не было!» Перед неожиданно вывешенным портретом даже образовалось небольшое скопление людей. Подошла «какая-то старушка... и стала причитать: “Дорогой ты наш, наконец-то, где же ты пропадал эти годы?”» (14 ноября 1950 г.) [7, с. 161].

Дневник Шапориной передает не только ее собственное искреннее восхищение этим «величайшим военачальником Русской истории» [7, с. 403], но и выразительные свидетельства отношения к нему разных людей, зачастую настроенных скорее консервативно и недовольных самой чередой внезапно происходивших разоблачений вчерашних безусловных вождей: сначала Сталина, а затем и ряда его выдвиженцев-соратников. Ссылаясь уже на народное мнение, Шапорина представляет себе только один выход из сложившейся ситуации: «Наша молочница, умнейшая женщина, от которой я черпаю высказывания пригородов и рабочих, возмущена: кому же верить! И обижена оскорблением, нанесенным Молотову. “И надеются: ну, Жуков его (т.е. Хрущева) подомнет”» (6 июля 1957 г.) [7, с. 363].

Если с точки зрения «пригородов и рабочих» Жуков просто больше соответствовал привычному для них образу вождя, «отца нации», и был к тому же овеян военной славой, то для Шапориной он олицетворял веру в будущее России как «сильной и крепкой страны старого континента с буржуазно-демократическим строем» (31 мая 1947 г.) [7, с. 51]. Многократно возникающие в послевоенных записях надежды на скорое возвышение своего героя Шапорина сопровождает постоянно варьируемой в дневнике емкой и выразительной формулой: «Я жду Вгумаиге’ а» (9 февраля 1955 г.); «доживем ли мы до 18 брюмера?» (10 марта 1956 г.); «вот наш Брюмер!» (6 июля 1957 г.) [7, с. 286, 329–330, 363].

Дважды обвиненный после войны в «бонапартистских замашках» Жуков окончательно падет в конце 1957 г., а вместе с ним исчезнет и последняя, вдохновленная победоносной войной надежда Шапориной на достойный финал затянувшегося «безумного эксперимента» [6, с. 126] по примеру другой революции, которой воинской славы было не занимать, – надежда дожить «до 18 брюмера».

Литература

1. Выступление по радио заместителя председателя СНК и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова // Известия. 24 июня 1941 г.
2. В.М. Глинка. Воспоминания. Архивы. Письма. – СПб.: АРС, 2006. – 414 с.
3. Поэты-петрашевцы. – Л.: Советский писатель, 1957. – 387 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

4. Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. – 872 с.
5. Хранитель: Статьи, письма, проза. К 100-летию со дня рождения В.М. Глинки. [Книга первая]. – СПб.: АРС, 2003. – 382 с.
6. Шапорина Л.В. Дневник / Вступ. статья В.Н. Сажина, подгот. текста, коммент. В.Ф. Петровой и В.Н. Сажина. – М.: НЛО, 2011. – Т. 1. – 592 с.
7. Шапорина Л.В. Дневник / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. В.Н. Сажина. – М.: НЛО, 2011. – Т. 2. – 640 с.

С.В. Сергутин

**РАЗВЕДКА В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ**

Сергутин Сергей Владимирович – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Оценка эффективности разведывательного обеспечения национальной безопасности СССР в период предвоенного советско-германского противостояния требует комплексного анализа и не может быть сведена лишь к вопросу о достоверности данных о дислокации войск агрессора или даты нападения Германии на Советский Союз.

Анализ доступных архивных источников показывает, что разведывательная информация, направлявшаяся советскому руководству в 1940–1941 гг., включала сведения по восьми главным аспектам подготовки германской агрессии: 1) подлинные намерения Германии в отношении Советского Союза после заключения в 1939 г. договора о ненападении между Германией и СССР и германо-советского договора о дружбе и границе; 2) решение политического руководства Германии о нападении на СССР; 3) непосредственная подготовка к нападению на Советский Союз; 4) вероятность нападения на СССР в ходе войны Германии с Англией; 5) направление главного удара вермахта; 6) планирование блицкрига; 7) внезапность агрессии; 8) сроки нападения*.

* Исследование основано на архивных материалах АВП РФ, АП РФ, ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, ЦА СВР, ЦА ФСБ, опубликованных в сборниках архивных документов и других изданиях, начиная с 1990 г., а также ранее не публиковавшихся документов из фондов ГАРФ и РГАСПИ, выявленных автором в ходе работы над статьей. Не рассматриваются многочисленные сообщения разведки о слухах о нападении на СССР, циркулировавших среди немецких солдат и офицеров, жителей сопредельных оккупированных стран, а также об анонимных предупреждениях о скором нападении, поступавших в советские заграничные учреждения. Рамки журнальной публикации позволяют ис-

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Сообщения разведки органов государственной безопасности¹ подтверждали, что вопреки германо-советским договоренностям 1939 г. цели фашистской Германии, направленные на уничтожение Советского государства и аннексию его территорий оставались неизменными. Об этом свидетельствовали разведдонесения, поступившие менее чем за год до войны. 22 октября 1940 г.: «Германия не отказалась от своих идей “продвижения на Восток” и наступит время, когда политикой или силой восточная граница будет отодвинута назад» [1, кн. 1, с. 323]. После 1 января 1941 г.: «Основной вопрос, который заслуживает внимания – это выступление Гитлера 18.XII в Спортпаласе по поводу выпуска 5000 германских офицеров... Гитлер сделал выпад против несправедливости, существующей на свете, когда 60 млн. великороссов владеют 1/6 земного шара, а около 90 млн. немцев ютятся на куске земли. Гитлер призывал молодых офицеров к устранению этой несправедливости» [1, кн. 1, с. 504]. В начале марта 1941 г.: работники комитета по разработке четырехлетнего плана «получили срочное задание составить расчеты запасов сырья и продовольствия, которые Германия может получить в результате оккупации европейской части Советского Союза» [10, с. 205]. 14 апреля: «Гитлер является инициатором плана нападения на Советский Союз, считая, что предупредительная война с Союзом необходима, ввиду того, чтобы не оказаться перед лицом более сильного противника» [11, с. 290]. 26 апреля: «Военные амбиции Германии безграничны и ...включают нападение на СССР» [13,

пользовать лишь часть документальных источников, содержащихся в вышеуказанных изданиях.

1. В НКВД / НКГБ СССР де-факто существовал своеобразный разведывательный комплекс, ведущая роль в котором принадлежала Иностранному отделу (в рассматриваемый период – 5-й отдел ГУГБ НКВД, 1 Управление НКГБ). Германское направление находилось в нем на особом положении. Показательно, что при нумерации отделений Иностранного отдела первый номер присваивался германскому отделению. При достаточно скромных штатах отдела (по состоянию на 1 января 1940 г. – 225 человек – наименьшая численность среди всех отделов ГУГБ и меньше, чем штатная численность ансамбля песни и пляски НКВД – 259 человек) в октябре 1940 г. германскому отделению были выделены дополнительные должности за счет сокращения штатов других отделений.

Кроме ИНО разведывательная информация поступала от Спецотдела (7 отдел ГУГБ, 5 спецотдел НКГБ), активно занимавшегося перехватом и дешифровкой дипломатической переписки зарубежных государств, и от Контрразведывательного отдела (3 отдел ГУГБ, 2 Управление НКГБ), осуществлявшего агентурное проникновение в среде иностранцев, вербовку иностранных дипломатов и технического персонала посольств, консульств и торговых представительств. Обширную информацию предоставляли Главное транспортное управление, особенно в период масштабного развития советско-германских экономических отношений, а также разведка погранвойск.

с. 46]. Не позднее 16 июня: «Понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты» [10, с. 221].

И ранее разведка НКВД информировала о стратегических планах фашистской Германии, ставивших целью уничтожение СССР и аннексию его территории. 28 октября 1934 г. НКВД СССР направил И.В. Сталину копию доклада посла США в СССР У. Буллита, отправленного за два месяца до этого в Государственный департамент США. В нем американский дипломат, в частности, писал: «Россия является стержнем международной политики Германии. Окончательная цель ее внешней политики заключается в создании коалиции стран для борьбы за окончательную победу над коммунизмом и Советами»². Несомненный интерес представляет добытый НКВД в посольстве Германии в Москве «Проект обзора политического положения, составленный для г-на Посла к собранию консулов 15 ноября 1934 года». Ознакомившись с этим документом, И.В. Сталин подчеркнул следующую фразу: «Вождь... (Гитлер. — С.С.) сказал: «Россия слишком большой кусок, чтобы он нам на долгое время мог быть безразличен»³. 15 сентября 1936 г., сообщала разведка, Гитлер на съезде нацистской партии в Нюрнберге заявил, что «Германия является подлинной “бригадой смерти” в борьбе против большевизма»⁴.

Подобные выводы и оценки, содержались и в сообщениях других субъектов советской системы международной информации⁵. Так, в замечаниях «о ближайших перспективах международного развития и положения СССР», направленных 10 ноября 1935 г. И.В. Сталину руководителем Бюро международной информации при ЦК ВКП(б) К. Радеком, в разделе «Германия и СССР» говорилось: «Никаких сдвигов по отношению к нам в Германии не видно. Не видна никакая кристаллизация течения в рейхсвере или среди буржуазии за сближение с нами. Разговоры о том, что неизвестно, против кого Германия вооружается, — самоутешение. Она вооружается в первую очередь против нас. Это не значит, что она не может идти (орфография оригинала. — С.С.) на известные экономические сделки с нами, или на бумажное улучшение отношений с нами. Но надо видеть, что есть, а не выдавать свое желание за возможность...»⁶.

Анализируя германскую внешнюю политику после прихода Гитлера к власти, полпред СССР в Германии Л.М. Хинчук в письме в ЦК ВКП(б) от

2. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Л. 58.

3. Там же. — Л. 129.

4. Там же. — Ф. 671. Оп. 1. Д. 187. Л. 55.

5. Подробнее об этой системе см.: Сергутин С.В. *Разведка в советской системе международной информации (1934–1941 гг.)* // *Россия и современный мир*. — 2011. — № 1 (70).

6. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 793. Л. 64.

7 июля 1933 г. констатировал, что «от советско-германских отношений ничего не осталось» и предупреждал о нацистских планах «расчленения СССР и создания независимого государства под германским протекторатом» [5, с. 94]. Сменивший его Я.З. Суриц в письме в НКВД 28 ноября 1935 г. подчеркивал, что одной из центральных идей Гитлера остается враждебность по отношению к СССР, «взятый ...курс против нас остается неизменным и ...ожидать каких-либо серьезных изменений в ближайшем будущем не приходится» [5, с. 116, 117].

Не добавляли оптимизма информация Наркомата внешней торговли 1940–1941 гг. о значительных объемах недопоставок Германией промышленного оборудования и военной техники и сообщения советской хозяйственной делегации, в ходе работы в Германии столкнувшейся с жесткой позицией немецкой стороны, препятствовавшей ее ознакомлению с современными образцами вооружений, их включению в списки военных заказов.

Начиная с весны 1941 г. политическому руководству СССР стали регулярно поступать сообщения разведки органов госбезопасности о решении германских правящих кругов напасть на Советский Союз: 11 марта – «Советско-германская война неизбежна» [10, с. 207]; 26 марта – «Немцы считают, что акция против России стала настоятельной необходимостью» [10, с. 207]; в первых числах апреля 1-е Управление НКГБ сообщало: «Акция против Советского Союза совершенно определена» [10, с. 209]. 7 апреля была перехвачена шифротелеграмма турецкого посла в МИД Турции о содержании беседы Гитлера с югославским принц-регентом Павлом, в ходе которой Гитлер «сказал... что собирается напасть на Советский Союз» [10, с. 209]. 1 мая в ЦК ВКП(б) и СНК СССР было направлено сообщение берлинской резидентуры НКГБ: «...вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно» [10, с. 212]. 5 мая сообщалось: «29 апреля Гитлер... заявил: “В ближайшее время произойдут события, которые многим покажутся непонятными. Однако мероприятия, которые мы намечаем, являются государственной необходимостью, так как красная чернь поднимает голову над Европой”» [13, с. 66]. 9 мая из Берлина поступило следующее сообщение: «Необходимо серьезно предупредить Москву о всех данных, указывающих на то, что вопрос о нападении на Советский Союз является решенным» [11, с. 293].

Это не было просто теоретической прогностикой. В июне 1941 г., посол СССР в Германии, бывший начальник внешней разведки НКВД В.Г. Деканозов подтвердил (на основании сведений берлинской резидентуры): «В течение апреля, мая и по сей день железными дорогами и автострадами войска идут непрерывным потоком... С конца мая в среднем по четырем наблюдаемым нами маршрутам ...проходит по 120–130 эшелонов» [7, с. 72]. За два дня

до начала войны пришло донесение: «Конфликт между СССР и Германией неизбежен» [11, с. 171].

Предметом обоснованного беспокойства советского политического руководства было также выявление вероятности нападения Германии на СССР в ходе англо-германской войны. С июня 1940 по июнь 1941 г. поступило около 40 сообщений разведки НКВД / НКГБ и военной разведки по этому вопросу: половина из них не исключала возможности германской агрессии в ходе войны с Англией, половина – прогнозировала нападение после ее окончания. С приближением войны это соотношение меняется. В марте–мае 1941 г. из 23 сообщений по данной проблеме в 17 подтверждалась вероятность нападения Германии еще в ходе войны с Англией⁷ и лишь в шести донесениях допускалась возможность нападения по окончании войны с Англией. Следует заметить, что от внимания некоторых исследователей, упрекающих разведку в противоречивости этой информации (нападение на СССР до или после окончания войны Германии с Англией), ускользает ее важнейшее содержание: в обоих вариантах таких сообщений не подвергается сомнению главное – нападение состоится.

В течение марта–июня 1941 г. внешняя разведка НКВД / НКГБ СССР на регулярной основе информировала ЦК ВКП(б), СНК СССР и Наркомат обороны СССР о форсированной подготовке нападения Германии на Советский Союз и готовности вермахта к наступлению, продолжающемся наращивании группировки немецких войск по всему периметру западной границы СССР⁸, о ведении интенсивной глубокой аэрофотосъемки советской террито-

7. 30 мая 1941 г. начальник I Управления НКГБ П.М. Фитин доложил И.В. Сталину перехваченную британскими спецслужбами шифротелеграмму японского генерального консула в Вене, направленную в МИД Японии 9 мая 1941 г. В шифровке, переданной резиденту внешней разведки НКГБ СССР А.В. Горскому одним из членов «Кембриджской пятерки» Энтони Блантом, аргументировано мотивировалось это решение: «Германские руководители понимают сейчас, что для обеспечения Германии сырьевыми материалами ...для длительной войны необходимо захватить Украину и Кавказ. Они ускоряют свои приготовления, с тем чтобы спровоцировать конфликт, вероятно, во второй половине июня, до уборки урожая, и надеются закончить всю кампанию в шесть–восемь недель. В связи с этим немцы откладывают вторжение в Англию» [2, с. 228].

3 апреля 1941 г. В.Г. Деканозов сообщал В.М. Молотову, что немцами «серьезно обсуждается ближайшее столкновение с нами, нападение на СССР уже в ходе нынешней войны их с Англией» [16, с. 88].

8. Только в июле–сентябре 1940 г. численность немецких войск на советской границе увеличилась втрое. 6 ноября 1940 г. 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР сообщал: «В период операций во Франции германское командование держало в Восточной Пруссии и Польше до 27 пехотных дивизий и шесть кавалерийских полков. После капитуляции Франции германское командование приступило в начале июля 1940 г. к массовым пе-

рии немецкими самолетами. В донесениях разведки содержались данные о дислокации немецких дивизий, строительстве казарм и создании инфраструктуры для продвижения войск к советским границам.

20 марта сообщалось: «Подготовка удара против СССР стала очевидностью» [11, с. 288]; 26 марта – «Немцы готовятся напасть на Россию» [10, с. 208]; 31 марта – «Начиная с декабря 1940 г. до настоящего времени наблюдается усиленное продвижения немецких войск к нашей границе» [10, с. 208]; не ранее 2 апреля – «Документально... известно о полной готовности к нападению» [11, с. 71]; 22 апреля – «На румынско-советской границе значительно увеличивается количество германских войск, постепенно сменяющих там румынские части» [13, с. 34]; 24 апреля – «Штаб авиации с прежней интенсивностью ведет подготовительную работу для операции против СССР» [13, с. 35]; 1 мая 1941 г. – «Хлебные запасы Германии к осени будут исчерпаны. Новый урожай не сможет обеспечить потребление 1942 г., поэтому разрабатываются планы предстоящей операции против СССР с целью отторжения Украины» [13, с. 63]; 2 июня – Гитлер «С 22 мая начал инспектирование войск в Восточной Пруссии» [10, с. 215], 5 июня – «Все стратегические планы выступления против СССР окончательно разработаны» [13, с. 141]; не позднее 16 июня – «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены» [10, с. 221]; 20 июня – «Обстановка вошла в решающую фазу развития. Германия полностью завершила подготовку от Северной Финляндии до южной части Черного моря» [10, с. 218].

Большинство донесений разведки как органов госбезопасности, так и военной разведки формировали у политического и военного руководства СССР уверенность в юго-западном варианте главного удара германских вооруженных сил, в то время как наиболее мощный удар в начале войны был нанесен на центральном направлении.

6 марта 1941 г. политическая разведка сообщала о плане немцев: «Начальник генштаба сухопутной армии генерал-полковник Гальдер рассчитывает на молниеносную оккупацию Украины, ...а также оккупацию Баку» [11, с. 44], 9 марта военная разведка – «Ближайшей задачей поставлено – захват Украины и Баку» [1, кн. 1, с. 736]; за месяц до этого, 15 февраля – «Захватить Украину. Нападение произойдет через Румынию» [8, с. 220]. 11 марта разведка НКГБ: «Германский генштаб убежден, что Германия в состоянии захватить Украину и Кавказ, вплоть до Баку, за две-три недели» [11, с. 48].

реброскам своих войск с запада на восток и юго-восток... На 1 октября ...против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, т.е. более одной трети сухопутных сил германской армии» [10, с. 203].

После 2 апреля внешняя разведка НКГБ сообщала: «Оперативный план армии состоит в молниеносном внезапном ударе на Украину и продвижении дальше на Восток. Из Восточной Пруссии одновременно наносится удар на север. Немецкие войска, продвигающиеся в северном направлении, должны соединиться с армией, идущей с юга, этим они отрезают советские войска, находящиеся между этими линиями, замыкая их фланги. Центры остаются без внимания по примеру польской и французской кампании» [11, с. 71]. 5 мая НКГБ сообщил в ЦК ВКП(б), СНК, НКО и НКВД СССР: «Немцы рассчитывают якобы сначала забрать Украину прямым ударом с Запада, в конце мая через Турцию начать наступление на Кавказ» [11, с. 135]. Агентура военной разведки доносила 19 мая из Софии, что «Намечаются серьезные военные действия на Украине» [1, кн. 2, с. 224], и из Цюриха – «Сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности» [1, кн. 2, с. 224]. 12 июня И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия НКГБ было направлено агентурное сообщение из Берлина: «...германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии, создать клещи, которые будут постепенно смыкаться в целях окружения Красной Армии, расположенной на границах генерал-губернаторства» [1, кн. 2, с. 350].

Кроме ошибки в определении направления главного удара войск агрессора разведке не удалось вскрыть и план одновременного нападения на СССР на всем протяжении западной границы Советского Союза.

В течение марта–июня 1941 г. в Москву поступило не менее 25 сообщений советской разведки, свидетельствующих *о подготовке Германией молниеносной войны, в ходе которой Советский Союз предположительно потерпит поражение в кратчайшие сроки*. Более половины указанных донесений представили разведка и контрразведка НКВД / НКГБ СССР. В них, в частности, в начале марта сообщалось: «Гальдер считает, что Красная Армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск» [10, с. 206]; 9 марта – «Красная Армия сможет оказывать сопротивление только в течение первых восьми дней, а затем будет разгромлена... Урал может быть достигнут в течение 25 дней» [10, с. 206]; 26 марта – «Для обеспечения быстрой победы над советскими армиями будет применен план молниеносного наступления» [10, с. 208]; 19 мая – «Быстрый захват Москвы» [13, с. 118]; 30 мая – «Закончить всю кампанию в 6–8 недель» [13, с. 136]; 7 июня – «Мы ее (Красную Армию) разобьем в какие-нибудь недели» [13, с. 145]; 20 июня – Германия «уверена в молниеносной победе» [10, с. 218].

Схожая информация о планах и расчетах Германии поступала от РУ ГПШ Красной Армии: 17 апреля – «Война будет короткой» [3, с. 586]; 23 апреля –

«Начиная в мае, мы закончим войну в июле» [1, кн. 2, с. 108]; 27 апреля – «В середине июня немецкие войска должны быть в Москве» [3, с. 600]; 29 апреля – «Немцы рассчитывают всю операцию против СССР провести вплоть до занятия Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы максимум за 4 недели» [8, с. 230]; 5 мая – «Красная Армия будет разбита в четыре недели...» [1, кн. 2, с. 170]; 6 мая – «Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель» [1, кн. 2, с. 175]; 11 мая – «Немецкие войска уже через три недели военных действий окажутся под Москвой» [8, с. 53].

В мае-июне 1941 г. *внешняя разведка НКГБ СССР неоднократно информировала советское политическое и военное руководство о возможности внезапного нападения на Советский Союз Германии и ее союзников*. 1 мая в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР была направлена информация НКГБ о том, что начало наступления Германии «Следует ожидать со дня на день» [10, с. 212]. В апреле же резидент советской военной разведки Л.А. Серда сообщил в РУ ГШ Красной Армии: «Удар будет нанесен внезапно» [3, с. 599]. 10 мая, со ссылкой на «лицо из ставки Гитлера», берлинская резидентура НКГБ сообщила, что «Гитлером разработан план внезапного вторжения в СССР» [1, кн. 2, с. 185]. На следующий день источник военной разведки из ближайшего окружения Риббентропа сообщил: «Удар будет неожиданным» [8, с. 53]. 18 мая поступило очередное донесение в 1-е Управление НКГБ: «Русские ...будут застигнуты врасплох» [13, с. 112]. В июне в Наркомат госбезопасности поступили еще несколько тревожных донесений; не позднее 16 – «Удар можно ожидать в любое время» [10, с. 221]. 19 июня источник «Х» РУ ГШ Красной Армии в посольстве Германии в СССР сообщил, что «С 20 июня следует ежедневно считаться с возможностью начала военных действий между Германией и СССР» [8, с. 233].

В исторической литературе не утихает полемика вокруг проблемы достоверности информации разведки о сроках нападения Германии на СССР. В марте-июне 1941 г. разведка НКГБ СССР докладывала о следующих датах возможного нападения немецко-фашистских войск: конец апреля – начало мая, начало или конец мая, май-июнь, середина мая, 20 мая, конец мая, 10 июня, около 15 июня, середина июня, вторая половина июня, до 25 июня, 20–25 июня, 22 июня, конец июня. В свою очередь военная разведка сообщала о следующих возможных сроках нападения – март, апрель, апрель-май, 15 апреля, 1 мая, 1 мая – 15 июня, май, май-июнь, 14 мая, 15 мая, 15 мая – до начала июня, 15 мая – 15 июня, 20 мая, 24 мая – 15 июня, конец мая, до июня, после 5 июня, 6–20 июня, первая половина июня, июнь, 15 июня, около 15 июня, середина июня, 15–20 июня, вторая половина июня, 18–30 июня, 20 июня, после 20 июня, 20–25 июня, 21 июня, 22 июня, 22–25 июня, 23 июня, начало июля.

Мы видим, что из 14 сроков начала агрессии, указанных разведкой НКГБ СССР, восемь приходились на июнь. Военная разведка из 34 предполагаемых дат нападения на июнь относила 18. Обращает на себя внимание тот факт, что, начиная с 1 июня, подавляющее большинство разведывательных донесений НКГБ и РУ ГШ – 24 из 25 определяли возможные сроки нападения только в пределах июня⁹, в то время как в сообщениях марта–мая рассматривалась возможность нападения в пределах марта, апреля, мая, июня.

Наряду с указанием конкретных дней и месяцев нападения Германии на СССР в информации разведки органов госбезопасности содержались и менее определенные сведения: 7 февраля 1941 г. – «В самом непродолжительном времени» [10, с. 205]; 9 марта – когда «Русские... не в состоянии уничтожить (поджечь) еще зеленый хлеб» [10, с. 206]; первые числа апреля – «В скором времени» [10, с. 209]; 26 апреля – «Сейчас или в ближайшие месяцы» [13, с. 46]; 5 мая – «После окончания весенних полевых работ» [10, с. 213]; 14 мая – «В ближайшее время» [13, с. 87]; 30 мая – «До уборки урожая» [13, с. 136]; 3 июня – «Очень скоро» [10, с. 215]; 20 июня – «В течение ближайшего времени» [13, с. 172]. Временные рамки нападения указывались и без уточнения месяца: 14 марта – «весна»; 11 марта и 1 апреля – «лето»; 11 марта – «примерно через пять месяцев».

Для советского политического и военного руководства не должно было остаться незамеченным неоднократное разъяснение разведкой причин переноса ранее сообщенных сроков нападения Германии на Советский Союз ссылками на завершение немецких военных действий в Югославии. Так, в апреле 1941 г. сообщалось: 7 – «...немцы, закончив войну на Балканах, к концу мая перейдут к акции против России» [10, с. 209]; в тот же день – «...немцы предполагали весной текущего года начать военные операции против СССР, но югославские события расстроили эти планы...» [1, кн. 2, с. 50]; 10 – «Германия быстро закончит войну на Балканах, после чего последует прямой удар на СССР» [13, с. 27]; 14 – «Начало осуществления плана увязывается с окончанием войны с Югославией и Грецией» [11, с. 291]. Об этом же свидетельствовали и данные военной разведки. Так, 6 апреля 1941 г. в сообщении из Бухареста говорилось: «Из-за хода югославских событий ...план выступления изменен и сроки военных операций должны быть отодвинуты» [3, с. 581]; 5 мая – «Раньше для начала немецких военных акций против СССР предусматривалась дата 15 мая, но в связи с Югославией срок начала перенесен на середину июня» [3, с. 614]; 28 мая – «Главные силы немецких балканских армий возвращены на немецкий восточный фронт» [1, кн. 2, с. 272].

9. 11, 18 и 19 июня контрразведка НКГБ докладывала о подготовке к эвакуации и отъезде из Москвы сотрудников посольств Англии, Венгрии, Германии, Италии, Румынии и членов семей дипломатов указанных государств [13, с. 163, 166, 168].

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Анализ информационной деятельности разведки НКВД / НКГБ СССР в период после заключения советско-германских договоров 1939 г. показывает, что добываемые ею сведения способствовали формированию представлений советского политического и военного руководства о главной угрозе национальной безопасности СССР.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 15 ноября 1940 г., обсудившем итоги ноябрьских (1940) переговоров Предсовнаркома СССР с Гитлером, Риббентропом и Герингом, В.М. Молотов заявил: «Главные события лежат впереди... Общей для всех членов делегации... явилась уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии неимоверно возросла, причем в недалеком будущем. Соответствующие выводы должны сделать из этого и наши вооруженные силы»¹⁰. В записях присутствовавшего на этом заседании управляющего делами СНК СССР Я.Е. Чадаева содержится и высказывание И.В. Сталина: «Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией... и при первой необходимости их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами... Разумеется, мы не можем договор рассматривать основой создания надежной безопасности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших вооруженных сил»¹¹ [15, с. 158, 159]. Эта позиция высшего руководства страны нашла отражение в послевоенных воспоминаниях других членов Политбюро. Так, А.И. Микоян писал: «У нас в Полит-

10. Подготовка к войне велась форсированными, «большевистскими» темпами. На следующий день Политбюро обязало директоров моторных и самолетных заводов НКАП, начиная с 16 ноября 1940 г., давать ежедневные сообщения в ЦК ВКП(б) и в Наркомат авиационной промышленности о количестве принятых военпредами моторов по каждому типу моторов и боевых и учебных самолетов по каждому типу самолетов // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1029. Л. 46. В декабре 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали НКПС производить перевозку грузов для Наркомата авиапромышленности и его смежников не более чем в суточный срок и предупредили наркомов о личной ответственности перед ЦК и СНК за соблюдение графиков поставок материалов и изделий авиационным заводам. За год до этого на 40% была увеличена полугодовая программа выпуска боевых самолетов и моторов [12, с. 199, 201]. Примечательно, что уже через 18 дней после подписания германо-советского договора о ненападении, 10 сентября 1939 г., ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали Экономический совет и Комитет обороны заседать ежедневно [14, с. 128].

11. За пять лет до этого в отчете о работе ИНО ГУГБ в 1935 г., представленном И.В. Сталину, сообщалось, что в беседе с английским послом в Германии Гитлер заявил, что требовать от него гарантий в отношении Советского Союза равносильно требованию от церкви обязательств по отношению к дьяволу [17, с. 32]. В ходе упомянутых переговоров 12 ноября 1940 г. Гитлер издал директиву № 18, в которой приказал: «Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно» [4, с. 735].

бюро была большая тревога. Не может быть, чтобы все эти сведения о подготовке войны Гитлером были фальшивые, ведь концентрация войск на нашей границе остается фактом, и эта концентрация продолжается... Сталин и все мы знали, что столкновение неизбежно» [9, с. 377, 378]. К отпору готовились на пределе возможностей советской экономики. Не успели. Армия, ослабленная репрессиями высшего командного и офицерского состава, вступила в бой, находясь в процессе незавершенного перевооружения и реорганизации.

Советское руководство не исключало и вероятности внезапного нападения Германии. В феврале 1941 г., в день 23-й годовщины Красной Армии, Нарком обороны СССР С.К. Тимошенко призвал войска «в напряженной обстановке, чреватой всякими неожиданностями ... всегда помнить указание товарища Сталина о том, ... чтобы никакие “случайности” и никакие фокусы наших врагов не могли застигнуть нас врасплох» [6, с. 1]. Наркомвоенмор-флота СССР Н.Г. Кузнецов подчеркивал в обращении к военным морякам: «Никакие случайности не должны застать нас врасплох» [6, с. 1]. В приказе 1 мая 1941 г. С.К. Тимошенко еще раз призвал войска быть готовыми ко всяким случайностям, подчеркнув в своей речи на военном параде: «Международная обстановка сильно накалена и чревата всякими неожиданностями. Поэтому советский народ, Красная Армия и Военно-Морской флот должны быть в состоянии боевой готовности» [1, кн. 2, с. 148].

Вместе с тем, как отмечалось выше, разведка НКВД / НКГБ, как и военная разведка, не сумели точно определить вектор главного удара немецко-фашистских войск, вследствие чего у политического и военного руководства страны сформировалась уверенность в планировании его на юго-западном направлении. Этому в немалой степени способствовало регулярное поступление в ЦК ВКП(б) и СНК СССР сообщений разведки о приоритетном внимании фашистского руководства к захвату Украины и Кавказа с их богатым промышленным потенциалом, продовольственными и минеральными ресурсами.

Просчеты в определении направления главного удара, противоречивость данных о сроках нападения на СССР, многократно менявшаяся оценка его вероятности в ходе англо-германской войны в значительной мере объясняются отсутствием мониторинга военно-политической обстановки, основанного на повседневном комплексном анализе огромного массива сведений стратегического и оперативного характера, поступавших руководству страны и вооруженных сил от всех субъектов советской системы международной информации¹². Очевидна также контрпродуктивность такой практики, когда

12. А.М. Орлов – известный советский разведчик, награжденный орденами Ленина и Красного Знамени, бежавший в конце 30-х годов на Запад, в своей книге «Ручко-

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

глава правительства, как вспоминал позднее сам В.М. Молотов, не получая от разведки обобщающих аналитических материалов по важнейшим аспектам надвигающейся агрессии, половину рабочего дня уделял чтению донесений разведки.

Литература

1. 1941 год. В 2-х кн. – М., 1998.
2. Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля-2. С них начиналась разведка. – М., 2003. – 414 с.
3. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. – М., 2008. – 832 с.
4. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Том I. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. – М., 1973. – 768 с.
5. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. – М., 2009. – 319 с.
6. Известия. – 1941. – 23 февраля.
7. Канун войны: Предупреждения дипломатов // Вестник Министерства иностранных дел СССР. – 1990. – № 8 (66). – 30 апреля.
8. Лотта В. Секретный фронт Генерального штаба. Книга о военной разведке. 1940–1942. – М., 2005. – 539 с.
9. Микоян А.И. Так и было. Размышления о минувшем. – М., 1999. – 638 с.
10. О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз. Справка Комитета государственной безопасности СССР // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4.
11. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том I. Накануне. Книга вторая (1 января – 21 июня 1941 г.). – М., 1995. – 398 с.
12. Самолетостроение в СССР. 1917–1945 гг. Книга II. (1939–1945). – М., 1994. – 488 с.
13. Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март–июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ России. – М., 1995. – 256 с.
14. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. – М., 1996. – 333 с.
15. Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3.

ведомство для ведения разведки и партизанской войны», изданной после войны в США, упоминал: «Для подготовки материалов для Политбюро (по вопросам разведки. – Прим. авт.) существовал Малый Совет из шести членов (из НКВД, Разведывательного Управления Армии и Комиссариата Иностранных Дел) под председательством Поскребышева, главы сталинского секретариата и Маленкова» [18, с. 187]. Маловероятно, что этот совет, существование которого, впрочем, не подтверждают открытые публикации, мог бы выполнять функции центра системного текущего анализа разведывательной и другой международной информации.

16. Соколов В.В. Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. / Новая и новейшая история. – 2000. – № 1.
17. Хаустов В., Самуэльсон Л. НКВД и репрессии. 1936–1938 гг. – М., 2009. – 432 с.
18. The Handbook of intelligence and Guerrilla Warfare by Alexander Orlov. Ann Arbor. The University of Michigan Press. 1963.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

И.В. Обухова-Зелинская

ПОТЕРЯННЫЕ И ОБРЕТЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ ЮРИЯ АННЕНКОВА

Обухова-Зелинская Ирина Владимировна – кандидат искусствоведения, член Ассоциации искусствоведов (AIS) и Польского союза историков искусства.

Творчество Юрия Павловича Анненкова необычайно обширно и разнообразно даже по сравнению с наследием выдающихся деятелей культуры первой половины XX в., среди которых было немало универсальных талантов. Громкий успех и всероссийская слава пришли к нему в первые годы после революции – период глобальных социальных катаклизмов, казалось бы, самый неподходящий для творчества. Даже ограничения времен мировой войны не разрушили общего течения жизни в Петрограде и Москве, где Анненков, став профессиональным художником в 1913 г., быстро прошел ступени мастерства как иллюстратор книг и журналов и сценограф. Его творческая зрелость совпала с периодом военного коммунизма, разрухи, повальных арестов. Художественный рынок был развален, его заменили государственные заказы пропагандистского направления. Художники разными путями уезжали то на юг страны, то за границу. Сам Анненков оставался в России до лета 1924 г.

Одна из самых значительных областей творчества Анненкова – это портреты. Почти все они изображают его современников – писателей, издателей, художественных критиков, коллег-художников, людей театра, позже – кино. Первый цикл портретов был собран в итоговом альбоме, выпущенном в 1922 г. Для многих эти портреты были неожиданностью. Их автор был известен как карикатурист-насмешник, несколько лет работавший вместе с Евреиновым в театре «Кривое зеркало» – это был театр пародий, куда зрители приходили не просто посмеяться, они приходили туда хохотать. В театре высмеивались все штампы, прижившиеся на российской сцене, режиссер и художник не щадили никого. Серьезная и даже трагическая нота в творчестве Анненкова для многих была новостью. Правда, к тому времени он уже был

известен как иллюстратор поэмы Блока «Двенадцать». Как бы то ни было, альбом «Портреты» был воспринят как свидетельство эпохи и как реквием уходящей предреволюционной культуре. Ведь в августе 1921 г. скончался Блок и был расстрелян Гумилёв. Анненков не успел зарисовать его с натуры, а делать портрет по памяти, вероятно, не захотел. Рисунок, сделанный им с лежащего в гробу Блока, замыкал альбом и расценивался как трагическая точка в конце эпохи модерна. Замятин писал об этом словами, которые тогда были понятны многим: «...Это – не портрет мертвого Блока, а портрет смерти вообще – его, ее, вашей смерти, и после этого, пахнущего тленом лица, нельзя уже смотреть ни на одно живое лицо» [5, с. 40].

Остальные портреты отражали сложившийся к тому времени и вскоре растворившийся во внешней и внутренней эмиграции пантеон творцов Серебряного века. Этого тоже не ожидали именно от Анненкова, иллюстратора самой известной революционной поэмы и одного из создателей массового зрелища «Взятие Зимнего дворца», разыгранного на Дворцовой площади 7 ноября 1920 г.

Поразительно точно схваченное сходство позволяло сразу и безошибочно распознать изображенных людей – тем более, что, как правило, в кругу петербургской богемы они были хорошо известны. Но выглядели они как-то странно. Печальный Михаил Кузмин на фоне церковки и скита с парящим над ними самолетом. Лицо Артура Лурье, композитора-авангардиста, разлетелось на несколько кусков, как разбитое зеркало. Фотохудожник Мирон Шерлинг загадочно поблескивает очками, а за его спиной – силуэт Эйфелевой башни и оконные жалюзи в неверном свете фонарей подозрительных парижских кварталов. Виктор Шкловский в накинута на плечи шубейке, с покрасневшими от холода и усталости веками иронически усмехается. Все это было очень современно, легко и талантливо. И только при долгом рассматривании можно понять, насколько трудоемки и непросты эти живописные и акварельные работы 1916–1919 гг. Над портретом соратника Горького, руководителя «Всемирной литературы» Александра Тихонова, Анненков работал два года (1919–1921). Гонорар – мешок муки. Кстати, в 2007 г. именно этот холст достиг на аукционе Christie's рекордной цены продажи (2,26 млн. долл.).

Над загадкой его портретного искусства задумывались лучшие критики своего времени. Вот что писал Михаил Кузмин: «...Это – необыкновенная жизненность, динамика, сильно развитое поэтическое воображение, частое обилие подробностей, разнообразие, почти неустойчивость приемов, конечно, при постоянном сохранении индивидуальности, этим самым еще более заостренной» [6, с. 47].

Видимо, тогда же Анненкову пришла в голову мысль собрать портреты в одном альбоме, своеобразном портфолио своих произведений последнего

времени. С конца 1920 г. и в течение всего 1921 г. он в немыслимом темпе осуществляет свою идею. Именно за этот краткий интервал (не более полутора лет) были созданы портреты, признанные шедеврами: А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Горького, Е. Замятина, В. Ходасевича, А. Бенуа, К. Чуковского и др.

Слух о необыкновенных портретах, которые можно было также увидеть на выставке «Мира искусства» в мае 1922 г., дошел и до правительства. Осенью 1922 г. в Петроград приехал критик В. Полонский, возглавлявший литературно-издательский отдел Политуправления РККА. Он предложил Анненкову заказ на портрет Льва Троцкого для задуманного музея военной истории. В январе 1923 г. художник приехал в Москву, где получил в свое распоряжение мастерскую в бывшем особняке Льва Толстого в Хамовниках (его музей тогда только готовился к открытию). Огромное полотно с портретом председателя РВС было закончено к лету. Оно совершенно не походило на портреты государственных деятелей прошлого времени. Грозный военный человек в кожаном плаще и крагах стоял в окружении клубящихся туч и молниеподобных росчерков, повелительно вытянув руку, под которой пролетали самолеты и шли какие-то грандиозные стройки. Это был не просто портрет, а символ государственной воли и энергии. В том же 1923 г. Анненков выполнил также четыре графических портрета Троцкого – они воспроизводились в советской и французской периодике, а двухаршинное полотно выставлялось в специальном помещении на обозрение заинтересованной публики.

Затем последовал живописный портрет заместителя Троцкого Эфраима Склянского – он изображен в своем кабинете, стоящим за столом, уставленном канцелярскими принадлежностями и заваленном картами и газетами. Луначарский был восхищен такой трактовкой образа государственного деятеля: «Тов. Склянский воспринят художником как один из центральных мозговых узлов огромного организма, к нему с разных сторон подходят центростремительные нервы, их ветви, а в нем перерабатываются директивы, которые тотчас же текут вновь в пространство и где-то создают целесообразную реакцию. Портрет доведен при большом внешнем сходстве почти до абстрактной формулы – вот вам центральный агент революционного государства...» [7, с. 1–2].

Среди изображений военачальников привлекал внимание и портрет Владимира Антонова-Овсеенко, в 1917 г. руководившего взятием Зимнего. В 1922 г. после жесточайшего подавления крестьянских восстаний он был назначен начальником Политупра. Этот чуть гротескный портрет одной из ключевых фигур Красной армии – остроногого человека в очках и с длинными, как у семинариста, волосами, – одна из несомненных удач Анненкова.

Портрет молодцеватого Семена Буденного в папахе и с лихо закрученными усами представляет легендарного главнокомандующего Первой конной именно в том виде, в каком его привыкли видеть на фотографиях тех лет. Курносое лицо его соратника Климента Ворошилова получилось несколько застывшим и напряженным, но в целом оно гораздо живее, чем его многочисленные изображения на плакатах. Неплох и портрет Николая Муралова, который в октябре 1917 г. был одним из руководителей вооруженного восстания в Москве, затем участвовал в Гражданской войне, а в момент создания портрета занимал должность командующего войсками Московского военного округа. Среди солдат Муралов пользовался немалой популярностью, во время Гражданской войны о нем даже пели частушку: «Нам не надо генералов, есть у нас солдат Муралов». И Анненков изобразил богатыря с пушистыми усами в несколько картинном развороте.

Гораздо бледнее выглядит Вячеслав Зоф, чех по национальности, в свое время организовавший переезд Ленина и Зиновьева в Разлив, а в 1924 г. командующий морскими силами республики. Еще более безликим вышел Михаил Тухачевский. Карандашный рисунок напоминает скорее учебный эскиз, яркая личность полководца, видимо, не вдохновила художника, который уже устал рисовать не очень интересных ему людей.

До конца 1923 г. Анненков был в распоряжении Реввоенсовета. Но затем его перетянули в государственный аппарат, предложив заказ на портреты первых лиц государства. Под конец 1923 г. он с новым приливом творческих сил выполнил портрет Льва Каменева, который помимо высших должностей в Совнаркоме и Политбюро в 1918–1926 гг. был «хозяином» Москвы (председателем Моссовета). В декабре 1923 г. Каменев пригласил художника поехать в Горки, чтобы навестить тяжело больного Ленина – увы, тот был уже в таком состоянии, что от мысли о портрете с натуры пришлось отказаться.

В 1924 г. Анненков приступил к работе над портретом Григория Зиновьева, который пребывал тогда на вершине своей государственной карьеры, хотя и не пользовался любовью ближайших соратников. В эмиграции его называли адъютантом Ленина – с 1903 г. он неизменно был его соседом и ближайшим сотрудником во Франции, в Швейцарии, в Галиции. Этим, собственно, и определялся его вес в партии, поскольку он не был выдающимся теоретиком и не блистал ораторскими талантами. Правда, во время первой революции избирался членом Петербургского горкома РСДРП, а в 1908 г. был арестован как редактор подпольно издававшихся газет. Ленин очень его ценил, прежде всего за беспрекословную личную преданность и умение плести сомнительного свойства политические интриги.

С декабря 1917 г. на протяжении всей Гражданской войны Зиновьев был весильным председателем Петрокоммуны и постоянно конфликтовал с Горьким. Тот жаловался Ленину, который как-то смягчал взаимную нена-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

висть двух нужных ему людей, но, в конце концов, посоветовал писателю уехать «на лечение». В то время Анненков часто бывал у Горького на Кронверкском, провожал его за границу, и в силу этих личных отношений вряд ли у него были основания симпатизировать Зиновьеву, который в марте 1919 г. был назначен председателем Коминтерна и переехал в Москву. Помимо трех головных портретов Зиновьева сохранилась литография, более всего напоминающая эскиз к большому живописному портрету. Глава Коминтерна изображен на трибуне с взметнувшейся вверх в энергичном призывном жесте рукой.

Параллельно Анненков работал и над портретами других членов правительства. Они гораздо проще по форме, что не помешало ему создать, например, великолепный образ Карла Радека. Он меньше всего напоминает члена ЦК – типичный тщедушный интеллигент-очкарик, заслонившийся от вихрей беспокойной эпохи поднятым воротником вельветовой куртки. Профильный портрет Авеля Енукидзе, члена ВЦИК с 1917 г. и друга юности Сталина, ничем особым не выделяется.

Самый необычный в этом ряду портрет самого Сталина, в течение многих лет оставшийся никому не известным. В статье, написанной для первого издания мемуарной книги Анненкова «Дневник моих встреч», французский критик Вальдемар Жорж рассказал (очевидно, со слов самого художника) о том, как был сделан рисунок: «В 1924 г. Сталин позировал Анненкову. Состоялся только один сеанс. Портрет ему не понравился. Объяснив, что это только набросок, художник ушел, унося рисунок в папке. Он взял его с собой, уезжая в Париж. Портрет Сталина – это диагноз и протокол одновременно, они позволяют оценить точность и объективность работы» [10, с. 18].

Портрет на редкость красноречив. При внешней обычности и даже заурядности лица немолодого, слегка обрюзгшего человека с пышными усами, его неподвижность, затаенность, а главное – хитро и злобно прищуренные глаза, производят тягостное впечатление.

Весной 1924 г. было принято решение, что Советский Союз примет участие в грандиозной международной выставке – Венецианской биеннале, чтобы показать Европе лучшие произведения советского изобразительного искусства за последнее время. Среди нескольких десятков художников, чьи работы предполагалось включить в экспозицию советского павильона, был и Анненков. Ставший уже широко известным портрет Троцкого должен был занять центральное место в советской экспозиции. Кроме того, из работ Анненкова были отобраны выполненные маслом портреты А. Тихонова и В. Полонского и графика (в том числе портреты художественных критиков А. Бенуа, М. Бабенчикова, А. Эфроса).

Анненков никогда не занимал должностей в государственном аппарате, поэтому в выставочный комитет его не включили. Однако он получил разрешение на частную поездку в Италию вместе с женой. Параллельно с оформлением документов он принял последний государственный заказ. Точнее, согласился принять участие в закрытом конкурсе Гознака на официальный портрет скончавшегося в январе 1924 г. Ленина.

В письмах, разосланных тем художникам, которым предлагалось подключиться к этому заданию, Гознак довольно определенно выразил свои пожелания: портрет следовало исполнить «в академическом характере», итальянским карандашом или однотонной живописью. Анненков выполнил одновременно два портрета – тщательно отработанный карандашный рисунок и крупный живописный холст в черно-белых тонах, который и был отослан в Гознак. В воспоминаниях он утверждал, что основой для обоих портретов послужил набросок, сделанный им в Кремле еще в 1921 г. Однако этот набросок нигде не выставлялся и не публиковался, а оба портрета весьма напоминают широко известную фотографию М. Наппельбаума. То, что в данной ситуации художник ориентировался на официально одобренную концепцию облика вождя, вполне понятно, а использование фотографий практиковалось и самыми выдающимися мастерами с конца XIX в. За представленный в Гознак живописный портрет художнику была выплачена первая премия в размере 1000 руб. Карандашный рисунок он взял с собой при отъезде за границу.

Вскоре после этого началось последовательное удаление из государственного аппарата сторонников Троцкого. Талантливый штабист Склянский был снят со всех военных должностей, а в следующем году назначен председателем «Амторга» в США. Едва приехав в Нью-Йорк, он утонул среди бела дня, катаясь в лодке по озеру Лонг-Лэйк. Летом 1925 г. Анненкову довелось уже в Париже присутствовать на его гражданской панихиде, состоявшейся в советском полпредстве на улице Гренель.

Тем временем в Москве Госиздат, явно не предвидевший дальнейшего развития событий, отобрал часть оставленных Анненковым портретов и выпустил в свет папку литографий «Семнадцать портретов». Она так и не поступила в продажу, поскольку Троцкий в 1927 г. был выслан вначале в Алма-Ату, а затем, в 1929 г., удален из страны. Живший в Париже Анненков был памятен многим как автор самого известного портрета вождя-диссидента, поэтому приезжавшие из СССР друзья и знакомые настоятельно рекомендовали ему не возвращаться. Он и сам не стремился оказаться в тесных рамках идеологического диктата. К 1930 г. определилось его положение «невозвращенца».

Судьба портретов, созданных Анненковым на протяжении почти 70 лет, была различной. Некоторые сразу стали широко известны и многократно

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

публиковались в книгах и периодике разных стран. Иные в течение долгого времени оставались в запасниках музеев или в частных собраниях. Больше всего интриговала судьба портретов Ленина и Троцкого, а также литографий, которые вошли в папку «Семнадцать портретов». Тираж папки был уничтожен еще в 1928 г. Парадоксальным образом сохранились оригиналы портретов, хотя их никто и не искал, поскольку долгое время все были уверены, что они не могли сохраниться. Но после литографирования их передали через полпредство автору. В «Дневнике моих встреч» Анненков пишет, что ему передали также пять авторских экземпляров папки, но до самого последнего времени их местонахождение также не было известно.

Кроме портретов расстрелянных военачальников и вождей в папке были и относительно безопасные литографии, сохранившиеся в личных фондах некоторых деятелей искусств и переданные после их смерти в государственные хранилища (например, в РГАЛИ). Четыре из них (с портретами Мейерхольда, Луначарского, Ворошилова и Антонова-Овсеенко) сохранились в семье московской племянницы художника, Г.В. Лебединской. Возможно, что один экземпляр папки по просьбе художника был передан его сестре Надежде – остальные литографии она сама уничтожила в 1937–1938 гг. Однако о местонахождении полного комплекта не было ничего известно вплоть до перестройки, когда из спецхрана один экземпляр папки был передан в Отдел эстампов Государственной публичной библиотеки в Петербурге. Но в нем не хватало вкладыша с предисловием А. Луначарского (которое как отдельное произведение никогда не публиковалось).

За прошедшие с тех пор 20 лет стала известна судьба некоторых оригиналов. Портреты Каменева и Радека были приобретены на аукционе «Сотбис» собирателем П. Авеном (см. каталог его собрания). Интересен путь графического портрета члена Коминтерна Манабendra Нат Роя, который под названием «Голова индуса» много лет пролежал в фондах Третьяковской галереи. Реальный Рой продолжал действовать на видимых и невидимых фронтах мировой революции, а его портрету были уготованы приключения совсем иного рода. В своих воспоминаниях «Дневник моих встреч» Анненков сообщает: «Портрет Роя, под названием “Голова индуса”, был в 1937-м году приобретен у меня в Париже Русским (эмигрантским) Культурно-историческим музеем при Русском Свободном Университете в Праге и воспроизведен в книге, посвященной этому музею [...]. Что стало с этим музеем (и с “Головой индуса”) после советизации Чехословакии – мне неизвестно» [1, с. 291]. После войны весь пражский архив, как и экспонаты музея, где в каталоге фигурировала «Голова индуса», был перевезен в СССР. В 1949 г. МИД СССР передал его в запасник Третьяковской галереи. Портрет никогда не выставлялся, попав в хранилище Отдела графики все под тем же ничего не говоря-

щим названием, и лишь в последнем каталоге собрания ГТГ обрел свое первоначальное имя [4, с. 144].

Что же касается папки «Семнадцать портретов», то ее полный комплект стал известен лишь в 2011 г. Он был представлен заинтересованной общественности коллекционерами Алексеем и Сергеем Венгеровыми. Обладатели феноменального собрания редких книг и фотографий инициировали репринтное издание папки, правда, весьма элитарным тиражом десять экземпляров.

Поиски живописных портретов Троцкого и Ленина продолжаются до сих пор. Если первый из них наверняка подвергся уничтожению, то второй еще может быть найден. Пока что с определенностью можно пролить свет лишь на судьбу некоторых оригиналов, находившихся у самого автора. Нужно сказать, что в Париже Анненков успешно реализовал свои разносторонние таланты. В 1933 г. он начал работать во французском кинематографе в качестве художника по костюмам. На этом пути его ждали блистательные успехи – за 30 лет неустанной творческой деятельности он сотрудничал с самыми выдающимися режиссерами, «одевал кинозвезд», продолжал много работать в театре, оформляя постановки самых разных жанров, а иногда ставил спектакли в драматических и оперных театрах.

13 февраля 1967 г. в Париж приехал директор Государственного Русского музея В.А. Пушкирев. Одной из главных целей его командировки были переговоры с Анненковым о покупке его работ, из которых самый большой интерес для советской стороны представлял карандашный портрет Ленина. В отчете о поездке Пушкирев писал: «Мне кажется, эти переговоры проведены успешно и дали хороший результат: 44 произведения за 15000 франков, если не считать одного обстоятельства. К моему приезду в Париж Анненков уже продал портрет Ленина. Но когда я сказал, что приобретение других портретов без портрета Ленина невозможно, он обещал портрет Ленина вернуть обратно и поэтому он включен в общий список работ, предложенных к приобретению» [8].

Однако когда 22 января 1968 г. Пушкирев вторично появился в Париже для завершения сделки, именно с портретом Ленина возникли самые большие трудности. Анненков явно не хотел его отдавать и изыскивал самые разные способы, чтобы всучить вместо работы 1921 г. собственное повторение этого портрета. 5 февраля 1968 г. Пушкирев пишет о ходе переговоров: «Состоялся тяжелый и длительный разговор. Я должен был ему объяснить, что если не будет подлинного, работы 1921 г., портрета Ленина, то покупка вообще не состоится. Кроме того, уже прямо и утвердительно сказал, что портреты Антонова-Овсеенко, Свердлова, Маяковского и большого размера портрет Есенина – также новоделы 1967 г. и что нужно искать приемлемую им замену. Анненков снова всячески утверждал, что все портреты подлинные, что при-

обретая их, я ничем не рискую, что я ему не доверяю, что он огорчен до слез. Что он эти портреты только почистил от пыли и грязи, привел их в порядок для экспозиции. Однако все его доводы (а беседа продолжалась по крайней мере часа три) не были приняты мною во внимание» [9].

Разъяренный Пушкарев предложил художнику отправить спорный портрет на экспертизу в Москву, и тот неожиданно соглашается. 6 февраля Пушкарев пишет в отчете: «Утром в Посольстве рассказал тов. Казанскому о вчерашнем разговоре с Анненковым, и что возможно он принесет портрет Ленина и сам предложит послать его в Москву на экспертизу. Это было крайне маловероятным предположением, но в упрямстве человек может дойти до всего» [9].

Наконец, драматическое противостояние по поводу пресловутого портрета пришло к завершению: «Рано утром позвонил мне в гостиницу Анненков и сказал, что могу приезжать и забирать портреты. Он дает старый, подлинный, 1921 года, портрет Ленина. От неожиданности у меня перехватило дыхание. Он так и повторил, что дает подлинный. “Приезжайте и забирайте”» [9].

На следующий день Пушкарев был у Анненкова, но без денег, и портретов не получил. Сделка завершилась лишь 9 февраля, когда Пушкарев в сопровождении советского атташе по культуре Кривоносова выплатил деньги и забрал большую часть оговаривавшихся работ, включая портрет Ленина. В списке купленных работ он стоит естественно под № 1: «1. В.И. Ленин, кар. 1921, 30 x 40» [9]. В настоящее время именно этот портрет находится в отделе графики Государственного Русского музея.

В последнее время интерес к творчеству Анненкова непрерывно растет. Это связано и с переизданием его книг, и с появлением его работ на аукционах. Многочисленное воспроизведение анненковских портретов в книгах самого разного содержания оказалось возможным потому, что, несмотря на утрату многих оригиналов или неизвестность их местонахождения, сохранилось немало качественных репродукций. Сам Анненков способствовал их распространению и формировал эту виртуальную «галерею» в своих программных книгах. Изданный в 1922 г. альбом донес до следующих поколений многие эффектные портреты знаменитостей начала века. Под конец XX в. состоялись его репринтные издания – одно в США (в конце 1980-х годов), а второе было предпринято студией «Ять» в Москве в 1995 г. Кроме того, Анненков иллюстрировал своими работами многие книги и статьи в периодике. В 1951 г. в Париже вышла его книга «Одевая кинозвезд» [11], а в 1962 г. – «Макс Офюльс» [12], посвященная творческой биографии выдающегося французского кинорежиссера и друга художника. Обе они были обильно иллюстрированы кадрами из кинофильмов, фотографиями и рисунками Аннен-

кова (в том числе и портретами). В России эти книги были выпущены издательством «МИК» [2; 3].

Упомянувшийся выше двухтомник воспоминаний Анненкова «Дневник моих встреч» вышел в 1966 г. в США (на русском языке). В него вошли переработанные и дополненные очерки, публиковавшиеся в 1950–1960-е годы в эмигрантской периодике. Издание включало 64 портрета. Несмотря на категорическое запрещение ввоза эмигрантских изданий в СССР, книга в единичных экземплярах все же проникала из-за кордона, а потом распространялась в виде самиздата. Поэтому часть советских читателей задолго до перестройки смогла не только ознакомиться с текстом, но и увидеть знакомые или совсем неизвестные до того изображения выдающихся деятелей культуры и политики, в том числе крамольные портреты Троцкого, Зиновьева, Антонова-Овсеенко. В последние перестроечные годы один за другим вышло несколько репринтных изданий знаменитого двухтомника. В дальнейших переизданиях текст уминался в один том, но иллюстрации сохранялись в прежнем количестве (хотя и в уменьшенном размере). Поиски утерянных оригиналов общеизвестных портретов продолжаются, поэтому можно надеяться, что со временем появятся новые открытия и находки.

Литература

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Т. 2. – Нью-Йорк, 1966. – 337 с.
2. Анненков Ю.П. Одевая кинозвезд. – М., 2004. – 353 с.
3. Анненков Ю.П. Макс Офюльс. – М., 2008. – 400 с.
4. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Рисунок XX в.. Т. 3, книга первая. А–В. – М., 2006. – 464 с.
5. Замятин Е.И. О синтетизме // [Альбом] Юрий Анненков. Портреты. – Пг., 1922. – С. 16–40.
6. Кузмин М.А. Колебания жизненных токов // [Альбом] Юрий Анненков. Портреты. – Пг., 1922. – С. 43–56.
7. Луначарский А.В. [Предисловие] // [Папка] Юрий Анненков. Семнадцать портретов. – Л., 1926. – 2 с.
8. Пушкарёв В.А. Отчет о поездке в Париж с 15 февраля по 04 марта 1967 г. // ОР ГРМ Ф. 213. Ед. хр. 43.
9. Пушкарёв В.А. Отчет о поездке в Париж с 22 января по 10 февраля 1968 г. // ОР ГРМ Ф. 213. Ед. хр. 43.
10. George W. Hommage à Georges Annenkov // Анненков Ю. Дневник моих встреч. Т. 2. – Нью-Йорк, 1966. – Р. 11–19.
11. Annenkov G. En habitant les vedettes. – Paris, 1951. – 343 p.
12. Annenkov G. Max Ophuls. – Paris, 1962. – 137 p.

В.В. Леонидов

**КНЯЗЬ Н.Д. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ
И ЕГО КОЛЛЕКЦИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА**

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат
исторических наук, главный библиотекарь
Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына.

Этого высокого, элегантного, всегда со вкусом одетого человека хорошо знают в мире большого искусства и больших денег. Искусства – потому что он буквально спас огромный пласт русского наследия, оказавшегося за границей России, и сделал это собрание доступным своим соотечественникам. А больших денег – так как он заведовал африканским, ближневосточным и европейским отделами знаменитого банка «Уоллес Фарго» в Сан-Франциско, а затем почти десять лет занимал должность старшего вице-президента Международного банка финансов и ресурсов в Лондоне. Добавим, что еще ранее этот человек работал в геологических партиях в Аргентине, Аляске и Южной Африке, долгое время провел в Афганистане. Речь идет о Никите Дмитриевиче Лобанове-Ростовском, потомке древнего русского рода, в жилах которого течет кровь Рюриковичей. Интересно, что когда он получал американское гражданство, ему пришлось отказаться от титула, как это требовалось по американским законам. Сделал Лобанов это без всякого сожаления, объясняя впоследствии, что история его предков все равно остается с ним, а человека вначале судят по его делам, а уже потом по происхождению.

О жизни Н.Д. Лобанова-Ростовского можно было бы снять авантурный сериал, который вряд ли был бы менее интересным, чем, к примеру, «Лоуренс Аравийский». Среди его предков были и военные, и государственные деятели. Один из представителей знаменитого рода даже дослужился до поста министра иностранных дел, и благодаря ему Россия получила возможность строительства КВЖД. Дед, Василий Васильевич Вырубов, был товарищем министра Временного Правительства, а потом представителем Колчака в Европе. Его дочь с мужем из революционной России бежали в Болгарию,

где в 1935 г. в их семье и появился на свет Никита, будущий коллекционер и финансист.

К сожалению, победа во Второй мировой войне над фашизмом обернулась для русских эмигрантов в Болгарии коммунистическим террором. Отец отказался принять советский паспорт, они пытались нелегально перейти границу с Грецией, но попали в руки пограничников. Вся семья, в том числе маленький Никита, оказалась в тюрьме, затем в лагере. Оттуда сначала его, а потом и родителей выпустили, но жизнь была просто невозможной. Не брали на работу, родители продавали последнее. Маленький Никита собирал окурки, потрошил их и продавал табак цыганам на вес. И еще чистил ботинки на улицах. А потом отец исчез. Просто пропал. Так тогда случалось со многими. И лишь много лет спустя, уже в постсоветской Болгарии Никита Дмитриевич узнал, что отец был расстрелян в лагере.

Подобно герою фильма «Восток–Запад», Никита хотел попытаться бежать из страны через море. И даже, занимаясь плаванием, стал чемпионом Болгарии среди юношей. Но в дальнейшем, после всего пережитого, жизнь наконец изменилась. Выручили дядя, легенда русской эмиграции, Николай Васильевич Вырубов, один из ближайших соратников де Голля, работавший в Комиссариате ООН, и будущий классик Роман Гари (он был заместителем посла Франции в Болгарии). Они-то и вытащили Никиту и его мать из Восточной Европы.

В 1958 г. Лобанов-Ростовский купил эскизы Ларионова и Гончаровой по 2 долл. за штуку (на эти деньги тогда можно было купить несколько газет или кружек пива), в 1959 г. в США он приобрел эскизы костюмов Сергея Судейкина к балету «Петрушка» за... 25 долл. Можно представить, во сколько десятков, если не сотни, раз поднялась сегодня цена на такие произведения. Жена Лобанова-Ростовского Нина, урожденная Пико, дочь посла Франции в США, тогда же приобрела эскиз декораций Бенуа к тому же спектаклю. Сумма была несколько больше – 100 долл. С этого и началась коллекция. Постепенно его собрание пополнялось работами Коровина, Бакста, Экстер, Бенуа, Сомова, Сориная, Серебряковой, а также авангардистов, супрематистов, кубофутуристов – тех, кто долгие годы находился под запретом на Родине. При чем он очень мало напоминал коллекционеров, «гребущих под себя».

Лобанов-Ростовский был в непрерывном поиске, организовывал выставки в Америке, во Франции, в Японии, писал статьи, давал интервью и более чем способствовал тому, что русское искусство XX в. стало возвращаться из-за рубежа в Россию. В отличие от многих своих соотечественников, чью жизнь раздавила Советская власть, он не затаил обиды на Родину и еще в 1970 г. привез в Центральный архив литературы и искусства большой архив Сергея Судейкина.

Сегодня работы, подаренные им, находятся во многих государственных культурных центрах нашей страны. И в Музее изобразительных искусств

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

имени А.С. Пушкина, и в Московском Доме-музее Марины Цветаевой, куда Лобанов передал портрет одной из героинь ахматовской «Поэмы без героя» легендарной Саломеи Андрониковой-Гальперн работы Александра Яковлева, в Филевском парке Москвы оформил созданный Правительством столицы Дом-музей Лобановых-Ростовских. В Киеве, в Национальном художественном музее Украины, благодаря Никите Дмитриевичу находятся работы Репина и Экстер.

Весной 1988 г. в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, а через несколько месяцев в Ленинградском манеже открылась огромная экспозиция «Русское театральное-декорационное искусство. 1880–1930. Из коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских». Событие это стало одним из главных символов культурного возрождения эпохи перестройки. Десятки произведений тех, кто проходил не столь давно по спискам «врагов народа», казалось бы, навеки заклеянного авангарда и «чуждого народу» формализма, заблистали всеми гранями перед потрясенной публикой. Огромный пласт отечественной культуры, словно град Китеж, снова возник в духовной жизни России. Однако только экспозицией дело не ограничилось. Настольной книгой исследователей искусства XX в. стал большой том каталога «Собрание Никиты и Нины Лобановых-Ростовских: Художники русского театра: 1880–1930», подготовленный и изданный в Москве Никитой Дмитриевичем и известным историком искусства и литературы Джоном Боултом. Более тысячи воспроизведенных работ из этой фантастической коллекции, в обрамлении тщательных комментариев, стали доступны всем, кому дорога наша история и культура.

25 сентября 2008 г. в Санкт-Петербургском музее театрального и музыкального искусства открылась еще одна выставка – «Возвращение в Россию. Коллекция Лобановых-Ростовских». На ее открытии управляющий делами Президента РФ В. Кожин сообщил, что 810 работ из этого собрания приобретены благотворительным Фондом «Константиновский» за 16 млн. долл. и будут размещены в Конгресс-центре в Стрельне, около Константиновского дворца.

Теперь огромное собрание Лобанова-Ростовского навсегда останется в Российской Федерации.

Но представить Никиту Дмитриевича закончившим свою бурную деятельность просто невозможно. Сейчас он активно занимается созданием Национальной портретной галереи великих деятелей России. Однажды его спросили: «Что значит быть русским князем, потомком рода Рюриковичей?» Он ответил: «Замечательный русский философ Николай Бердяев в книге “Философия неравенства” заметил, что истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Я же надеюсь, что служу восстановлением в правах отдельных областей русской культуры, и в этом вижу свою миссию».

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Т.М. Кочегарова

УЧЕНЫЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: ВПЕРВЫЕ ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Кочегарова Тамара Михайловна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Возникший в России за последние четверть века предпринимательский класс многократно был исследован социологами, экономистами, психологами, политологами, правоведами и представителями других общественных наук. Библиография, посвященная современному российскому бизнес-сообществу, насчитывает уже сотни серьезных изданий. Но до сих пор не удавалось собрать на одной площадке ведущих исследователей и предпринимателей, принадлежащих не узкому слою «олигархов», а тому самому малому и среднему бизнесу, которые и составляют, если верить статистке, более 96% нового класса. Их встреча получилась юбилейной – 20 лет назад, в 1992 г. начались экономические реформы. В этой связи в Торгово-промышленной палате РФ 26 февраля 2012 г. состоялся круглый стол «Двадцать лет реформ глазами экономистов и социологов», на котором обсуждались итоги экономических реформ, их социальные последствия и пути дальнейшего социально-экономического развития страны.

Открывший заседание «круглого стола» президент ТПП РФ **С.Н. Катырин** подчеркнул, что при обилии дискуссий и гайдаровских чтений, различных симпозиумов и конференций, которые пытались ответить на вопрос: «Что дали России реформы 1990-х годов?», впервые на одной площадке встретились представители предпринимателей и академические ученые России, те, кто реально создает российскую экономику, и те, кто исследует ее как общественный феномен, порожденный реформами 1990-х годов.

Выступивший от сообщества ученых-экономистов директор Института экономики РАН **Р.С. Гринберг** подчеркнул, что Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И судя по всему окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. 20 лет в современном

стремительно развивающемся мире – это огромный срок. К сожалению, и сегодня Россия не достигла дореформенного уровня по многим важнейшим социально-экономическим показателям. Тем не менее шансы на осуществление технической модернизации, переход к социальному рыночному хозяйству – при всех откатах назад – все еще сохраняются. Но только при одном обязательном условии – суметь извлечь уроки из недавнего прошлого, чтобы не повторять ошибок. И здесь российская, прежде всего академическая, наука должна предложить обществу результаты анализа этого прошлого. Только на первый поверхностный взгляд кажется, что академические споры не имеют прямого и непосредственного отношения к конкретной экономической политике. На самом деле практикующие политики, их советники и консультанты всегда вольно или невольно руководствуются в своих действиях и рекомендациях более или менее целостными теоретическими конструкциями, оказывающими мощное воздействие на принимаемые решения.

Есть две уже усвоенные общественным сознанием очевидности. Первая: нынешняя Россия во многом – результат деятельности реформаторов 90-х годов. И вторая, наиболее существенная очевидность: экономическая модель, сформированная в 90-х годах, нуждается в замене. И чем быстрее это произойдет, тем лучше для России. Это сегодня признают не только академическое сообщество, но и широкая российская общественность, и руководство страны. Россия снова, как и в 1991 г., находится на распутье – и она вновь на пороге выбора путей дальнейшего развития. Не так давно свою оценку реформ 90-х годов дал В. Путин. Выступая 24 сентября прошлого года на съезде партии «Единая Россия», он отметил, что в 2000 г. страна находилась в состоянии разлухи, напоминавшую разлуку после Гражданской войны.

Так что мы имеем сегодня, каковы итоги российской реформации? Есть рост ВВП, но нет развития экономики. Важнейший источник роста экономики – инвестиции в основной капитал – на четверть ниже уровня 1991 г. Объем строительных работ на 32%, а промышленного и сельскохозяйственного производства на 15–17% ниже этого уровня, что резко усугубило продовольственную зависимость страны от импортных поставок. После реформ резко возросло число бедных и неимущих граждан, из которых не менее двух третей заняты в народном хозяйстве, что несовместимо с задачами его модернизации. А не снижающийся уровень детской бедности подрывает перспективы развития национального человеческого потенциала. В результате реформ российская экономика оказалась в гораздо большей зависимости от конъюнктуры мировых энергосырьевых рынков, чем это было в советский период. Одна из основных задач экономических реформ в России – преодоление структурной деформированности российского воспроизводственного комплекса не только не была решена в прошедшие 20 лет, но, наоборот, произошло резкое ухудшение положения, что можно квалифицировать как деиндустриализацию

страны. При этом технологическое отставание России быстро нарастает не только от стран-лидеров – США, Франции, Германии, Великобритании, Японии, – но и от Китая, Тайваня, Южной Кореи. Поэтому товарное наполнение внешней торговли определяется архаичным характером участия страны в международном разделении труда. В результате реформ произошла «офшоризация» российской экономики, угрожающая экономической и политической безопасности страны. Процесс бегства капитала, начавшийся в 1990-х годах, возрастает. Созданная российскими реформаторами финансовая система не способна обеспечить переход страны к устойчивому экономическому росту. Анализ основных параметров и пропорций бюджета, принятого на период до 2014 г., позволяют сделать вывод, что они носят инерционный характер при крайне слабом и нерезультативном государственном воздействии на экономические процессы. Бюджетные расходы не обеспечивают модернизацию экономики, диверсификацию производства на инновационной основе.

Таким образом, несмотря на высокие в целом темпы экономического роста в прошедшее десятилетие, важнейшие параметры, характеризующие развитие экономики, свидетельствуют, что задача повышения эффективности экономики России, поставленная в 1992 г. реформаторами, так и не была решена. Экономическая модель, созданная в 90-х годах, не обладает инновационным потенциалом. Какие бы инвестиционные усилия не предпринимало государство для перехода к устойчивому росту на основе структурной и технологической модернизации экономики, массовой ориентации предпринимательского сектора на решение этих задач не произошло. Они в лучшем случае реализуют лишь «точечные прорывы», неспособные изменить ситуацию в целом. Это иллюстрируется, в частности, тем, что при сопоставимом, а то и превосходящем уровне государственных затрат в процентах к ВВП на исследования и разработки с технологически развитыми странами (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Южная Корея) и стремящимися быть таковыми (Китай, Бразилия, Индия, Малайзия, Индонезия) предпринимательский сектор России отстает от своих конкурентов в разы. Аналогичным образом обстоит дело и при сравнении доли затрат на исследования и разработки в структуре затрат на производство промышленной продукции, где отставание составляет уже более порядковую величину. Отсутствие предпринимательского интереса – еще одна из основных причин низкого уровня инновационной активности.

Директор Института социологии РАН **М. Горшков**, назвав «круглый стол» в стенах ТПП «исторической встречей науки и практики», которая должна иметь свое дальнейшее продолжение, отметил, что многие оценки 20 лет реформ в России носят характер либо ангажированный, апологетический, либо поверхностный, не проникающий в живую ткань реальных процессов. Встреча экономистов и социологов здесь неслучайна. Социологам в

интерпретации результатов социологических проектов порой не достаёт фундаментальной объективной базы анализа экономической статистики; экономистам же не хватает проникновения в «живую человеческую душу», ради которой экономическая система в стране и обществе работает. «Экономика для человека или человек для экономики?» Нужна большая степень согласованности, чтобы выходить с рекомендациями в наш управленческий, аппаратный и властный мир.

Первый период экономической реформации России, по данным наших массовых опросов, стал временем серьёзных и глубоких провалов, грубого обворовывания страны, масштабного обнищания народа. В 1996 г., когда завершилась приватизация, не менее 40% населения относилось к тем, кто живёт либо у черты, либо за чертой бедности. Эта цифра поражает своей катастрофической величиной, но она верна, поскольку определяется не только данными наших массовых опросов, но и экономической статистикой. Реформы таким образом проводить было нельзя и это показывает весь опыт XX в. Второе десятилетие характеризуется обидным недоиспользованием полученных возможностей. Страна обрела такое достаточно редкое по историческим меркам явление как стабильность, но эта была стабильность без развития. Совершенно прав Гринберг – был рост ВВП, но развития не было.

Социологи ставят перед гражданами вопрос: «Вы выиграли или проиграли от тех перемен, которые происходили в 1990-х годах?» Только 4% отвечают на этот вопрос положительно, а 25% считают, что они проиграли. Ещё примерно треть наших сограждан признаются в том, что сохранили статус-кво, т.е. они и не выиграли, и не проиграли, остальные же просто не смогли определиться с ответом. В оценке итогов преобразований происходит несоответствие, которое мы фиксируем между позицией общественного большинства по этому вопросу и позицией руководства страны.

Что касается восприятия демократических ценностей и институтов, то сегодня к самой идее демократии устойчиво негативного, порой даже агрессивного отношения, в отличие от начала столетия, население уже не ощущает, а вот отношение к институтам демократии, механизмам реализации демократических прав и свобод по-прежнему резко отрицательное. Особенно это относится к представительской власти, начиная с Государственной думы, Совета Федерации, а также телевидения и печати. Доверие к ним крайне низкое, на уровне 7–10%. Отвечая на вопрос о том: «А является ли сегодня Россия демократической страной?», только четверть населения отвечает на этот вопрос утвердительно, а более половины считают, что сегодня Россия также далека от демократии, как и 20 лет назад. Вот суть того, что проявляется на улицах и площадях.

Наши исследования показали, что на фоне некоторого улучшения материального положения жителей крупных городов отмечается быстрый рост

неудовлетворенности россиян своей жизнью. В первую очередь, это относится к молодежи. В этой среде нарастает социально-психологическая напряженность. Сегодня востребованность инструментального потенциала социально-политической активности поколения 25–30-летних (акции прямого действия, митинги, пикеты, демонстрации, забастовки, обращения в суд, в СМИ и т.п.) значительно превосходит показатели десятилетней давности.

С оценкой резких перемен в морально-психологической атмосфере общества, произошедших за истекшее 20-летие, согласился директор института психологии РАН **А. Журавлёв**, который объяснил неудачу реформ помимо прочих факторов тем, что без учета психологии, ментальности народа экономические реформы проводить нельзя. Игнорирование этого фактора вызвало социальную апатию, уход в микросреду, утрату коллективизма, каких-либо форм солидарности у старшего поколения, и активное неприятие существующего положения у молодежи.

В современном российском обществе утрачено общее морально-психологическое единство, некий общенациональный менталитет, а реально существует полиментальность. И на полюсах, и на пересечениях соседствуют очень разные, даже полярные ментальности социальных групп. Учитывая растущее разнообразие форм массового сознания, в том числе и праворадикальных, националистических, можно утверждать, что без общественного регулирования, без общей системы ценностей никакого социально-экономического развития не может быть. При этом необходимо понимание того, что новое поколение 20–25-летних россиян представляет развитие более многовариантным и многоликим, нежели предыдущее. Нынешняя российская молодежь готова и значительно более открыта к переменам, в том числе радикальным.

Первый заместитель Председателя комитета Государственной думы по энергетике, член Комитета ТПП РФ по энергетической стратегии и развитию ТЭК **В. Тарасюк** отметил единодушие экспертов и руководства страны о необходимости модернизировать экономику. Уже два года об этом много говорится, но фактически ничего не делается, потому что в нынешней России доминирует сырьевая экономика. И виноват в этом не бизнес, который сам по себе вряд ли может решить задачу модернизации. Она должна быть решена на уровне государства. Если наше государство не поймет своей роли в модернизации экономики, то бизнес без его поддержки ничего не сделает. Да, спустя 20 лет после реформ мы, наконец, уже создаем некоторые новые, высокотехнологические производства, но это в лучшем случае на уровне среднего бизнеса. У нас сегодня нет таких больших современных производств, которые возникли за последние годы в Китае. Пока мы эти 20 лет или отставали, или, в лучшем случае, топтались на месте, КНР стала одной из передовых стран мира. В Сколково вкладываются огромные средства, создаются особые льготы, но при этом совершаются многочисленные ошибки в проек-

тировании и строительстве. А финансовые убытки от Сколково составляют уже 3 млрд. руб. А ведь здесь же, под Москвой, есть готовые прекрасные технополисы: Зеленоград, Дубна, Пущино, Обнинск, Жуковский, Климов, Черноголовка, из которой вышли недавно два нобелевских лауреата, работающие, увы, на Западе, как и многие тысячи наших ученых. Почему бы не спросить за это с реформаторов?

И в других городах есть мощные центры, которые надо поддержать. Но после реформ страна перестала инвестировать в науку. Поэтому за 20 лет мы не продвинулись вперед, а отстали. В нынешней России ежегодно регистрируется около 10 тыс. патентов. Если сравнить, например, с Германией, это в 42 раза ниже, там регистрируется 420 тыс. патентов в год. Если мы не будем опираться на науку, не будем увеличивать приток молодежи в науку и образование, то эффект от призывов к модернизации будет крайне незначительным.

В заключительном слове от научного сообщества инициатор «круглого стола», главный научный сотрудник Института социологии РАН **Р.Х. Симонян** отметил, что ошибок в переходный период было бы совершено значительно меньше, если бы был использован опыт приватизации в странах Восточной Европы. Например, в Польше приватизация проводилась поэтапно – сначала приватизировались мелкие, потом средние предприятия, а в последнюю очередь – крупные. Поэтому приватизация в Польше продолжалась более 12 лет, в то время как в России она прошла за 2,5 года. Это была самая стремительная в истории человечества приватизация, и уже к началу 1995 г. около 90% промышленности, в том числе и гиганты советской индустрии, оказались в частной собственности. При этом бюджетные поступления от приватизации были до удивления незначительны. Например, даже небольшая Венгрия получила в бюджет в 1,7 раза больше денег от приватизации, чем огромная Россия. Но еще более красноречивы результаты проверки, проведенной Счетной палатой РФ, согласно которой расходы на проведение приватизации в Ингушетии были в 287 раз больше, чем доходы, полученные от приватизированного имущества. Анализ всех сфер нынешнего общества показывает, что за экономические реформы 1990-х годов и население России и Россия как государство заплатили непомерную цену, причем наибольший ущерб был нанесен нравственной сфере общества¹.

Президент межрегиональной общественной организации «Московская ассоциация предпринимателей» **А. Паденок** выразил удовлетворение тем, что ТПП начала проводить такие встречи, потому что еще недавно предпринимателям казалось, что ученые-теоретики не знают реальной жизни. Оказы-

1. Точка зрения Р. Симоняна подробно изложена в статье, публикуемой в этом номере (с. 29).

вается, это не так. Что касается самих предпринимателей, то в 1990-е годы они видели все изнутри. В 1992 г. Гайдар приходит к власти и отпускает цены, не смоделировав хозяйственный механизм, и утверждает, что цены на сырье подорожают в 2 раза, на товары народного потребления в 2–3 раза. На самом деле цены начал отпускать еще Горбачёв, но Гайдар к этому процессу прибавил самый страшный механизм – свободные цены на ресурсы. Если открыть данные за март 1992 г., то можно увидеть, что цены на товары народного потребления выросли не в 2–3 раза, а в 20 раз, на сырье не в 2 раза, а в 30 раз. Специалисты в области математических моделей экономики тогда предсказывали именно такое гигантское повышение цен, и уже были подозрения, что Гайдар просто вообще ничего не считал. Как всем теперь ясно, реформаторы и не могли считать, они это делать не умели. Гибельный для экономики механизм был тогда заложен, и его сейчас никто не может исправить. Российская экономика «не дышит»: у нее нет денег на техническую модернизацию. Все фонды вместе взятые – это капитал не крупного банка в США. Если в стране уровень кредита больше, чем уровень рентабельности промышленности, то экономика стагнирует и страна обречена.

Генеральный директор объединения «Элленвест» **Е. Дыбова**, еще в 1990 г. создавшая свое предприятие, подчеркнула, что экономика на сегодняшний день в государстве не работает, потому что все упирается в абсолютную коррупцию. Никакие законы и правила не действуют. У присутствующих здесь предпринимателей огромный опыт, они уже все знают, все умеют, они прошли все школы, но их опыт, их профессионализм государством не востребован. Каждый из них плотно «придавлен» плитой бюрократического давления, бюрократия заасфальтировала все «ростки». Экономические законы сейчас не действуют, получается, что у нас сейчас есть только одна возможность – это Болотная площадь, куда мы все пошли, потому что в противном случае право на нашу жизнь, как бизнесменов, просто исчезнет.

Председатель объединения «Всероссийское движение за честный рынок» **И. Хандриков**, предприниматель со стажем в 24 года напомнил, что в 1995 г. была создана первая широко разрекламированная программа поддержки малого бизнеса, которая к 2000 г. была с треском провалена. В 2007 г. появился Закон о поддержке малого бизнеса № 29, опять заявили о каких-то программах, а все деньги закачали в госкорпорации. Во многом то, что у нас сегодня широко плодятся миллиардеры – это продолжение политики, берущей начало в 1990-х. Нужны перемены. Поэтому необходимо продолжить встречи с учеными, чтобы мы могли обсудить новую повестку дня для малого и среднего бизнеса. Все мы знаем, какие условия является необходимыми для появления среднего класса. И если мы принципиально не пересмотрим те подходы, которые сложились в стране в отношении малого и среднего бизнеса, мы так и не будем иметь полноценного среднего класса, потому что он

сегодня формируется из чиновников. Вчера была дискуссия РИА «Новости». Там Агентство стратегических инициатив выдвинуло предпринимательскую инициативу по обсуждению важной темы: создание и улучшение условий по инвестиционному климату. И журналисты задавали вопросы: «А как вы относитесь к тому, что там происходило на Болотной площади и почему предприниматели выходят на Болотную площадь, и что вы по этому поводу думаете?» Наша сегодняшняя дискуссия – развернутый ответ на этот вопрос.

Директор национального института развития малого и среднего бизнеса **М. Гальвановский** заявил, что в 1990-х годах была создана система деградации национальной экономики. Стране нужна смешанная экономика, и с этой точки зрения важно заново осмыслить тот грамотный хозяйственный опыт, который был накоплен в Советском Союзе. У руководителей государства нет конкурентоспособной стратегии, а ее нужно разрабатывать на основе междисциплинарного подхода с участием не только социологов и экономистов, но также историков, политологов, социальных философов, даже лингвистов, потому что мы не понимаем, о чем мы говорим, мы говорим на языке, который уже не отражает реальных вещей.

Председатель Правления НО «Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры» **Е. Баяхчан** отметила важность проблемы нравственных ценностей, которые постепенно размываются в российском обществе. Предприниматель работает сегодня в атмосфере полного морального безразличия, нравственной безответственности. Если он честно и принципиально, отстаивая свои интересы, обратится в любую официальную организацию, то в лучшем случае ему просто не ответят, а в худшем будут морочить голову – это заколдованный круг, который не прервется на какой бы официальный уровень ни выходить.

Президент Ассоциации руководителей и специалистов малых предприятий **В. Смирнов** подчеркнул, что в результате криминальной приватизации законы преступного мира вошли и в экономику, и в политическую сферу, и даже в бытовую. Поэтому так актуально выступление Р.Х. Симоняна, в котором говорилось о нравственном аспекте бизнеса и общественных отношений. Это ключевой момент, который вывел людей и на Болотную площадь, и на проспект Сахарова. Не нужно забывать, что малый бизнес – это не насос для выкачивания денег из экономики, а социальный фактор. Каждое малое предприятие – это одна или несколько семей, которые сами берутся решать свои экономические проблемы.

Все участники «круглого стола» высказали пожелание регулярно проводить такие встречи под эгидой ТПП.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Ху Юн.

**ТВОРЦЫ «КИТАЙСКОГО ЧУДА»:
РАЗВИТИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Hu Yong. The expansion of peasant rationality: An analysis of the creators of the «China Miracle» // Social sciences in China. – Beijing, 2011. – Vol. 32, N 1. – P. 5–25.

Автор, профессор Хуачжунского Нормального университета, директор Института политических исследований при этом университете Центрального Китая (КНР) пишет: «Чтобы понять “китайское чудо”, мы прежде всего должны понять китайского крестьянина... Чтобы понять крестьян, мы должны прежде всего оценить “крестьянскую рациональность”. А чтобы показать, как развитие крестьянской рациональности способствовало сотворению “китайского чуда”, необходимо отказаться от формулы “традиция vs модернность”» [с. 5].

Начинать следует с пересмотра классической социологической теории Тённиса–Дюркгейма–Вебера, основывающейся на дихотомии «традиционности–модерности», в которой крестьянство оказывалось исключительно консервативной силой, чья активность могла про-

являться лишь в отстаивании традиций аграрной цивилизации и в сопротивлении утверждению индустриально-рыночной цивилизации. На постулате непроборимого крестьянского консерватизма базировались все западные теории модернизации.

Поворотным моментом стало появление книги Баррингтона Мура¹, характеризовавшей исторические типы модернизации, в которой крестьянство обрело место субъекта, однако лишь в качестве политической силы. Затем наступило «славное десятилетие крестьянских исследований»², когда предметом изучения сделалось собственно крестьянство, выявлялись его специфические характеристики и особое внимание было уделено крестьянскому сознанию. Возникла концепция «крестьянской рациональности», которая вызвала резко отрицательное отношение в концепции «морального крестьянина»³.

1. Moore B. *Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world.* – Boston, 1966. (Здесь и дальше Ху Юн ссылается на китайские переводы изданий американских авторов. – Прим. реф.).

2. Migdal J.S. *Peasants, politics and revolution: Pressures toward political and social change in the Third World.* – Princeton: Princeton univ. press, 1975. – P. 2.

3. Popkin S. *Rational peasant: The political economy of rural society in Vietnam.* – Berkeley: Calif. univ. press, 1977; Scott J. *The moral economy of the*

В первом случае позитивная оценка поведения крестьянства в рыночной экономике основывалась на классической концепции «экономического человека» Адама Смита: «рациональный крестьянин» хозяйствовал в соответствии с принципом максимальной прибыли при наименьших затратах. Во втором для крестьянина, как заботящегося лишь о выживании, не находилось места в рыночной экономике. В противоположных подходах имелось слабое место – игнорирование историчности крестьянского сознания.

Если рассматривать крестьянскую рациональность в исторической перспективе многовековой эволюции сельского хозяйства, то приходишь к выводу, что за это время у крестьян выработалось «уникальное сознание», установки которого «были рациональны и эффективны в соответствующих обстоятельствах», и заодно, что «рациональность “экономического человека” отнюдь не является прирожденной или вечной». Это «продукт экономических условий капиталистического рынка» [с. 9].

Верно, что раз возникнув, традиция приобретает определенную инерцию, формируя «инерционную рациональность», однако само определение «рационально-

сти» предполагает возможность выбора экономического поведения при смене обстоятельств и, «когда инерционная рациональность, сформировавшаяся в одной среде, вводится в другое общество, ее потенциал может породить новую и уникальную эффективность» [с. 9–10].

Рациональность китайского крестьянина, трансформируясь в условиях перехода КНР к рыночной экономике из «рациональности выживания» в «рациональность развития», и привела к сотворению «китайского чуда». «Органическое соединение сильных сторон (традиционной. – *Реф.*) крестьянской рациональности и современного индустриально-рыночного общества освободило мощнейшую энергию, беспрецедентную как для традиционного аграрного общества, так и для современного индустриально-рыночного общества». В этом заключена одна из закономерностей цивилизационного перехода: «В переходный период, когда одна цивилизация сменяется другой, сильные стороны двух цивилизаций могут соединяться, порождая эффект взаимоусиления» [с. 10–11].

Обоснование своей гипотезы Ху Юн находит в курсе руководства КНР на построение «социализма с китайской спецификой» и в документах КПК. Так, в Отчете доклада XV съезду КПК говорилось, что «соединение социализма с рыночной экономикой представляет великое и небывалое (pioneering) предприятие» [с. 11].

peasant rebellion and subsistence in Southeast Asia. – New Haven; L.: Yale univ. press, 1976. Обзор дискуссии см.: Фурсов А.И. Проблемы социальной истории крестьянства Азии. – М.: ИНИОН, 1986–1988. – Вып. 1–2. (Прим. реф.).

Ху Юн выделяет восемь свойств крестьянской рациональности, демонстрируя, как она становилась фактором экономического прогресса в период реформ.

Трудолюбие, способность к тяжелому труду. «Это самый коренной элемент крестьянской рациональности», обусловленный большой зависимостью от природных факторов. Факторами традиционной аграрной экономики были труд и земля. Из этого следовали два вывода. Большинство крестьян могло обеспечить свое существование лишь тяжелым трудом. Больше труда – больше урожай. Но избыточный труд не гарантировал богатства. Происходила «экономическая инволюция»: земля все меньше реагировала на вложения труда⁴. Богатство могло дать лишь владение большим количеством земли, а в условиях крайнего аграрного перенаселения это означало – «улучшить свое положение за счет других». За ростом неравенства неизбежно следовало жестокое и принудительное перераспределение богатства. Отсюда пословица «Богатство не удерживается больше трех поколений» [с. 12].

Напротив, в индустриально-рыночном обществе вместе с вложением дополнительного труда может происходить «мирное нако-

пление богатства и насильственное его перераспределение становится менее вероятным». Промышленная революция делает крестьянина менее зависимым от природных факторов и дает возможность наращивать отдачу земли. С началом реформ китайские крестьяне «работали с тем же усердием, что и их предки в далеком прошлом». Их «тяжелый труд, а не техника обеспечили рост конкурентоспособности экономики Китая», тогда как условия рынка создали возможность для роста крестьянского благосостояния [с. 12].

Бережливость. В условиях традиционной аграрной экономики крестьяне были приучены сводить потребление к минимуму. С началом реформ крестьянские доходы возросли, но принцип бережливости сохранялся. Частью из-за сохраняющейся зависимости от природы, частью из-за отсутствия социального обеспечения китайские крестьяне предпочитают увеличение доходов использовать для сбережений. Именно благодаря такому поведению крестьян уровень внутренних сбережений в КНР достигает 46% (2008); для сравнения – в США 0,5 %. Высокий уровень сбережений позволяет китайским крестьянам легче переносить колебания рыночных цен, а в сочетании с крупнейшими в мире валютными резервами внутренние сбережения позволяют КНР легче справляться с влиянием мирового финансового кризиса [с. 13].

Расчетливость. Бытующее в экономической науке представле-

4. Ху Юн ссылается на концепцию американского ученого китайского происхождения Ф. Хуана (Huang Ph. *The peasant economy and social change in North China*. – Stanford: Stanford Univ. press, 1985). – Прим. ред.

ние, что крестьяне, в отличие от торговцев, были в традиционном обществе не способны к расчету своей хозяйственной деятельности, ошибочно. Просто их расчеты были направлены на самосохранение. Избегая участия в рискованных экономических предприятиях, крестьяне тщательно взвешивали свои реальные возможности. Это вообще в благоприятную сторону отличает Китай и китайский бизнес от бизнеса развитых стран, в котором «виртуальная экономика все больше расходится с реальной» [с. 14].

Взаимность. «Хотя говорят, что китайские крестьяне рождаются разделенными, а не объединенными, фактически они и разделены, и объединены». У них «долгая история взаимопомощи и сотрудничества» [с. 14–15].

Человеческие отношения. «Традиционное аграрное общество – это общество родственников и друзей». И в рыночных условиях в Китае сохраняется традиция неформальных отношений. «Если бы свыше ста миллионов рабочих-мигрантов Китая нуждались в агентствах занятости, число бы последних стало астрономическим. Если бы китайские мигранты и их предприниматели обращались к правовым инструментам для решения возникших проблем, их юридические издержки были бы огромными». В результате резко снизилась бы конкурентоспособность китайской экономики. Так, подтверждается правота основателя нового институционализма Дугласа Норта о том, что сохране-

ние в переходных обществах традиционных неформальных каналов становится фактором «устойчивости и поступательности социальных перемен»⁵.

Любовь к учению. «Аграрное общество было обществом обучения». Именно способность и желание учиться в сочетании с трудолюбием обеспечили выдвижение Китая в современном мире. Крестьянская рациональность традиционно диктовала крестьянам, чему и как учиться, чтобы обеспечить выживание. Теперь она диктует китайцам необходимость новых знаний в современном мире. Благодаря своему особому усердию в учебе китайские студенты в США добились гораздо больших академических успехов, чем представители какого-либо другого народа. Их отличают подражательность в обучении и его избирательность, сосредоточенность на практических знаниях [с. 17].

Стремление к стабильности. «Из-за непредсказуемости явлений природы безопасность была самым большим желанием крестьян и самым большим счастьем для них». Укорененная в крестьянской рациональности эта ценность порождает «стремление к стабильности и страх перемен». Иностранцы наблюдатели не могут понять, как грандиозные перемены в китайской экономике могли осуществляться при сохранении политиче-

5. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1990. – P. 51. – По кит. изданию 1994 г.

ской стабильности, находя в этом «китайское чудо» [с. 17]. Дело как раз в том, что китайские крестьяне после 30 лет КНР и особенно после перипетий земельной реформы больше всего желали стабильности⁶. Поэтому они подержали курс Дэн Сяопина, провозгласившего, что, несмотря на «инцидент 4 июня»⁷, «политика открытости и реформ» будет продолжаться. В 1980-х годах материальное положение крестьян улучшалось, что и обусловило их стремление к сохранению стабильности. В 1990-х – в сельских районах возникла нестабильность из-за возрастания налоговой нагрузки, однако серьезный кризис не возник. Сыграла свою роль привычка крестьян довольствоваться малым. Обеспечив стабильность в деревне, это свойство создало наилучшие возможности для промышленного рывка [с. 18].

Стойкость. Это свойство проявилось как во время войны, так и в мирное время. Именно стойкость помогла Китаю одержать победу в войне с Японией, она же помогла китайскому крестьянству преодолеть «суровые обстоятельства трехлетия с конца 1950-х до нача-

ла 1960-х годов»⁸. Серьезные трудности были и в период реформ.

В 1980-х годах армия была сокращена на 1 млн. человек, в 1990-х годах реформа государственной промышленности затронула около 10 млн. рабочих, вынужденных искать работу. «Такие великие преобразования немыслимы в других странах, даже в тех, которые заявляли о “радикальных преобразованиях”⁹. Успех Китая в этих преобразованиях – во многом следствие народной стойкости» [с. 19].

Из постулата об историчности феномена крестьянской рациональности Ху Юн делает несколько выводов.

1. Поскольку «китайское чудо» как сочетание экономического роста с политической стабильностью сотворено благодаря этому феномену, который, в свою очередь, порожден тысячелетним опытом уникальной аграрной цивилизации, не может быть и речи о заимствовании «китайской модели». «Китайский путь» так же уникален, как «западный путь». И следует сознавать цену, которое заплатило крестьянство Китая за

6. Соблюдая политкорректность, автор обходит деликатные вопросы о последствиях «большого скачка» 1958–1961 гг., «культурной революции» 1966–1976 гг., да и о тех миллионах жертв, которые стоила деревне земельная реформа. – Прим. реф.

7. Подавление студенческих манифестаций на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. – Прим. реф.

8. Подразумевается, что несколько десятков миллионов (от 16,5 до 30 млн., по разным оценкам) умерли от голода и его ближайших последствий во время «большого скачка». – Прим. реф.

9. Дается ссылка на рыночные реформы («рыночную терапию») в России и в странах Восточной Европы. – Прим. реф.

экономический рынок тяжелейшим трудом и материальными лишениями. «Каждая страна должна выбирать собственный путь развития, соответствующий национальным условиям и настроениям в обществе» [с. 19–20].

2. Выдающаяся роль крестьянской рациональности ограничена условиями переходного периода, она не будет действовать бесконечно. Уже у второго поколения мигрантов замечается отход от установок на тяжелый труд. Их интересует не только зарплата, но и условия труда, обстановка на предприятии. То же самое с установкой на бережливость. По стандартам своего потребления новые поколения крестьян сближаются с горожанами. Развлечения берут верх над установками на сбережение.

Дешевизна крестьянского труда на промышленных предприятиях уходит в прошлое. Лишаясь этого ресурса, обеспечивавшего сверхприбыли, предприниматели вынуждены менять свою стратегию. С ростом потребностей крестьян возрастает нестабильность, соответственно власти должны тратить больше средств на обеспечение порядка. Возрастающие социальные расходы ложатся дополнительным бременем на китайскую экономику, снижая ее конкурентоспособность. «Китайское чудо» оказывается «относительным понятием» [с. 20].

«Новые богачи» не считают себя связанными обязательствами помощи бедным, а их вызывающее поведение провоцирует рост популистских настроений, находящихся

выражение в огульной ненависти к богатым, что чревато социальным взрывом. Пока «массовые инциденты»¹⁰ не приобрели характер мощной устойчивой тенденции. Но если это произойдет, все достижения «китайского чуда» окажутся под вопросом [с. 22].

Итак, делает выводы Ху Юн, нельзя приписывать «китайское чудо» конфуцианству или традициям вообще. Традиционный Китай развивался очень медленно, и торжество традиционализма было бы шагом назад. Нельзя делать акцент на роль лидеров; лидеры добиваются успеха, если их поддерживают массы. Нельзя придавать слишком большое значение институтам. Решающую роль играет культура: «система – оболочка, а культура – ядро». Обращаясь к «историческому институционализму», мы должны выделять роль человека как субъекта истории [с. 23–24].

Сейчас крестьянская рациональность вступила в фазу упадка. Однако смена ее «рациональностью городского жителя» не будет ни легкой, ни быстрой, ибо за ней несколько тысячелетий. «В конце концов она может возродиться в новых формах» [с. 22].

А.В. Гордон

10. Под эту категорию в КНР попадают выступления социального протеста. – Прим. реф.

Барфилд Т.

**АФГАНСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ
ГОЛОВОЛОМКА.
ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ ПЕРЕД
ВЫВОДОМ ВОЙСК США**

**BARFIELD Th. Afghanistan's Ethnic
puzzle. Decentralizing Power before
the U.S. Withdrawal // Foreign
affairs. – N.Y., 2011. – Vol. 90,
N 5. – P. 54–65.**

Т. Барфилд (Бостонский университет, США) считает, что неэффективность центральной власти в Афганистане порождает общее недовольство населения и способствует, как это уже случилось в прошлом, усилению этнических связей и региональной солидарности. В 2001 г. афганцы из всех районов и этнических групп так жаждали установления мира в стране, что были согласны на восстановление центральной власти при ее известном несовершенстве. Сегодня отношение к правительству в Кабуле изменилось. Если США с союзниками (прежде, чем их войска покинут страну) не сумеют помочь в проведении реформ по реорганизации системы власти, усилия Запада, направленные на создание стабильного Афганистана окажутся потраченными впустую.

Население Афганистана представлено семью крупными этническими группами. Это пуштуны,

таджики, хазарейцы, узбеки, аймаки, туркмены и белуджи. Пуштуны считаются большинством, хотя их реальная численность, по мнению аналитиков, колеблется между 40 и 45% населения. Однако в каждом, а иногда и в нескольких районах страны доминирует своя этническая группа: на юге и востоке – пуштуны, на северо-востоке и западе – таджики, в центре – хазарейцы, на северо-западе – узбеки. При этом с политической точки зрения этническая принадлежность является скорее внешним признаком и не имеет серьезного практического значения. Большинство афганцев осознают себя главным образом через принадлежность к роду, деревне, району. Среди непуштунов, например, землячество является более важным фактором, чем этническая принадлежность. Так, представители разных общин из одного и того же населенного пункта часто демонстрируют большую солидарность, чем соплеменники из разных концов страны. Для Афганистана полиэтничность является нормой, сохраняющейся уже более 250 лет. В течение этого времени имели место конфликты на этнической почве. Однако их содержание сводилось к проблеме политического доминирования одной из этнических групп и подчиненного положения остальных, а не к завоеванию каждой группой исключительного контроля над своей территорией.

Можно говорить о существовании некой закономерности: афганские правительства свержаются

путем мятежа, а новый стабильный режим устанавливается в результате гражданской войны. Именно по такой модели события развивались в конце XX в. Моджахеды начали борьбу против правительства НДПА, и после его падения в апреле 1992 г. началась гражданская война. У этой войны не было идеологической основы. Это была борьба этнических и региональных группировок между собой за собственные интересы. «Конфликт, который внешне выглядел как этнический, в реальности представлял собой борьбу за политические, экономические и военные ресурсы. Этот факт объясняет, почему во время гражданской войны происходили частые перегруппировки внутри альянса, и вопиюще отсутствовала сплоченность внутри каждой этнической группы» (с. 60). Единственная проблема, которую с натяжкой можно назвать этнической, сводилась к тому, что пуштуны пытались разрушить дискриминировавшую их традиционную этническую иерархию и вернуться к давней практике региональной автономии. К 1994 г. в отсутствие сплоченности среди пуштунов гражданская война зашла в тупик: каждая группировка была способна удерживать собственную территорию, но не могла выйти за ее пределы.

Патовую ситуацию нарушило исламское движение Талибан, сумевшее прекратить клановую междоусобицу и добиться объединения на религиозной основе. Теоретически Талибан мог бы объединить страну, если бы среди его

руководителей и членов так явно не преобладали пуштуны. Непуштунов возмущали этнический шовинизм и слишком жесткая тактика движения. Поэтому, когда в 2001 г. в борьбу с талибами вступили США, непуштунские группировки встали на их сторону и помогли выдворить талибов из Афганистана.

На общенациональном уровне поражение Талибана привело к возникновению вакуума власти. Влияние региональных лидеров снова возросло, но никто из них не выступил против идеи формирования нового центрального правительства. Подготовительная работа в этом направлении длилась несколько лет и отличалась стремлением к сотрудничеству. Особого внимания заслуживают следующие обстоятельства: лидеры Северного альянса, способствовавшие разгрому талибов, не стали создавать правительство в одностороннем порядке; пуштуны не понесли наказания за прежние симпатии к Талибану; ни одна из группировок не выступила в роли спойлера. Несмотря на то, что многие непуштунские группировки в стремлении к большей автономии не сразу согласились с проектом конституции, никто из них не захотел стать зачинщиком спора. Главой государства стал Карзай (пушун из Кандагара), но министерские посты были поделены между представителями разных этнических групп. «Новая власть представляла собой брак по расчету, а не по страстной любви» (с. 61).

Дефектом нынешней государственной системы Афганистана является отсутствие партий и политической конкуренции. Как следствие, происходит укрепление неполитических связей, основанных на семейной, региональной или этнической принадлежности. За неимением альтернативы афганский парламент быстро раскололся на «пуштунский» и «непуштунский» блоки, а министерства стали этническими вотчинами. Главным противником легальной деятельности партий и формирования парламента на основе партийного представительства является сам президент Карзай, считающий, что партии разрушают национальное согласие.

Еще одним пороком государственной системы является то, что все назначения (вплоть до уровня округов) делаются единолично Карзаем. Его назначения, злоупотребляющие властью или срабатывающие между собой представителей разных этнических групп, способствуют возникновению враждебности по отношению к центральному правительству, особенно в тех местах, где сильны традиции автономии. Когда в 2005 г. на юге Афганистана вновь появились талибы, они воспользовались общим недовольством, а также убежденностью в том, что Карзай заботится не о национальных интересах, а использует семейные связи для поощрения союзников и наказания соперников.

США, которые в 2014 г. собираются вывести из страны свои войска и передать всю полноту

ответственности афганскому правительству, следует внимательнее отнестись к внутренним проблемам Афганистана. В государстве, которое возникнет после ухода войск США и НАТО, этнический фактор будет играть не последнюю роль. «В настоящий момент все пуштуны боятся, что Карзай заключит против них сделку с пуштунским крылом Талибан. Они также уверены, что подобная сделка не будет соответствовать реальному раскладу сил, но может стать предвестником возвращения Талибан. Вместо того чтобы вновь вступить в кровавую гражданскую войну, как это было в 1990-х годах, афганские пуштуны могут отказаться жить в едином государстве и отколоться, предоставив талибам бороться за власть с другими талибами на юге и востоке. Подобный сценарий неизбежно приведет к дестабилизации в тех районах Пакистана, где пуштуны составляют большинство, и будет способствовать возникновению обширных неуправляемых приграничных территорий, где воцарится анархия и создастся благоприятная почва для деятельности различного рода террористических групп» (с. 63).

Предотвратить такой сценарий еще возможно, так как рост значения этнических и региональных связей объясняется, главным образом, отсутствием альтернативы. США следует убедить Карзая обеспечить правовую основу для деятельности политических партий. Необходимость такой реформы очевидна, так как выступаю-

щие в личном качестве кандидаты в настоящее время получают на парламентских выборах менее 20% голосов избирателей, числящихся в округе. Если члены афганского парламента перестанут отражать географические и этнические особенности электората, а займутся отстаиванием позиции своих партий, эффективность этого института только возрастет. Наличие в нем разных политических группировок, включая Талибан, позволит мирным и законным путем бороться за представительство на национальном уровне. Именно такое положение вещей, а не закулисные договоренности руководства страны с талибами, способно обеспечить стабильность власти.

США также следовало бы убеждать Кабул в необходимости передать часть властных полномочий на уровень провинций и округов. Граждане должны получить возможность самостоятельно выбирать местное руководство. Последнее должно быть наделено правом собирать локальные налоги для финансирования местных нужд. Выборы губернаторов и глав округов могут стать наиболее безболезненной формой сотрудничества с Талибаном.

Важнейшей, но трудноосуществимой задачей США и их союзников является обеспечение соблюдения требований конституции при смене власти в Афганистане. Известно, что полномочия нынеш-

него президента Карзая (второй срок) истекают в 2014 г. Известно также, что еще ни один афганский лидер не уступал своего места добровольно. В Афганистане считают, что Карзай попытается сохранить за собой президентство, несмотря на положения конституции. Многие афганцы убеждены, что без давления со стороны Запада решить проблему смены власти невозможно. Представители западной коалиции должны употребить все свое влияние на то, чтобы убедить Карзая создать прецедент передачи власти преемнику с соблюдением конституционных требований. Для этого необходимо снять запрет на деятельность партий, чтобы привести на политическую сцену новое поколение афганцев.

Все эти меры следует принимать уже сейчас, а не откладывать до 2014 г. В противном случае о мире в стране не может быть и речи. «Хотя история показывает, что этнические и региональные группировки в Афганистане неизменно мобилизуются на борьбу при возникновении угрозы их интересам, такая реакция есть проявление прагматизма, а не имманентной враждебности или национализма. Лучший путь избежать конфликта и тем самым создать более стабильный Афганистан, – учесть эти интересы до, а не после возникновения конфликта» (с. 65).

Н.Б. Шувалова

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

М.В. Ильин. Как растут свобода и демократия на российской почве?
M.V. Ilyin. How Freedom and Democracy Grow on the Russian Soil?

Ключевые слова: история России, государство и общество в России, свобода, демократия, политические реформы.

Key words: Russian history, state and society in Russia, freedom, democracy, political reforms.

Не только в России, но и повсюду демократия как «свободное правление» в основном вырастает из пространства недемократических институтов. Выборы, конституции, признание верховенства законов, иммунитета народных представителей и т.п. возникли задолго до того, как в конце XIX и в начале XX столетий в некоторых странах начали формироваться современные демократические системы. Это общее правило справедливо и для отечественной демократии. Без знания и понимания превратностей и исторических превращений свободы и участия народа в отправлении власти трудно, если вообще возможно, строить институты современной демократии на русской почве.

Not only in Russia, but everywhere democracy as a free government grows mainly in the space of non-democratic institutions. Elections, constitutions, supremacy of law, immunity of people's representatives etc. had originated long before the late 19th century and early 20th century when modern democratic systems began to take shape in some countries. This common rule is true of domestic democracy as well. Without knowing and understanding vicissitudes and historical transformations of freedom and popular participation in administering power it is difficult, if at all possible, to build modern democratic institutions on the Russian soil.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Р.Х. Симонян. Два десятилетия реформ глазами социолога
R.Kh. Simonyan. Two Decades of the Reform in the Eyes of a Sociologist

Ключевые слова: постсоветская Россия, политические реформы, экономические реформы, приватизация, социальное расслоение, деиндустриализация, коррупция.

Key words: post-Soviet Russia, political reforms, economic reforms, privatization, social cleavages, de-industrialization, corruption.

Постсоветские реформы не погубили Россию, как не погубили ее и все прошлые катаклизмы в ее истории. Но цена потерь огромна. Результат реформаторской вакханалии 1990-х годов может оказаться более болезненным, чем результаты прошлых катастроф в российской истории. В то время как многие современные страны успешно развивались, мы не только остановились в развитии, но на целом ряде направлений откатились назад. Очередной раз России придется догонять передовых, а теперь это уже не только Запад, но и многие страны за его пределами.

Post-Soviet reforms did not ruin Russia, like all former cataclysms in its history could not do it. But the cost of the losses was tremendous. The results of the reformers' orgy in the 1990's can appear more painful than those of the former catastrophes in Russian history. At the time when many contemporary countries developed successfully we not only stopped developing but experienced setbacks in a number of directions. Again Russia has to catch up with the leading countries, and this time they are not only Western ones.

О.М. Михайленок. Политическая модернизация и политическая стабильность: Российский дискурс

O.M. Mikhaylenok. Political Modernization and Stability: The Russian Discourse

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., политический режим, политическая модернизация, социальная стабильность.

Key words: Russia, early 21st century, political regime, political modernization, social stability.

Сегодня в кругах ученых, экспертов, ведущих политиков становится все более признанным, что для обеспечения стабильности властвующего режима

в России придется создавать более или менее действенные механизмы интеграции сил общества в направлении эффективного продвижения по пути социально-экономического развития. Без политической модернизации этого результата не достичь. Дестабилизация проявляется в ослаблении легитимности власти, лихорадочных поисках ею дополнительной поддержки среди различных социальных слоев российского общества и международного сообщества.

Among scholars, experts and leading politicians today it becomes growingly admitted that to ensure the stability of the regime in power will demand more or less workable mechanisms of social integration for efficient movement on the path of socio-economic development. This cannot be achieved without political modernization. Current de-stabilization reflects itself in the weakening of the authority's legitimacy and its hectic search for supplementary support in various social strata of the Russian society and world community.

Ю.Г. Павленко. Социальные факторы модернизации российской экономики

Yu.G. Pavlenko. Social Factors of the Russian Economy Modernization

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., экономика, экономическая политика, социальная политика, модернизация.

Key words: Russia, early 21st century, economy, economic policy, social policy, modernization.

Важнейшей задачей в сложившихся сегодня условиях является формирование демократических процедур достижения социального консенсуса вокруг направлений и механизмов социальной политики, которые позволили бы создать эффективную экономическую модель, способную модернизировать экономику и достичь реального экономического успеха. Ведущую роль в формировании таких процедур призвано сыграть гражданское общество.

The most important task in the present conditions is the formation of democratic procedures of ensuring social consensus based on social policy directions and mechanisms which would allow to create an effective economic model capable of implementing economic modernization and attaining visible economic progress. Civil society ought to perform a key role in the formation of these procedures.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

А.В. Алексеев. Сколько стоит модернизация?

A.V. Alexeev. How Costly is Modernization?

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., экономическое развитие, модернизация, капиталовложения, фонды, сравнение США и России.

Key words: Russia, early 21st century, economic growth, modernization, investments, funds, US–Russia comparison.

Российская экономика объективно нуждается в кратном увеличении своей инвестиционной программы. Никаких реальных оснований для популярной в российском обществе точки зрения, что давно пора меньше тратить на промышленный рост и больше платить людям, нет. Не потому, конечно, что население живет слишком хорошо, а потому, что вначале необходимо создать материальные условия для высокого уровня жизни. Иначе полностью рухнет технологическая система, созданная еще в советский период.

Russian economy objectively needs multiple enhancement of its investment program. There is no real grounds for a popular view in the Russian public opinion that it is high time to spend less on industrial growth and pay people more. Certainly, not because the population lives too well off, but for the reason that it is necessary first to create material condition for a high life level. Otherwise, there will be a complete downfall of the technological system created as long back as the Soviet time.

В.В. Пациорковский. Модернизация домохозяйств как императив развития России

V.V. Patsiorkovsky. Household Modernization as an Imperative for Russia's Development

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., сельское хозяйство, земельная политика, демографические тенденции, домохозяйства, модернизация.

Key words: Russia, early 21st century, agriculture, land policy, demographic trends, households, modernization.

Основным ориентиром постиндустриального развития должна стать диверсификация и модернизация производства, инженерной и социальной инфраструктуры малых городов и сельской местности. Можно смело утвер-

ждать, что в долгосрочной перспективе в регионах выиграет тот, кто ускоренно разовьет сельскую местность и нарастит в ней численность населения.

The main guideline for post-industrial development must be diversification and modernization of production base, engineering and social infrastructure of small towns and rural localities. One can freely assert that in a long-time perspective the winners will be regions with accelerated growth of those localities and local population.

В.Г. Холодков. Возможно ли использовать опыт Китая в модернизации России?

V.G. Kholodkov. Is it Possible to Use China's Experience in the Russian Modernization?

Ключевые слова: Россия и Китай, начало XXI в., модернизация, опыт Китая, роль государства.

Key words: Russia and China, early 21st century, modernization, Chinese experience, role of the state.

В модернизации экономики Китай выбрал «двухколейный» подход – строительство рыночной колеи параллельно существующей плановой. Кроме того, в Китае социальные расходы центрального правительства распространялись и распространяются на небольшую часть населения – менее 20%, в то время как в России и постсоветских странах – на все население. То есть успех китайских реформ – в том числе в их более либеральном характере, в меньшем участии государства в экономике по сравнению с Россией.

In the modernization of its economy China chose a double-track approach – construction of a market economy track alongside with the existing planned one. Besides, social expenditures of the central government in China embraced only less than 20 percent of the population – as contrasted with total embracing in Russia and other post-Soviet states. That is, the success of the Chinese reforms was predetermined by its liberal character, by lesser state participation in the economy than in Russia.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

В.Л. Иноземцев. Национальные интересы России на постсоветском пространстве: В чем они состоят и какими должны быть?

V.L. Inozemtsev. Russian National Interests in the Post-Soviet Space: What They Are and What They Should Be?

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., национальные интересы, национальная безопасность, постсоветское пространство, экономическая интеграция.

Key words: Russia, early 21st century, national interests, national security, post-Soviet space, economic integration.

Национальным интересам России в наибольшей степени отвечает масштабная «европеизация» постсоветского пространства. Только вместе с Европой Россия сможет гарантировать свое быстрое развитие в XXI в.; только вместе с постсоветскими странами она сможет наладить с Европой диалог на равных. Национальные интересы России сегодня требуют не объединения вокруг нее слабых, авторитарных и неэффективных стран, а объединения ее самой с высокоразвитыми государствами, уже выработавшими эффективные интеграционные модели.

It is the large-scale «Europization» of the post-Soviet space that most surely conforms to the Russian national interests. Only together with Europe can Russia guarantee its speedy development in the 21st century; only together with other post-Soviet countries can it establish an equal dialogue with Europe. Russian national interests demand today not uniting itself with weak, authoritarian and ineffective countries, but being united with highly developed states which have already constructed efficient integration models.

В.С. Мартянов. Ремодернизация постсоветского пространства: Универсализм принципов и целей

V.S. Martyanov. Re-Modernization of the Post-Soviet Space: Universalism of Principles and Goals

Ключевые слова: Россия в начале XXI в., СНГ, постсоветское пространство, имперская интеграция, космополитическая империя.

Key words: Russia in the early 21st century, CIS, post-Soviet space, imperial integration, cosmopolitan empire.

Империя как механизм региональной интеграции постсоветских стран может переиграть современные нации-государства только если она предложит более универсальные и прозрачные культурные, этические и экономические правила игры, нежели имеющиеся. Космополитическая империя как интегрирующая политическая форма, не связанная с сакрализацией некой территории, представляется реальной альтернативой постоянно дробящимся нациям-государствам, чья современность основана на множащихся различиях и конфликтах, а не тождествах.

An empire as a mechanism of regional integration of the post-Soviet countries can leave behind modern nation-states only if it offers more universal and transparent cultural, ethical and economic game rules than the present ones. A cosmopolitan empire as an integrating political form not connected with sacralization of a certain territory appears the real alternative to permanently split nation-states whose modernity is based on multiple differences and conflicts, not identities.

Т.Е. Кузнецова. О некоторых аспектах диаспорного уклада в мире и России

T.Ye. Kuznetsova. Some Aspects of the Diaspora Life in the World and Russia

Ключевые слова: диаспоры, миграция, переселенцы, беженцы, трудовая миграция, интеграция.

Key words: diasporas, migration, migrants, refugees, labor migration, integration.

Современное развитие диаспорного уклада — довольно новое для России явление, вызванное распадом СССР и интеграционным процессом в мировом масштабе. Особая роль принадлежит трудовой миграции, во многом определяющей размеры, направления и характер миграционных потоков в мире.

Contemporary development of diaspora life is a relatively new phenomenon to Russia caused by the collapse of the USSR and world-scale integration processes. Of special significance is labor migration which largely determines the size, directions and character of migration flows in the world.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Н.В. Сорокина. Русские и немцы в зеркале представлений российских и немецких студентов

N.V. Sorokina. Russian and Germans in the Mirror of Russian and German Student Perceptions

Ключевые слова: Россия, Германия, восприятие стран, образы стран, студенческие представления, автостереотипы.

Key words: Russia, Germany, country perception, country images, student perceptions, self-perceptions.

Автостереотип русских имеет ярко выраженный позитивный характер. Важнейшие черты в структуре автостереотипа – доброта, сила, смелость, патриотизм. В автостереотипе немцев доминируют не столь положительные качества. Главными чертами являются пунктуальность, холодность и недовольство.

Russian self-perceptions are of definite positive character. Most important components in their structure are kindness, strength, courage, patriotism. German self-perceptions are characterized by not so positive features. Mostly mentioned are punctuality, coolness and dissatisfaction.

Л.С. Лыкошина. Дональд Туск – либерал во власти

L.S. Lykoshina. Donald Tusk – A Liberal in Power

Ключевые слова: Польша, начало XXI в., политическая жизнь, политическая элита, Дональд Туск.

Key words: Poland, early 21st century, political life, political elite, Donald Tusk.

Последнее пятилетие правления польского кабинета министров под руководством Д. Туска неправомерно расценивать в категориях безусловного успеха, но правительство Туска сумело удержать польскую экономику на плаву, сохранить экономический рост, наладить достаточно устойчивые отношения с соседями. Прагматизм и рационализм, столь характерные для Туска и его партии оказались адекватными подходами для руководства страной и вполне приемлемыми для большинства польского электората.

SUMMARIES

The last five years of the Polish cabinet of ministers under Donald Tusk cannot be estimated in the categories of indisputable success, but the Tusk government was able to keep the polish economy afloat, retain economic growth, establish rather stable relations with Poland's neighbors. Pragmatism and rationalism, so notable in the policy of Tusk and his party, became adequate approaches to lead the country and be accepted by most of the Polish electorate.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурирует этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П. К вопросу о... // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о... // Сборник статей... / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

***Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления
научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!***

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 3–2012 (76)

Художественный редактор Т. П. Солдатова

Верстка Н. М. Власова

Технический редактор Н. И. Романова

Корректор

О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 11.09.2012 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 20,3 Уч.-изд. л. 15,1

Тираж 900 экз. Заказ № 149

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9